

КРАСАВІК

1

СЕРЫЯ 4, 1988

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У.І.Леніна

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

Філалогія
Журналістыка
Педагагіка
Псіхалогія

МІНСК
ВЫДАВЕЦТВА
“УНІВЕРСІТЭЦКАЕ”
1988

ЗМЕСТ

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Лецька К. І.</i> Мастацкія прыныцы раскрыцця каўказскай тэматыкі ў вершы Янкі Лучыны «Pyszny widok»	3
<i>Нікіфарова В. Б.</i> На подступах да вялікай прозы (З творчай гісторыі рамана Янкі Брыля «Граніца»)	6
<i>Яскевіч А. А.</i> Вытокі беларускай балады	9
<i>Касько У. К.</i> Беларускае тапанімічнае паданне (Да пытання збірання і вывучэння)	12
<i>Вантенков І. П.</i> Элементы экспрэсіі в ранней прозе А. М. Горького	16
<i>Лапушин Р. Е.</i> Три некролога А. П. Чехова (К вопросу о личности писателя)	20
<i>Попова Н. Ф.</i> Особенности реализма Е. Чирикова в прозе 90-х годов о деревне	22
<i>Кириллови Т. Д., Халип И. В.</i> Антивоенный пафос романа Курта Воннегута «Колыбель для кошки»	26

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Мощенская Л. Г.</i> Употребление родовых вариантов типа <i>рельс — рельса</i> в русской речи белорусов-билингвов в зависимости от социально-профессионального фактора	30
<i>Карпович М. П.</i> Стилистическая структура словообразовательных типов со значением лица в русском и белорусском языках	34
<i>Тихомирова Е. А.</i> О некоторых аспектах лингвистической характеристики тропа метафора-олицетворение (на примере русской и белорусской лирики начала XX века)	39
<i>Витт Вальтер.</i> Наблюдения над глагольной сочетаемостью в русском языке	42
<i>Рогалеў А. Ф.</i> Этнонім <i>волахі</i> ў тапаніміі Беларусі	46
<i>Метлюк А. А., Долгорукова А. И.</i> Контрастивный анализ тональных характеристик общего вопроса в английском и белорусском языках	48
<i>Силаева Т. А.</i> Роль первых частотных компонентов в развитии системы глагольной префиксации современного немецкого языка	51
<i>Караичева Т. В.</i> Номинационный деривационный ряд — подсистема средств номинации	54
<i>Киклевич А. К.</i> Категории абстрактности/конкретности и одушевленности/неодушевленности в функциональном аспекте (на материале польского языка)	56
<i>Попов Ю. В.</i> Текст как эмпирический и теоретический объект языкознания	60

ЖУРНАЛІСТЫКА

<i>Мяснікоў А. Ф.</i> Сацыялістычнае спаборніцтва ва ўмовах перабудовы і друк Беларусі	64
<i>Балаш А. В.</i> Крытэры кампазіцыі газетнай паласы	66

ПЕДАГОГІКА, ПСІХАЛОГІЯ

<i>Ревцкий В. В., Бондаренко И. П.</i> Психолингвистические и лингводидактические основы организации самостоятельной лексической работы иностранных учащихся	70
<i>Дичковская Л. Н., Грицюк В. С.</i> О развитии профессионально значимых качеств у будущих учителей в процессе обучения в университете	73

ХРОНІКА

<i>Калюта А. М.</i> V Беларуска-балгарскі сімпозіум мовазнаўцаў	77
<i>Леонова Л. В.</i> Научная конференция «Вук Караджич и славянская культура»	78

РЭЦЭНЗІІ

<i>Амирова Т. А.</i> <u>Н. А. Павленко</u> История письма	80
<i>Зарэмба Л. І.</i> Слова пра паход Ігаравы	81
<i>Норман Б. Ю. М.</i> Попова. Кратък валентен речник на глаголите в съвременния български книжовен език	82

К. І. ЛЕЦКА

МАСТАЦКІЯ ПРЫНЦЫПЫ РАСКРЫЦЦА КАЎКАЗСКАЙ ТЭМАТЫКІ У ВЕРШЫ ЯНКІ ЛУЧЫНЫ «PYSZNY WIDOK»

Вядома, што тэма Каўказа знайшла найбольш поўнае і ўсебаковае раскрыццё ў творчасці А. С. Пушкіна, М. Ю. Лермантава і многіх іншых рускіх паэтаў і празаікаў першай паловы XIX стагоддзя, асабліва ў 20—30-я гады, калі адбываўся даволі значны росквіт рамантызму. Для пісьменнікаў, па словах В. Г. Бялінскага, гэтаму краю «як быццам суджана быць натхніцелем і пестуном іх музы, паэтычнаю іх радзімаю!»¹

Разглядаемы намі ўпершыню падрабязна верш «Pyszny widok» пісьменніка-дэмакрата Янкі Лучыны (І. Л. Неслухоўскага) быў напісаны на польскай мове і апублікаваны спачатку ў № 34 часопіса «Życie» за 1887 год. Гэта пакуль што адзіны мастацкі твор, які сведчыць пра наяўнасць каўказскай тэматыкі ў беларускай дакастрычніцкай літаратуры. У вершы Янка Лучына «адзін з першых у беларускай літаратуры малюе карціну прыгожай грузінскай прыроды: яе горы, рэкі, азёры, якія прыводзяць паэта ў захапленне», і таму зразумела, што менавіта ён «адкрыў першую старонку ў гісторыі літаратурных сувязей паміж беларускім і грузінскім народамі»². У гэтым творы адчуваюцца таксама рэмінісцэнцыі з паэзіі вялікага польскага паэта Адама Міцкевіча, «дзе пры дапамозе адных і тых жа параўнанняў і паралеляў, што і ў «Крымскіх санетах», апісана паўднёвая прырода, а з гэтымі ўспамінамі пераплятаюцца тужлівыя ўспаміны аб радзіме»³. Праўда, паэтычны лад і памер (чатырохстопны харэй) верша «Pyszny widok» не надта адпавядаюць духу польскага сілабічнага вершаскладання. У той жа час для паэта, які нарадзіўся ў Мінску і большую частку свайго жыцця правёў на Беларусі, у асяроддзі свайго народа, такая з'ява заканамерная.

«Pyszny widok» удала спалучае рамантычныя і рэалістычныя прыёмы і сродкі вобразнасці і вельмі хораша ўпісваецца ў кантэкст усёй паэзіі Янкі Лучыны з яе ярка выражанай пачуццёваасцю і лірызмам. Верш пачынаецца з пейзажнай замалёўкі, якая, захоўваючы ў цэлым рэальную аснову, пададзена як гіганцкі панарамны прывід, вытрымана ў падкрэслена рамантызаваным, узвышаным тоне. Пра гэта сведчыць незвычайная рухомасць з'яў, малюнкаў і карцін суролага каўказскага ландшафту, горных патокаў, скал, дзівоснае спалучэнне святла, бляску і нават гукаў:

Pyszny widok gór Kaukazu!
Tam na skałach skał gromada,
Z wiecznych śniegów wód kaskada
Z rykiem pędzi po opoce,
Pienistymi wały grzmoce...⁴

І ўжо зусім, як у традыцыйных рамантыкаў, дзівосна таемнае, невыказанае словамі «Huknie, błysnie», што «obrazu // W przepaścista, czeluść wrada», падаецца загадкава безназоўнай зданню. Бязмежная прастора-

васць, стракагасць і квяцістасць фарбаў выклікаюць эмацыянальную напоўненасць, якая даходзіць да адухаўлення, да з'яднання ў адзіным ладзе перажыванняў, пачуццяў чалавека і дыхання экзатычнай прыроды. Паказ усёй карціны адразу, адначасова стварае ілюзію нечаканага эфекту. Гіганцкую панараму горнага пейзажу мастак будзе перасячэннем гарызантальнага і вертыкальнага планаў у неабсяжнай, неабдымнай прасторы паміж небам і зямлёю. Узнікае своеасаблівая сэнсавая антытэза верху і нізу, якая ў залежнасці ад кантэксту выражае з дапамогай прыслоўя «там» разнастайныя лексічныя значэнні: «Tam na skałach skal gromada...»; «Tam lazury przezroczyście...»; «Tam się czuje, że w przestworze» і наадварот: «Tam z wierzchołka oko sięga // W nieskończonej dali szlaki...», «Tam pode mną step jak morze...». Разам з тым на фоне каўказскай экзатыкі герой Янкі Лучыны «maluczki tylko atom», і таму зразумела, што ён не набывае рыс велічнасці, тытанізму, не ўзвышаецца і не ўзбуйняецца, як гэта можна назіраць у вядомым вершы А. С. Пушкіна «Кавказ» з аналагічнай тэматыкай. Вобразы лучынаўскага чалавека-атама і пушкінскага чалавека-велікана, кантрастна парознаму суаднесеныя з прасторай, побач з рэалістычнай дакладнасцю заклячаюць у сабе выразныя адзнакі рамантычнай паэтыкі.

Яшчэ больш усхвалявана і эмацыянальна гучаць тыя радкі верша «Pyszny widok», калі Янка Лучына пад уздзеяннем захапляючай каўказскай рэчаіснасці ў марах міжволі пераносіўся ў краявіды роднай Беларусі, да нёманскіх даляглядаў. І тады маляўнічасць і характэрнае паўднёвай прыроды аказваліся для беларускага паэта менш прыцягальнымі і прывабнымі, чым дарагія і блізкія сэрцу прасторы, мясціны свайго люблага краю. У асаблівай сінтаксічнай будове пыталых сказаў, мы адчуваем вялікі душэўны неспакой і ўзрушанасць рамантычна настроенага апавядальніка:

Czemuz — kiedy cuda świata
Zdziwione oko mierzy —
Myśl daleko gdzieś ulata,
Serce silniej nie uderzy?
Czemuz widząc górne szczyty —
Myślą w inne pędzę strony? (80)

Выкарыстоўваючы пры гэтым натуральна-звычайную, будзённа-бытавую лексіку і рэалістычнасць дэталю, паэт сродкамі адухоўленай прыроды і ўжываннем неазначальнага займенніка «jakieś» стварае атмасферу таямнічасці і загадкавасці, якая набліжае аб'ектыўнае да суб'ектыўна-рамантычнага ўспрымання:

Szumia, gwarzą stare drzewa.
Wśród konarów leśne ptaszę
Jakieś piosnki, dumki śpiewa,
Jakieś piosnki, dumki nasze... (80)

Бязмежная любоў да роднай зямлі выявілася ў Янкі Лучыны і ў падборы назоўнікаў з памяншальна-ласкавымі суфіксамі: «domek», «drozka», «piosnki». Нават пра «chłodny wiatr Niemnowu», відаць, з прыемнасцю ўспамінаў паэт у часы паўднёвай спёкі. Пералічаныя моўна-выяўленчыя сродкі робяць тон верша эмацыянальным, пачуццёва-мяккім. Яны раскрываюць асаблівасці аўтарскага светаўспрымання любых з'яў прыроды, адносін да свайго, нацыянальнага.

У другой частцы верша, якая тэматычна і ідэйна звязана з першай і амаль цалкам інтымная па зместу, суаднесенасць нацыянальнага і інтэрнацыянальнага таксама даецца па прынцыпу супастаўлення. Эстэтычныя погляды Янкі Лучыны праявіліся тут больш выразна і акрэслена. Акрамя таго, у гэтай частцы лірычнага твора Каўказ і Беларусь асацыіруюцца паэтам адпаведна з чорнымі вачамі грузінікі і блакітнымі — беларускі. Прычым рамантычны пачатак тут з'яўляецца дамінуючым. І гэта не выпадкова, бо менавіта вобраз вачэй (а дакладней, іх колер) даволі часта рамантызаваўся паэтамі і служыў асноўным крытэ-

рыем ацэнкі духоўнага аблічча чалавека, яго ўнутранай чысціні і хараства.

Гаранка-грузінка прываблівае, захапляе лірычнага героя сваёй незвычайнай жаночкай прыгажосцю: чароўным паглядам чорных вачэй, майстэрствам танца. Рамантычная постаць герані і ўражанне пісьменніка ад убачанага раскрываюцца як праз пераўвасабленне некаторых слоў, выразаў і разгорнутых параўнанняў, так і праз энергічны рытміка-інтанацыйны лад вершаванага радка:

U Gruzinki cudne oko
Namiętności ogniem pała,
Z czarnych zrenic o! głęboko,
Sięga bozka ostra strzała. (80)

Суб'ектыўна-лірычная тэндэнцыя рамантызму ўзмацняецца яшчэ больш, калі паэт, не зніжаючы эмацыянальнай настраёвасці свайго апа-вядальніка, робіць нечаканы, рэзка кантрасны па зместу пераход да вобраза беларускі. Як і родная прырода, узнаўляемы зрокавай памяццю Янкі Лучыны пагляд блакітных вачэй пабудаваны тут на паслядоўна праведзеным параўнанні іх з прыметамі пакінутай Беларусі:

A jednakże,— jak umyslnie.
Gdy w marzeniu sennem roję,
To najczęściej słicznych przysnęę
Lazurowych ocząt dwoje! (81)

У канцы верша Янка Лучына яшчэ раз удакладняе погляды на прыгожае. Яно ацэньваецца ўжо на аснове агульначалавечых прынцыпаў і крытэрыяў:

I tak ciągle, i tak zawsze!
Gdy co piękne — schyłam czoło,
Widząc barwy najjaskrawsze
Rozzuczone naokoło,
Niosę podziw i uznanie,
Lecz — nie oddam duszy za nie! (81)

Адаючы даніну вялікай павагі маляўнічаму Каўказу, яго людзям, іх побыту і звычаям, Янка Лучына да канца застаецца верным сваёй радзіме, міламу краю. І менавіта ў гэтым з найбольшай відавочнасцю і сілай выявіліся патрыятычныя пачуцці і рамантычныя парывы нашага паэта, яго любоў да роднай старонкі.

Такім чынам, своеасабліваць раскрыцця каўказскай тэматыкі ў вершы Янкі Лучыны «Pyszny widok» заключаецца ў тым, што яна даецца ў параўнанні з беларускай рэчаіснасцю і выяўляе міжнацыянальныя сувязі ў тагачаснай паэзіі. Што ж датычыцца мастацкіх прынцыпаў лучынаўскага верша, то яны зводзяцца пераважна да рамантычных тэндэнцый, якія яскрава праявіліся ў змесце і форме, у стылі і кампазіцыі ў асноўным рэалістычнага твору.

¹ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1978. Т. 3. С. 274.

² Гл.: Кекелідзе С. А. Грузино-белорусские литературные взаимосвязи. Тбилиси, 1979. С. 38; Квачантирадзе К. К. Янка Лучина — автор первого белорусского произведения о Грузии // Литературное содружество народов СССР. Тбилиси, 1983. Вып. 2. С. 184.

³ Мальдзіс Адам. Творчае пабрацімства: Беларуска-польскія літаратурныя ўзаемасувязі ў XIX ст. Мінск, 1966. С. 133.

⁴ Niesłuchowski Jan. Poezye. Warszawa, 1898. S. 79. Далей тэкст верша Янкі Лучыны даецца па гэтаму выданню. Старонкі паказваюцца ў дужках адразу пасля цытат.

НА ПОДСТУПАХ ДА ВЯЛІКАЙ ПРОЗЫ (З творчай гісторыі рамана Янкі Брыля «Граніца»)

Лёс Брыля-раманіста складаны і, бадай, не мае аналогій з творчасцю іншых пісьменнікаў. Па-першае, таму што Я. Брыль — прызнаны майстар апавядання, навелы, кароткай лірычнай аповесці — ішоў да свайго рамана «Птушкі і гнёзды» (1962—1964) праз дзесяцігоддзі творчых пошукаў. Па-другое, таму што вынік гэтых пошукаў узбагаціў беларускую савецкую літаратуру цікавай жанравай разнавіднасцю лірызаванага рамана (П. Дзюбайла). І для пісьменнікаў, і для даследчыкаў становіцца відавочным: лірычны падыход да адлюстравання рэчаіснасці не супярэчыць раманнай форме, раманнаму мысленню, іх умелае спалучэнне дае цікавыя вынікі.

Лепшыя рысы, наватарская сутнасць «Кнігі адной маладосці» Я. Брыля былі, вядома, абумоўлены і магутным узлётам беларускага рамана ў 60-я гады, і поспехамі савецкай лірычнай прозы, якая ў той час усё больш адчувальна ўплывала на жанравую структуру эпічных твораў. Разам з тым станоўчую ролю адыграў тут вопыт, набыты пісьменнікам у працы над раманам «Граніца» (канец 40-х — пачатак 50-х гадоў). Да яго творчай гісторыі варта звярнуцца, каб разгледзець вытокі наватарства Я. Брыля ў галіне раманнага жанру.

Над сваім першым раманам Я. Брыль пачаў працаваць у кастрычніку 1947 года. Пісьменнік бачыў свой твор у перспектыве «вялікім эпічным палатном», дзе ўсебакова будзе адлюстравана народная барацьба за ўз'яднанне Беларусі. Таму ён выбраў досыць працяглы часовы прамежак: 1933—1939 гады. У першым варыянце «Граніцы» дзеянне пачыналася ў 1932 годзе¹, але потым аўтар пераносіць яго ў год, калі Гітлер захапіў у Германіі ўладу. Такім чынам пашыраўся сусветна-гістарычны кантэкст падзей рамана, пісьменнік падкрэсліваў: антысанацыйная барацьба — гэта і барацьба антыфашысцкая.

Героямі твора павінны былі стаць «рабочыя, сяляне і працоўная інтэлігенцыя, лепшыя прадстаўнікі беларускага, польскага і яўрэйскага насельніцтва і, з другога боку, цёмныя сілы белапольскай рэакцыі»², што таксама сведчыць пра ўстаноўку Я. Брыля на ўсеабдымнае адлюстраванне гістарычных падзей.

Найбольш інтэнсіўная работа над «Граніцай» (згодна з аўтарскім азначэннем) вялася з кастрычніка 1947 па сакавік 1949 года. За гэты час Я. Брыль тройчы публікаваў урывкі з рамана ў перыядычным друку, магчыма, каб яшчэ раз праверыць сябе па рэакцыі чытачоў і крытыкі. У маі 1949 года выйшла часопісная рэдакцыя першай часткі з прысвячэннем: «Светлай памяці Валянціна Таўлая — змагара, чалавека і друга»³. У тым жа годзе яна была змешчана ў зборніку «Вераснёвая рунь», дзе да назвы першай часткі — «Напярэдадні» — далучыўся падзаглавак «аповесць». Напэўна, у ходзе працы над раманам аўтар вырашыў бабудаваць яго з адносна самастойных частак. Да твораў невялікага фармату Брыль паспеў ужо прызвычаіцца і цяпер імкнецца выкарыстаць гэты вопыт. Дарэчы, такім структурным прынцыпам — «раман з аповесцей» — Брыль будзе потым карыстацца ў «Птушках і гнёздах».

Аднак былі, безумоўна, і іншыя прычыны драблення кампазіцыі рамана, напрыклад, множнасць падзейных планаў. У «Напярэдадні» рэчаіснасць адлюстроўваецца ў трох асноўных сферах: жыццё заходнебеларускага сялянства, падпольная барацьба за вызваленне краю і варажы лагер. Апошні ўяўляе сабою не столькі асобны план апавядання, колькі сукупнасць персанажаў — антаганістаў галоўных герояў. І нельга не заўважыць, што, вывадзячы на сцэну галынкаўскага кулака Мацюху і драпежнага хутаранца Якаўца, захмялелага ад улады асадніка Нітку і вытанчанага ката Мармавіцкага, Я. Брыль бліскуча карыстаецца сатырычнымі сродкамі.

Сюжетных ліній у «Напярэдадні» вызначаецца дзве. Першая звязана з сялянскімі падзеямі (роля яе цэнтральнага героя спачатку належыць Васілю Кужалевічу, потым усё больш прыкметнае месца адводзіцца вобразу Івана Дармы)⁴, другая — з падпольнай барацьбой (тут падзеі аб'яднаны вобразам Юркі Кужалевіча, старэйшага брата Васіля). Письменнік вырашыў будаваць твор па прынцыпу эпізядычнага чаргавання гэтых двух планаў.

Такая кадрыраваная кампазіцыя вынікае яшчэ і з таго, што абедзве сюжэтныя лініі не зусім аднародныя па якасці мастацкага матэрыялу. Найбольш свабодна Я. Брыль адчувае сябе там, дзе расказвае пра клопаты, радасці і нягоды сям'і Кужалевічаў, пра вясковага байдуна Макара Костачку і маўклівага рабацягу Хаіма Бусла, пра паэтычнае каханне Васіля і Жэні, пра маленькага летуценніка — ці не будучага паэта? — Вальку. Усё гэта для письменніка роднае, састаўляе частку яго жыццёвага вопыту і таму ўзнаўляецца ў рамане ў надзвычай маляўнічых, пластычных карцінах-эпізодах — так, як існуе ў асабістай памяці аўтара. Такім чынам, істотнай перадумовай кадрыраванай кампазіцыі з'яўляюцца і індывідуальныя асаблівасці светабачання письменніка, яго пераважна пачуццёвае пранікненне ў сутнасць жыццёвых з'яў, бо на «адзіным дыханні», пачуцці здольныя трымацца толькі творы невялікага памеру (В. Каваленка).

У адлюстраванні падполля пачуццёвае спасціжэнне рэчаіснасці абмежавана. Тут Я. Брыль вымушаны пераўтвараць паэтычнай фантазіяй ужо не асабісты, а часцей за ўсё чужы вопыт, дакумент, гістарычны факт. І ў арганізацыі гэтай сюжэтнай лініі письменнік спрабуе абaperціся на традыцыю — выкарыстаць законы прыгодніцкага апавядання (так, загадкавы «таварыш Андрэй» у канцы першай часткі аказваецца Юркам Кужалевічам). Аднак здаецца, што аўтару неяк няўтульна ў абстаноўцы явачных кватэр, сутычак з паліцыяй і пабегаў. Ён нават дзе-нідзе аддае перавагу публіцыстычным адступленням, каб самому паведаміць, напрыклад, пра агульны палітычны стан у Польшчы 30-х гадоў. Відавочна, не усё з таго, што хацеў сказаць письменнік, укладвалася ў сюжэт. Больш таго, зладжаны падзейны сюжэт з прыгодніцкімі элементамі, цалкам аб'ектыўнае апавяданне-хроніка, дзе розныя планы адлюстравання чаргуюцца са зменай пункту погляду на падзеі, не задавальнялі Я. Брыля, письменніка лірычнага кірунку, якому патрэбна актыўная роля.

У выніку традыцыйнае ўяўленне аб форме рамана як выключна аб'ектыўнай уступіла ў канфлікт з суб'ектыўна-лірычнай манерай письменніка. Спачатку Я. Брыль спрабаваў пераадолець сябе, схаваць уласнае «я». Дзеля гэтага ён давярае свае думкі і ацэнкі таму ці іншаму персанажу. І ўсё ж такі письменнік не пераўвасабляецца ў сваіх герояў. Ён «бачыць іх наскрозь», ведае кожны рух душы, але разам з тым застаецца самім сабою, вольны зліваць свой голас з голасам героя ў лірычным маналогу альбо рашуча адмаўляцца ад варожай яму пазіцыі. Напрыклад: «Дарагія, крутыя, зялёныя ўзгоркі маёй Наваградчыны!.. Яшчэ б разочак толькі нырнуць пад галлё, забытацца босымі нагамі ў кветках, упасці тварам на расу, прысмаліць крапівой раскаваных рукі...»⁵ — так думае, адчувае Іван Дарма, а разам з ім і сам аўтар. Альбо: «... пакуль яны ішлі, а потым ён угаварваў «пана солтыса» не агінацца, а зайсці на двор і ў хату — буйны хмель неяк зусім непажадана выветраў і ў ачмурэлай мазгаўні засталася нешта тупое, бязвольнае. Проста ные, шчыміць, хоць пайдзі ды зваліся пад плотам. Мацюха — хітры хам! — ніяк не згадзіўся зайсці... Чорт з ім! Станіслаў Нітка пойдзе, ён зробіць, што трэба»⁶. Гэты прыклад паказвае, як мова аўтара-апавядальніка (бо толькі ад яго можа зыходзіць іронія ў адносінах да «п'янчужкі Стася») незаўважна ператвараецца ва ўнутраную мову самога персанажа («хоць пайдзі ды зваліся пад плотам»).

Як бачым, ужо ў «Напярэдадні» Я. Брыль знайшоў дзейсныя сродкі для выяўлення аўтарскай асобы. Яны падрыхтавалі прыход у літаратуру брылеўскага лірычнага героя. У «Граніцы» такога героя пакуль яшчэ

няма; пісьменнік, відаць, так і не вырашыў, каму з персанажаў — Васілю Кужалевічу, у вобразе якога шмат аўтабіяграфічнага, ці больш актыўнаму і пераканальнаму Івану Дарме — даручыць вядучую ролю.

Адсутнасць у рамане адзінага галоўнага героя абвастрыла яшчэ адно прыныповае пытанне: як дасягнуць кампазіцыйнай цэласнасці твора? Змена пунктаў погляду на падзеі толькі падкрэслівала раздробленасць эпизодаў-«кадраў», а ад падпарадкавання іх напружанаму сюжэту або строгай храналагічнай паслядоўнасці пісьменнік, як мы бачылі, адмовіўся; ён шукаў іншых сродкаў, больш адпаведных сваёй суб'ектыўна-лірычнай манеры апавядання. І тут Я. Брыль таксама робіць цікавыя знаходкі.

Пераходы з аднаго плана адлюстравання ў другі, рэзкія і механічныя, на першы погляд, часцей за ўсё апраўданы або асацыятыўнасцю аўтарскай думкі, або развіццём пачуцця, настрою. Напрыклад, паступовае нарастанне трагізму на працягу аямнаццаці раздзелаў «Напярэдадні» раптам перарываецца ледзь не анекдатычным апавяданнем пра тое, як Макар Костачка прыджаў на кірмашы каня. Яно патрэбна Брылю не толькі для «разрадкі напружанасці»: народны аптымізм Макара перадаецца чытачу і рыхтуе жыццесцвярджальны фінал першай часткі рамана.

Досыць часта плынь апавядання накіроўваецца асацыяцыямі. У некаторых выпадках пісьменнік то літаральна «чапляе» пачатак новага раздзела за канец папярэдняга, то ўжывае кантрасную паслядоўнасць эпизодаў, то карыстаецца прыёмам рэтраспекцыі. Але асобныя плённыя знаходкі яшчэ не вырашылі праблему. Я. Брыль нястомна ўдасканальваў тэкст «Напярэдадні» (шліфаваў стыль; дадаваў новыя выразныя дэталі, пераглядаў сістэму дзеючых асоб), нават калі збіраўся публікаваць невялікі ўрывац (напрыклад, «Маладосць, што не скорыцца»⁷), і ўсё ж працягу першая частка рамана «Граніца» не атрымала.

Высветліць прычыны таго, што задума «Граніцы» не была ўвасоблена так, як уяўлялася пісьменніку спачатку, дапамагаюць аўтапрызнанні з цыклу лірычных запісаў «Свае старонкі». У 5-томным зборы твораў Я. Брыля яны пачынаюцца 1951 годам, гэта значыць праз два гады пасля надрукавання «Напярэдадні». Аўтар лічыць сваім абавязкам давесці аб'яцаны раман да канца. Аднак цяжкасці выканання гэтай задачы ўяўляюцца яму цяпер куды выразней, чым у 1947 годзе, калі ён дазваляў сабе жартаваць: «...перад тэмай «Граніцы» стаю, як дзядзька з мехам бульбы перад небаскробам»⁸. Сённяшні Брыль (1952) дадае: «Час ідзе, і на скронях ужо сівізна выступае, а я ўсё стаю, а падняцца мне з бульбай на соты паверх — абавязкова трэба. Ніякі тут ліфт не працуе, і гэта не жарты» (393). Ён здолеў паглядзець на сваю працу крытычна і прызнаць: «Усё, што дагэтуль сабрана для рамана, здаецца недастатковым, усё, што зроблена, — бедным, наіўным» (393).

З цягам часу творчы неспакой пісьменніка ўзмацняецца. Брыль меркаваў яшчэ больш пашырыць гарызонты рамана. Так, Дарма павінен быў стаць удзельнікам антыфашысцкага супраціўлення ў Іспаніі, Васіля Кужалевіча забіралі ў войска напярэдадні другой сусветнай вайны. Аўтар настойліва і мэтанакіравана збіраў матэрыял — у бібліятэках і архівах, у падарожжах і прыватных размовах, але нарэшце заўважыў, што гэта не вырашае праблему. У «Сваіх старонках» з'яўляецца трывожны запіс: «...найгорш — часамі здаецца, што ў мяне не засталася нічога, апроч жадання напісаць раман — ні розуму, ні пачуцця, ні жадання сказаць нешта новае... Ёсць, аднак, і тое, што трэба: сяды-тады здалёк выходзіць і просіцца на паперу сапраўднае, што хоча і мае права на жыццё» (394).

«Сапраўднае» для Брыля — гэта заўсёды тое, што ўласна адчута, перажыта, што стала набыткам яго эмацыянальнага вопыту. Калі гэтага не хапае, дакументальны вопыт у стане яго дапоўніць, але не замяніць. І вось праца над «Граніцаю» спынілася, таму што супярэчнасць паміж першапачатковай задумай «вялікага эпічнага палатна» і асаблівасцямі

творчай індывідуальнасці пісьменніка, прызвычаенага да адлюстравання жыцця з лірычных пазіцый («праз сябе»), дасягнула максімальнага абвастрэння. Зрабілася відавочным: для таго каб стварыць свой раман, Я. Брылю трэба грунтавацца на самым блізкім яму, добра вядомым матэрыяле, не спакушацца грандыёзнымі маштабамі, не ламаць сваю мастацкую манеру, а шукаць сродкаў лірычнага пераўтварэння раманага жанру.

Для такой наватарскай працы пісьменнік у пачатку 50-х гадоў быў яшчэ не гатовы. У «Напярэдадні» ён зрабіў толькі першую спробу пабудаваць вялікі праявіны твор з такім сюжэтам, які па сутнасці ўяўляе сабою «суцэльную кампазіцыю» (А. Яскевіч). Тагачасная крытыка не падтрымала мастацкіх пошукаў Я. Брыля. Таму ён вырашыў часова спыніць работу над раманам, набрацца неабходнага творчага вопыту.

Прыкладна праз дзесяць год ён напіса свой раман — «Птушкі і гнёзды». А лёс «Граніцы» склаўся ў пэўнай ступені нечакана.

На працягу пятнаццаці год Я. Брыль зусім не друкаваў пачаты калісьці раман, і толькі ў 1967 годзе ён уключыў яго ў свой Збор твораў у чатырох тамах. Для яго аповесць «Напярэдадні» была перапрацавана ў «раздзелы з рамана». Аўтар скараціў публіцыстычныя адступленні і ўсе эпідоды, звязаныя з дзейнасцю камуністычнага падполля, зняў прысвячэнне В. Таўлаю (яно мела б сэнс перад завершаным творам), прыглушыў палітычную плакатнасць. Ён пакінуў толькі тыя ўрыўкі, якія лічыў вартымі свайго таленту і ўвагі чытачоў, і такім чынам канчаткова ўзгадніў фрагментарную пабудову твора і яго жанравую спецыфіку — калі можна назваць жанравай разнавіднасцю «раздзелы з рамана». Аднак для гэтага ён выбраў нібы адваротны шлях, зрабіў дробнасць кампазіцыі максімальнай. Магчыма, пісьменнік паступіў так таму, што не хацеў парушаць сувязь «Граніцы» з часам яе ўзнікнення і адпаведным узроўнем свайго майстэрства: магчыма, таму што задума ўжо адышла вельмі далёка, перастала непакоіць. Нарэшце, адносіны Я. Брыля да вялікай прозы пасля «Птушак і гнёздаў» і «Жмені сонечных промняў» таксама змяніліся. Шматтомныя творы здаюцца яму цяпер несучаснымі.

¹ Гл.: Брыль Я. Граніца: Урывак з першай кнігі рамана // Літаратура і мастацтва. 1948. 29 мая.

² Гл.: Уступнае слова да ўрыўка «У пастарунку» // Беларусь. 1948. № 10. С. 22.

³ Польша. 1949. № 5.

⁴ Усе імёны дзеючых асоб даюцца па зборніку: Брыль Я. Вераснёвая рунь. С. 112.

⁶ Там жа. С. 24.

⁷ Гл.: Брыль Я. Дзеля сапраўднай радасці. Мінск, 1952.

⁸ Брыль Я. Збор твораў: У 5 т. Мінск, 1982. Т. 5. С. 393. Далей цытаты даюцца па гэтаму выданню ў тэксце з указаннем старонак у дужках.

А. А. ЯСКЕВІЧ

ВЫТОКІ БЕЛАРУСКАЙ БАЛАДЫ

Даследаванне генезісу беларускай балады пераконвае, што яна ў сваім станаўленні абаніралася не толькі на багатую нацыянальную спадчыну, але паспяхова выкарыстоўвала і дасягненні сусветнай літаратуры.

Паводле вызначэння Л. М. Салавей, беларуская народная балада — жанр ліра-эпічны з дастаткова выяўленымі элементамі драматызацыі апавядання. Да стылёвай адметнасці беларускай фальклорнай балады даследчык адносіць натуральнасць яе апавядання, ашчаднасць выяўленчых сродкаў. Побач са сціслым, амаль схематычным выкладаннем дапускаюцца мерная дэталізацыя, элементы апісальнасці, паўторы, часам маляюцца абразкі прыроды, працы і быту чалавека, што, на погляд даследчыка, перанята з абрадавай паэзіі¹.

У цэнтры баладнага сюжэта нярэдка — лёс чалавека з невычэрпнаю сілаю духа, нескаронай вераю ў сваю правату. У самой смерці, якую герой прымае пакорна і сціпла, ёсць ужо адмаўленне зла, недарэчных праяў жыцця. Маральная перамога героя — характэрная рыса народнай балады.

І духоўнасць балады фальклорнай вельмі рэдка пераклікаецца з сярэдневяковым аскетызмам. Народная мараль абараняе права чалавека на самае простае, шчырае зямное шчасце, зямное каханне, трапяткое і гарачае, імгненнае і вечнае. Справа ў тым, што народная балада ўзнікла ў часы глыбокай старажытнасці і бярэ свой пачатак у дакласавым грамадстве перыяду разбурэння першабытнай фармацыі. Вось адкуль багатае разнастайнай і незвычайнай яе тэматыкі.

Беларуская народная балада як жанр склалася і завяршыла свой найбольш прадуктыўны перыяд развіцця да XVIII стагоддзя. Яна, як і ўся вусна-паэтычная творчасць, развівалася ў цесным кантакце з польскай, рускай і ўкраінскай народнай баладай. У жанравых адносінах найбольш блізкія, маюць найбольш момантаў сутыкнення беларуская і польская народныя балады.

І гэтая роднасць вусна-паэтычных традыцый, абумоўленая пэўнымі гістарычнымі ўмовамі, садзейнічала таму, што беларуская літаратурная балада напачатку свайго станаўлення і развіцця арыентавалася, мела за ўзор польскую літаратурную баладу, якая дасягнула асаблівага росквіту ў творчасці Адама Міцкевіча і іншых польскіх рамантыкаў.

«Балада доўга знаходзілася ў «дзікім» стане, цвіла не як садовы ружовы куст, а як вольная шыршына, захоўваючы свой першародны водар»². Гэтымі сваімі асаблівасцямі яна і захапіла рамантыкаў, якія, можна сказаць, упершыню па-сапраўднаму адкрылі народную баладу, і гэта было як прадвызначэнне яе далейшага жанравага лёсу.

Беларуская літаратурная балада ўзнікла недзе ў 20—30-х гадах XIX стагоддзя з распаўсюджаннем рамантызму ў Польшчы і Расіі. Напачатку гэта былі беларускія па зместу і па краёвых рэаліях, але ў пераважнасці польскамоўныя творы са шматлікімі адзнакамі эпочнасці, якая часам выцясняла лірыку, што і абумоўлівала іх значны аб'ём. Але рамантыкі напачатку не столькі стваралі новыя балады, колькі вывучалі і збіралі балады народныя. Як і ў Еўропе, рамантызм на тэрыторыі Беларусі пачаўся з вывучэння мінулага народа, яго гісторыі і сацыяльных умоў жыцця.

Першымі ластаўкамі ў гэтай справе былі працы: артыкул М. Чарноўскай «Перажыткі славянскай міфалогіі, захаваныя ў звычаях вясковага люду на Белай Русі» і даследаванне З. Даленгі-Хадакоўскага «Аб дахрысціянскай славяншчыне». На думку У. І. Мархеля, апошняя праца, па сутнасці, стала «прадвесцем рамантызму ў польскай паэзіі Беларусі».

Падвіжніцкая дзейнасць З. Даленгі-Хадакоўскага садзейнічала выхаванню істотна новых адносін да вуснапаэтычнай творчасці. Тое ж самае рабілі і філаматы, абуджэнню цікавасці якіх да народна-фальклорнай спадчыны спрыялі лекцыі выкладчыка літаратуры ў Віленскім універсітэце, ураджэнца Беларусі Л. Бароўскага. Ён бачыў у фальклоры «адну з багачэйшых крыніц, якая дасць літаратуры новае жыццё»³.

Узбагачэнне літаратуры за кошт вуснай народнай паэзіі, найперш у высокіх жанрах, было надзвычай плённым ў творчасці А. Міцкевіча. Паэт замілавана ставіўся да народнай песні, названай ім «святым скрыжалем, які народ беражэ як сваю моц, сваю патэнцыю і перспектыву»¹.

Балады А. Міцкевіча, выдадзеныя ў 1822 годзе ў Вільні асобнай кнігай, па сутнасці распачыналі новы, рамантычны напрамак не толькі ў польскамоўнай літаратуры Беларусі і Літвы, але і ва ўсёй польскай літаратуры. Менавіта так былі ўспрыняты яго «Балады і раманы» літаратурнай грамадскасцю. Пра ўражанне, якое зрабіла ў той час з'яўленне першага паэтычнага зборніка А. Міцкевіча, крытык Ю. Коленбах пазней напіша: «У задыхлую атмасферу ўмоўных, будуарных сентыментаў, прапахлых мускусам Талімены, упалі «Балады», быццам букет апрыска-

ных расою вясновых кветак з сельскіх палёў. Ад гэтых майскіх кветак, ад гэтых вясновых пралесак з берагоў Свіцязі, ад водару чарэмхі з курганка Марыі павеяла свежасцю па ўсёй Польшчы»⁵.

На думку У. І. Мархеля, узнікненне жанру балады як рамантычнай формы адказвала новым літаратурна-грамадскім патрэбам. «Рамантызм стварыў своеасаблівы культ фальклору. Паводле сваёй фэбулы, кампазіцыі і мастацкіх сродкаў, рамантычная балада стала адным з самых блізкіх да народнай паэзіі жанраў»⁶. Узор балады, заснаванай на матывах песеннага фальклору (сюжэт: дзяўчына-сірата чакае свайго суджанага з вайны, пахаванне каханых, авеянае духам народнай дэманалогіі), уяўляе сабой балада Томаша Зана «Цыганка». На жаль, гэтае адкрыццё Зана засталася для многіх філаматаў да канца неўсвядомленым мастацкім вопытам.

Другі выхаванец філаматаў А. Ходзька, ураджэнец мястэчка Крывічы на Вілейшчыне, цалкам на фальклорным матэрыяле, нават з увядзеннем эпіграфу з народных песень, стварыў баладу «Пастараль». А сваю кнігу балад «Паэзія» (1829), заснаваную на беларускім і літоўскім фальклору, ён тэматычна пашырае, у духу рамантыкаў, перакладамі твораў з новагрэчаскай і марлацкай вуснапаэтычнай творчасці.

Прадстаўнік песярбургскай «беларускай школы» Аляксандр Грот-Спасоўскі, родам з Магілёўшчыны, вядомы як аўтар дзесяці балад і вершаваных апавяданняў. Найбольш папулярныя з іх «Латнік», «Апошняя паляванне», «Святое возера», «Пакаянне», «Русалкі».

Таёуш Лада-Заблоцкі пісаў рамантычныя балады выключна на сюжэты легенд і паданняў роднай Віцебшчыны. Усе яго раннія творы мелі ярка выяўленую жыццёвую аснову, як, напрыклад, балада «Зачараваная дзяўчына», створаная паводле паданняў, пачутых ад сляпога старца. І не прадбачылася яшчэ тады юнаму паэту, што вольналюбівыя матывы і затоеная настальгія па радзіме, што прагучалі ў баладзе «Ляшка», зрабяцца дамінантай усёй яго творчасці, калі яго, сасланага на Каўказ, будучы падтрымліваць заповітныя вобразы роднага краю. Вядомыя вершы гэтых часоў: «Вільня», «Да Дзвіны», «Дума», «Даўжанскае возера» і паэма «Ваколцы Віцебска».

Падзеі для свайго часу было з'яўленне балады А. Рыпінскага «Нячысцік», напісанай на беларускай мове. У 1859 годзе ён надрукаваў баладу ў Лондане (у паэтычным зборніку) і Познані (асобна) і, як сведчаць дакументы, адразу ж зрабіў спробу перавыдаць яе ў Расіі. Але яму, як эмігранту, носьбіту вольналюбівых ідэй, што выношваў планы пашырэння асветы сялян праз распаўсюджанне сярод іх беларускіх твораў, выданне балады было забаронена.

З паэтаў-філаматаў, усвядоміўшых неабходнасць стварэння літаратуры на роднай мове, найбольшага поспеху ў распрацоўцы балады дасягнуў Ян Чачот. Усе яго сем балад («Бекеш», «Наваградскі замак», «Свіцязь», «Падземны звон на горцы ў Пазянэвічах», «Узногі», «Калдычэўскі шчупак», «Радзівіл, альбо заснаванне Вільні») напісаны на польскай мове. Кожная з іх мае сваю асабістую страфу і свой памер.

Перш за ўсё трэба адзначыць змястоўнае багацце чачотаўскіх балад. Патрыятычныя, гістарычныя матывы спалучаюцца тут з высокай лірыкай любоўнага пачуцця, зямнога і высокага, якое ў рамантыка Чачота мацней за смерць.

Удалае спалучэнне ў баладным радку, дзякуючы закону «адзінства і цеснага раду», планаў інтымных з патрыятычнымі, эпасу з лірыкай — яркая адзнака таго, што нацыянальная балада шукала і ўжо знаходзіла свае жанравыя берагі:

Ах, ганьба таму, хто пачуццям адданы,
Свой край на дзяўчыну мяняе,
Каханкаю першаю нашай — айчына,
Ёй служым, яе мы шануем⁷.

Дзве балады Чачота («Падземны звон на горцы ў Пазянэвічах» і «Узногі») — першыя ластаўкі рэалістычных твораў сацыяльнага зместу.

Калі ў першай баладзе пераважае яшчэ міфалагічна-хрысціянская афарбоўка з пэўнымі элементамі дыдактызму:

Так! божыя слугі жыці сціпла павінны,
Быць шчырымі, роўнымі з людям,
Пра душы, пра добрае дбаць штохвіліны
І быць у паводзінах цудам⁸,

то матыў другой балады — наскрозь сацыяльны пафас, боль за прыгнечаны, бяспраўны люд:

Нястача навокал. І пуста і гола.
Схудалыя волікі ён запрагае,
За пояс — сякеру. Так распач ды голад
Вядуць яго ўночы па дрэва да гаю⁹.

Цікава назіраць, як у творчасці Я. Чачота набірае моц баладны жанр, для якога характэрны ў асноўным аўтарскі погляд «збоку» — драматычна завостраны і адначасова аб'ектывізавана адцягнены. Але паступова, па меры таго, як легендарна-фантастычныя сюжэты набліжаюцца да рэчаіснасці, эпока спалучаецца з элементамі лірыкі, расце драматычная напружанасць, адбываецца пераўтварэнне народнага сюжэта-здарэння ў баладны сімвал, што і складае аснову паэтыкі літаратурнай балады.

Вяршыняй баладнай творчасці Чачота можна лічыць яго «Узногі». У гэтым творы, гаворачы словамі Бялінскага, «галоўнае не падзея, а адчуванне, якое яна ўзбуджае, думка, на якую яна наводзіць чытача». А гэта ўжо адзнака дасканалай балады — адзнака высокай ступені развітасці жанру і філіграннасці майстэрства пісьменніка. Важнейшым структурным элементам балады з'яўляецца сцісласць, лапідарнасць яе формы. Сюжэт яе падобны на скручаную спружыну, заціснутую паміж завязкай і развязкай. У творчасці У. Сыракомлі балада ўжо абасабляецца з рэчышча буйных форм эпасу, усталёўваецца ў спецыфічна баладным жанры, набывае яскравыя рысы лірызму і драматызму. Паглыбіўшыся ў сацыяльны бок рэчаіснасці, беларуская балада дасягнула сваёй ідэйна-мастацкай сталасці ў творчасці Ф. Багушэвіча.

Такім чынам, на працягу XIX стагоддзя беларуская літаратурная балада нават у неспрыяльных сацыяльных умовах вызначылася ў галоўных напрамках свайго развіцця.

¹ Гл.: Салавей Л. М. Беларуская народная балада. Мінск, 1978. С. 88.

² Воздушный корабль: Литературные баллады. М., 1986. С. 4.

³ Гл.: Лойка А. А. Гісторыя беларускай літаратуры: Дакастрычніцкі перыяд. Мінск, 1977. Ч. 1. С. 57.

⁴ Мицкевич А. Собр. соч.: В 5 т. М., 1954. Т. 4. С. 325.

⁵ Mickiewicz Adam. Poezje. Krakow, 1926. Т. 1. S. 3.

⁶ Весті АН БССР: Серыя грамадскіх навук. 1984. № 4. С. 92.

⁷ Беларусь. Мінск, 1986. № 7. С. 24.

⁸ Літаратура і мастацтва. 1986. 18 ліпеня. С. 14.

⁹ Польша. 1985. № 7. С. 102.

У. К. КАСЬКО

БЕЛАРУСКАЕ ТАΠΑНІМІЧНАЕ ПАДАННЕ (Да пытання збірання і вывучэння)

Сцюдзёную ваду з гэтай крынічкі пілі дзед і дзед майго дзёда. Піў з яе і я, як і ўсе людзі, якім даводзілася спрамляць дарогу ад станцыі Фаніпаль да вёскі Павелкава і далей да Лісаўшчыны, Фрунзе. Крынічка называлася Мар'інай. Некалі, паводле падання, жыла тут жанчына Мар'я, якая клапацілася пра чысціню крынічнай вады. Мар'іна крынічка не толькі наталяла смагу і зараджала бадзёрасцю стомленых падарожнікаў, яна напаўняла іх душы спакоем і хараством...

Сёння гэта ўсё ў мінулым. Гадоў дваццаць пяць назад меліяратары

спрамлі русла невяліччай рачулки — прытоку ракі Уса. І скончылася жыццё Мар'інай крынічкі, як і ціхай рачулки.

Гісторыя крынічкі прыпомнілася мне, калі прачытаў у газетах паведамленне аб вяртанні па запатрабаванню шырокай грамадскасці гістарычных назваў шэрагу гарадоў, населеных пунктаў, раёнаў.

Набярэжныя Чалны, Чаромушкі, Белая вежа, Бабін лес, Дзявочая горка, Лобнае возера... У кожнай з гэтых назваў — свая гісторыя, свой лёс. Народныя паданні, у тым ліку тапанімічныя, натхнялі Аляксандра Пушкіна, Міхаіла Лермантава, Максіма Горкага, Адама Міцкевіча, Янку Купалу, Якуба Коласа, Уладзіміра Караткевіча. На жаль, сур'ёзных даследаванняў, прысвечаных вывучэнню тапанімічных паданняў, няма, што тлумачыцца ў першую чаргу недаацэнкай збіральных і даследчыкамі гэтага жанру вуснай народнай творчасці.

У большасці выпадкаў паданні друкаваліся ў апрацоўцы, што істотна зніжала іх мастацкую вартасць. Адзначым, што ўпершыню некалькі беларускіх паданняў пераклаў на рускую мову без літаратурнай апрацоўкі ў 1864 годзе П. Шпілеўскі. Толькі з выхадам у свет класічных фальклорна-энтаграфічных зборнікаў Е. Р. Раманава, П. В. Шэйна, М. Федароўскага, У. М. Дабравольскага¹ ў 80-я гады XIX стагоддзя справа крапулася з месца. Тут побач з запісамі казак, прыказак, прымавак былі змешчаны дакладныя запісы беларускіх легенд і паданняў. Шмат паданняў уключылі ў свае зборнікі ў пачатку XX стагоддзя А. К. Сержпутоўскі, Е. Р. Раманаў, І. А. Сербай².

У савецкі час, нягледзячы на ўзросшую цікавасць да паданняў, асобных выданняў твораў гэтага жанру, як і раней, не было. Адзінкавыя тэксты друкаваліся, як правіла, на старонках газет, часопісаў, эпизадычна змяшчаліся ў тэматычных зборніках, якія выдаваліся Акадэміяй навук БССР³. Прыемным выключэннем з'яўляецца спецыяльны том шматтомнага акадэмічнага выдання беларускага фальклору⁴, які ўключае 747 назваў легенд і паданняў. Шкада толькі, што складальнікі не размежавалі асобна тэксты легенд і паданняў, а гэта значна аблегчыла б работу будучых даследчыкаў беларускага фальклору.

Спецыяльных тэарэтычных даследаванняў народных паданняў, у тым ліку і тапанімічных, мы не маем. Найбольш значнымі з існуючых з'яўляюцца даследаванні асобных аспектаў, цыклаў. Гэта — артыкулы Л. Р. Барага, С. М. Плужнікавай, В. К. Сакаловай⁵. Асобныя аспекты беларускіх паданняў разглядаюцца ў працах К. П. Кабашнікава, П. П. Ахрыменкі⁶. Стану вывучэння беларускіх легенд і паданняў прысвяціў уступны артыкул да тома «Легенды і паданні» М. Я. Грынблат. Важнейшыя праблемы вывучэння праявітых жанраў вуснай народнай творчасці, у тым ліку паданняў, былі абмеркаваны на Усесаюзнай канферэнцыі па праявітых жанрах фальклору народаў СССР, якая праходзіла ў 1974 годзе ў Мінску.

Абмежаваныя памеры артыкула вымушаюць мяне спыніцца больш падрабязна толькі на найбольш распаўсюджаным тыпе паданняў — тапанімічным.

Улік асаблівасцей беларускага матэрыялу і ўмоў бытавання мясцовых паданняў дазваляе прапанаваць такое вызначэнне: «Тапанімічнае паданне — асобны раздзел гістарычных паданняў, у якім зроблена або робіцца спроба растлумачыць гісторыю ўзнікнення гарадоў, вёсак, рэк, азёр, урочышчаў, гор і іх назваў».

Беларускае тапанімічнае паданне нарадзілася ў глыбокай старажытнасці. Аб гэтым сведчаць распаўсюджаныя ў Беларусі паданні і легенды пра асілкаў, што адлюстравалася ў назвах курганоў. У найбольш ранніх з іх расказвалася пра тое, што курганы насыпалі асілкі, якія ў гэтых курганах і пахаваны. Для больш позніх паданняў, прысвечаных гістарычным асобам, характэрны іншы сюжэт. Курганы насыпаліся па загаду цара або кіраўніка паўстання. Вышыня кургана сведчыла тут не аб магутнасці волата, а аб колькасці войска. Так, узнікненне гары каля горада Турава паданне тлумачыць велізарнай колькасцю войска, якое

па загаду князя за адзін вечар насыпала гэтую гару, даўжынёй каля 1/8 вярсты. Аналагічныя матывы ўласцівыя і паданням XVIII стагоддзя. У больш позніх паданнях узнікненне курганоў, гор, тлумачыцца гістарычнай неабходнасцю. Так, каля горада Ваўкавыска, паводле падання, земляныя валы насыпалі шведы ў час вайны з рускімі.

Паданням аб асілках сугучны паданні пра каваля, які быццам бы пабудаваў Белую вежу і чакаў тут змея, каб расправіцца з ім. Замест мяча ў яго руках была дубіна — вырваная з каранем сасна. У большасці твораў дзеянні асілкаў тлумачацца іх імкненнем дапамагчы народу вызваліцца ад прыгнятальнікаў.

Шэраг тапанімічных паданняў складзены ў час узнікнення першых княстваў, умацавання дзяржаўнасці на Русі. Аснову падання аб горадзе Оршы складае апісанне падзвігу маладога князя Оршы і яго дачкі Аршыцы, якія ў цяжкі для Кіева час дапамаглі князю Уладзіміру адбіць набег печанегаў.

Значная група тапанімічных паданняў апавядае аб першых пасяленцах. У паданні аб паходжанні вёскі Бабін лес, запісаным больш 100 гадоў таму назад, расказваецца пра тое, што ў старажытныя часы пасяліліся ў лесе дзед з бабай. Баба вязала сеткі для лоўлі рыбы, птушак, дзед майстраваў бочкі і рэшаты. Ад іх і іх родзічаў вырасла цэлая вёска, якую назвалі Бабін лес.

Каля 50 населеных пунктаў нашай рэспублікі маюць назвы, якія характарызуюць сваяцкія адносіны (Радня, Нашчадкі, Сваячыцы, Зяцеўка) або паходзяць ад імёнаў і прозвішчаў першых пасяленцаў (Стасеўка, Феліксава, Сяргееўка, Левановічы, Васілевічы). Асобныя назвы сведчаць аб звычках, характарах жыхароў вёсак, іх дабрабыце (Труды, Забавы, Сераднякі, Пагулянка). Па назвах населеных пунктаў можна меркаваць і аб іх знешнім выглядзе (Вялікае Сяло, Даўгінава, Круглае, Краснае), аб узросце (Навасёлкі, Навасады, Старынкi).

Многія паданні расказваюць пра тое, кім быў чалавек, імя якога ўвабраў у сябе тапанім, і як гэта адбылося. Пасёллак Фаніпаль, што на Дзяржыншчыне, носіць назву, утвораную ад імёнаў Фаня і Поля — паводле падання, дачок багатага пана, які валодаў сотнямі гектараў зямлі, лесу. Запісанае мною паданне расказвае: «Люты быў пан. Ягоных бізуноў адведалі многія сяляне, а колькі слёз пралілі па яго міласці — адна толькі зямелька ведае. Без суда і следства чыніў расправу ліхадзей над народамі. Гнаў у падвалах, аддаваў у салдаты, разлучаў з любімымі. І дачок сваіх Фаню і Полю хацеў зрабіць жорсткімі і бяздушнымі. Але так ужо здарылася, што дочки пана-ліхадзея раслі ласкавымі ды спагадлівымі, чулымі, як магілі дапамагалі сялянам. То грашым, то меркай зерня ссуджвалі. А калі людзі прыходзілі да паненак з падзякай, тыя гаварылі: «Не трэба дзякаваць. Лепш дрэўца пладовае пасадзіце. Гэта будзе памяць аб нас, калі бацька давядзе да магілы».

Ох, і лютаваў стары пан, калі даведаўся, што дочки дапамаглі тайна абвянчацца і ўцячы кухарцы Гані і конюху Васілю. Загадаў ён прынесці лазы і біць да смерці непаслухмяных дачок. Але дзіва, розгі ў руках ката ператвараліся ў яблыневае вецце, якое лашчыла цела. Ubачыўшы гэта, ад злосці акачурываўся пан. Некуды з'ехалі паненкі. І толькі назва пасёлка і цудоўны фруктовы сад напамінаюць людзям аб Фані і Полі».

Шмат паданняў тлумачаць паходжанне назваў рэк, азёр, палёў фізіка-геаграфічнымі асаблівасцямі мясцовасці ў мінулым (месцазнаходжанне, характар рэльефу, колер вады, глебы). Па такіх адзнаках названы, напрыклад, возера Сіняе ў Крычаўскім раёне, рака Нілая на Століншчыне, вёска Белая лужа ў Слуцкім раёне і іншыя географічныя аб'екты.

Многія назвы гарадоў і вёсак указваюць на этнічны і нацыянальны састаў насельніцтва (Ляхавічы, Палякі, Русакі, Русінава, Рускае сяло, Ліцвяны, Літва, Туркі, Цыганы, Шведы).

Група паданняў звязвае тапонімы з даўнімі падзеямі, якія адбываліся ў гэтых месцах. Прыкладам экскурса ў ваеннае мінулае Беларусі мо-

жа служыць паданне аб Калецкай гары у Слоніміскім раёне Гродзенскай вобласці. «Старыя расказвалі,—гаворыцца ў паданні,—што даўно тут была вайна і людзей калечылі».

Заслугоўваюць увагі даследчыкаў паданні аб тапонімах, утвораных ад асобных слоў. Так, у паданні «Адкуль горад Нясвіж» расказваецца пра тое, быццам, узвёўшы замак, князь Радзівіл доўга не мог прыдумаць яму назву. Ён загадаў слугу ісці да людзей і запомніць першае слова, якое яны вымавіць.

Слуга сустрэў чалавека, які нёс рыбу, і спытаў у яго, ці свежы карп.
— Не свеж,— адказаў чалавек.

З той пары, паводле падання, і пачалі называць горад Нясвіж.

Існаванне вялікай колькасці груп тапанімічных паданняў патрабуе стварэння стройнай сістэмы іх класіфікацыі і сістэматызацыі. Пункты гледжання вучоных на гэтае пытанне вельмі розныя, часам нават процілеглыя⁷. Значны ўклад у вырашэнне праблем класіфікацыі і сістэматызацыі паданняў унеслі міжнародныя Будапешцкі (1962), Маскоўскі (1964), Мінскі (1974) фальклорныя сімпозіумы. Улічваючы вопыт міжнароднай сістэматызацыі паданняў і легенд, прапануем наступную схему класіфікацыі беларускіх тапанімічных паданняў: 1. Адносна геаграфіі мясцовасці; 2. Адносна падзей (войны, катаклізмы, катастрофы і г. д.); 3. Адносна выдатных асоб; 4. Адносна сацыяльнага ладу; 5. Адносна іншых нормаў (паданні аб магільніках, скарбах і г. д.).

Разумеючы, што і такое дзяленне паданняў яшчэ далёка ад ідэалу, лічым усё ж мэтазгодным карыстацца ім, каб ужо сёння мець магчымасць лагічна скампанаваць велізарны матэрыял і больш дакладна размежаваць асобныя групы і тыпы паданняў.

Важнай праблемай з'яўляецца і вывучэнне мастацкіх асаблівасцей беларускіх тапанімічных паданняў. Вырашэнню яе ў савецкай фальклорыстыцы да апошняга часу не ўдзялялася належнай увагі. На думку некаторых даследчыкаў, такое становішча тлумачыцца тым, што ў адрозненне ад былін, казак паданні ствараліся не прафесіянальнымі спевакамі, казачнікамі, а ўзнікалі стыхійна, на аснове вусных расказаў. Ствараліся яны не з эстэтычнымі, а практычнымі мэтамі. Збіральнікі часта абмяжоўваліся пераказамі паданняў. Апошнія не заўсёды нават выдзяляліся з агульнай мовы. І ўсё ж некаторыя прыёмы, мастацкія асаблівасці, якія адносяцца да падання, можна адзначыць. Яны вызначаюцца іх асноўнай устаноўкай на перадачу інфармацыі.

Для перакананасці часта прыводзяцца спасылкі на вусную крыніцу падання («Старыя людзі расказвалі», «Ад маці чуў», «Народ гаворыць»). Гэтыя спасылкі сталі адным з жанравых прыкмет падання.

Для пацвярджэння праўдзівасці расказа робяцца спасылкі на пісьмовыя крыніцы («Пра тое ў грамаце сказана»), указанні на сляды героя (камень Ермака, вуздзечка хана Батыя), паказваюць дамы, дрэвы, дзе жыў, пад якім сядзеў герой (дуб Суворова ў наваколлі горада Кобрына, тракт, па якім праязджала Кацярына II).

У паданні няма спецыяльных зачынаў і канцовак, як, скажам, у казках. Адметныя словы ў канцоўках, якія падагульняюць думку расказчыка, паказваюць важнасць падзей, значэнне помніка і г. д. Функцыю такіх абагульненняў часта адагрываюць прымаўкі, пагаворкі, цытаты з песні, рэплікі расказчыка.

Часта паданні заканчваюцца ўказаннем на тое, што ў памяць аб нейкай падзеі на гэтым месцы быў пабудаваны горад, закладзена царква.

Тапанімічныя паданні, больш чым гістарычныя, маюць паэтычную інтэрпрэтацыю жыццёвага матэрыялу. Многія з іх ні ў чым не ўступаюць лепшым узорам казачнага эпасу.

Сёння, калі значна ўзрасла цікавасць савецкіх людзей да гісторыі роднага краю, гісторыі Радзімы, вывучэнне народнай творчасці набывае асаблівую актуальнасць. «КПСС надае вялікае значэнне больш поўнаму і глыбокаму засваенню працоўнымі масамі багаццяў духоўнай і матэрыяльнай культуры, актыўнаму далучэнню іх да мастацкай творчасці»,—

гаворыцца ў праграме КПСС. Абавязак беларускіх фалькларыстаў — як мага лепш вывучаць каштоўныя скарбы народнай спадчыны, зрабіць іх агульным здабыткам.

¹ Гл.: Романов Е. Р. Белорусский сборник. Витебск, 1887. Вып. 3; 1891. Вып. 4; Могилев, 1901. Вып. 6; Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб, 1893. Т. 2; Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. СПб, 1891. Ч. 1.

² Гл.: Сержпутовский А. К. Сказки и рассказы белорусов-полешуков Слуцкого уезда. СПб, 1911; Материалы по этнографии Гродненской губернии / Ред. Е. Р. Романов. Вильна, 1912. Вып. 2; Сербов И. А. Белорусы-сакуны: краткий этнографический очерк. П., 1915. С. 179—180.

³ Гл.: Беларускі народ супраць папоў і рэлігіі / Пад рэд. М. Н. Нікольскага. Мінск, 1939 (18 запісаў); Жанчына ў беларускай народнай творчасці / Пад рэд. М. Н. Нікольскага і М. Я. Грынבלата. Мінск, 1940 (34 запісы); Беларускі эпас / Пад рэд. П. Ф. Глебкі і І. В. Гутарава. Мінск, 1959 (11 запісаў); Беларускі фальклор Вялікай Айчыннай вайны / Пад рэд. П. Ф. Глебкі і І. В. Гутарава. Мінск, 1961 (10 запісаў).

⁴ Гл.: Легенды і паданні / Склад. М. Я. Грынблат і А. І. Гурскі. Рэд. А. С. Фядосік. Мінск, 1983.

⁵ Гл.: Бараг Л. Да пытання аб волатах-асілках старажытных беларускіх паданняў // Польша. 1945. № 10; Яго ж: «Асілкі» беларускіх сказок и преданий: К вопросу о формировании восточнославянского эпоса // Русский фольклор. Л., 1963. Т. 8.; Плужникова С. Н. Образ осилков в белорусских преданиях и сказках // Советская этнография. 1960. № 4; Соколова В. К. Типы восточнославянских топонимических преданий // Славянский фольклор. М., 1972.

⁶ Гл.: Кабашнікаў К. П. Нарысы па беларускаму фальклору. Мінск, 1964; Ахрыменка П. П. Беларускія песні і казкі. Мінск, 1965.

⁷ Гл.: Чистов К. В. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы. М., 1964; Азбелев С. Н. Проблемы международной систематизации преданий и легенд // Русский фольклор. М.; Л., 1966. С. 182; Пропп В. Я. Жанровый состав русского фольклора // Русская литература. Л., 1972. № 4.

И. П. ВАНТЕНКОВ

ЭЛЕМЕНТЫ ЭКСПРЕССИИ В РАННЕЙ ПРОЗЕ А. М. ГОРЬКОГО

Предчувствие назревания социальных гроз и бурь в общественной жизни России рубежа веков — решающий фактор, определивший стиливое своеобразие ранних произведений М. Горького, характер и роль романтического, субъективно-экспрессивного начала в творчестве писателя.

Эту особенность стиля раннего Горького единодушно отмечала как народническая, так и демократическая критика. Так, Н. К. Михайловский, оценивая рассказ «Макар Чудра», писал, что он «блещет роскошью восточных красок, гиперболических сравнений, сказочных подробностей»¹. А критик Андреевич подчеркивал, что романтическая заостренность рассказа идет от «безумства храбрых», от «страсти в сто лошадиных сил»².

Высокое напряжение страстей и эмоций, характерное в первую очередь для образов Лойко Зобара и Радды, динамизирует лиризм этих образов, придает им повышенно экспрессивный характер, смещая порой их контуры и масштабы. Еще более усиливает динамику характеров главных персонажей (и повествования в целом) конфликт свободы и любви, положенный в основу легенды. Оба героя страстно жаждут воли, однако совместить одно с другим — без ущерба для свободы — они не в состоянии. Любовь и свобода оказались настолько же поглощающими личность без остатка, сколько и несовместимыми, непримиримыми стихиями.

Исключительность образов и ситуаций рождает повышенную эмоциональность стиля, экспрессивные средства художественной выразительности. Щедрой и яркой романтической патетикой отмечен рассказ «Старуха Изергиль». Экспрессивными образами, ритмами и интонациями насыщены здесь и картины природы, и легенда, вложенная в уста старой сказительницы. Экспрессивен и сам образ Изергиль. Страстное жизнелюбие героини-сказительницы передано в рассказе с патетическим автор-

ским лиризмом, который как бы сливается с личностью героини, с мотивом радости жизни и романтикой подвига.

Усиливает экспрессию рассказа конфликт двух типов романтического сознания («связующего» и «отчуждающего» начал), на котором строится сюжет рассказа. Первое начало воплощено в образе Данко, второе — Ларры. В каждом из героев сконцентрировано по одной доминирующей черте: в Ларре доведена до крайних пределов идея эгоцентризма; в образе Данко, наоборот, идея самопожертвования, альтруизма. Однако этим дело не ограничивается. Решая проблему различных жизненных верований, Горький идет дальше, углубляя драматическую коллизию произведения трагедией одиночества, в котором оказываются оба героя-антипода.

Человек «вне людей», сын орла и женщины, «сверхчеловек» Ларра, самонадеянно мнящий себя первым на земле и ни с чем, кроме собственных интересов, не считающийся, карается людьми проклятием вечного отчуждения. Однако и Данко, сердце которого — факел великой любви к людям, ради которых он совершает подвиг самопожертвования, тоже остается одиноким по вине все тех же людей.

Функция антитезы в «Старухе Изергиль» двойная. Усиливая трагедийную основу сюжета, она одновременно социально укрупняет контрастирующие образы, делает более четкими характеристики героев. В дальнейшем критики назовут этот горьковский прием объективно-субъективным, совмещающим в себе романтическую и реалистическую образность.

Экспрессивные ритмы и интонации организуют ткань «Песни о Соколе». Интересна в этом плане творческая история «Песни». В первой ее редакции Сокол парит в «небе духа» и мечтает о подвиге. Умирая, он «жаждет лишь еще раз подняться в небо». Во второй редакции Сокол не только мечтает о подвиге, но «жаждет счастья битвы»³. Это — уже смелый борец, героически гибнущий за свободу.

Смена замыслов порождает смену интонаций, переход от лирической импрессии к экспрессивной образности. Если в первоначальной редакции «Песни» автор рассуждает под «тихий шум волн», то во второй он славит подвиг под «львиный рев» грохочущего моря. Экспрессия во второй редакции усилена и широким использованием инверсии, и афористичностью фраз. Ту же роль играет авторское вмешательство в ход повествования, а также излюбленный Горьким прием контрастного противопоставления гордого и самоотверженного Сокола — эгоистическому, малодушному Ужу.

Высокая патетика и напряженность стиля — характерная черта «Песни о Буревестнике». Стремительность развития сюжета, динамизм горьковского пейзажа, резкость контрастов старого и нового наполняют «Песню» высоким накалом эмоций, предчувствием надвигающихся революционных бурь. Особую роль в создании интонационной напряженности «Песни» играет ритмическая организация повествования с использованием постоянных повторов: «Вот он носится как демон, — гордый, черный демон бури, — и смеется, и рыдает... Он над тучами смеется, он от радости рыдает!»⁴

Кстати, именно ритмическая проза, к которой часто обращается молодой Горький, сообщает его произведениям ту четкую тональность, которая свойственна стиху или организованной прозе, близкой этому стиху. Показательна в этом плане поэма «Человек». Пафосность и взволнованность стиля поэмы, ее интонационная напряженность и «нерегулярность» ритма как нельзя больше соответствуют ее драматическому содержанию. Поэма эта — не просто хвала человеку. Главное в ней — сопряжение внешней и внутренней борьбы на пути к достижению идеала, борьбы со «всей злой дрянью жизни» и самим собой, со своими темными и слепыми инстинктами, с неверием в разум и ложью, с природой и самой смертью. Вместе с тем в поэме необычайно эмоционально звучит мятежный призыв человека, восставшего против сковывающих его разум и энергию темных сил.

Элементы экспрессивной поэтики — не редкость и в таких, написан-

ных в традициях реализма рассказах, как «Челкаш», «Коновалов», «Мальва», «Супруги Орловы», «Дед Архип и Ленька»; их герои живут и действуют не в обычных, ординарных обстоятельствах, а в ситуациях предельно заостренных, в переломные моменты судеб. Как и романтические произведения писателя, эти рассказы строятся на резком противопоставлении характеров. Челкаш и Гаврила, Мальва и Яков, дед Архип и Ленька — обычные для этих новелл художественные антитезы. Отсюда острая напряженность, трагедийность и драматичность сюжета этих произведений.

Экспрессивны в этих рассказах и пейзажи. Вот описание грозы в «Челкаше». «Все кругом — казалось напряженным, теряющим терпенье, готовым разразиться какой-то катастрофой, взрывом, за которым в освеженном им воздухе будет дышаться свободно и легко...» (1, 359) Эпитет «напряженный» часто встречается в ранней горьковской прозе. Вот финал рассказа «Бывшие люди». «В серых тучах, сплошь покрывших небо, было что-то напряженное и неумолимое, точно они собрались разразиться ливнем, твердо решили смыть грязь с этой несчастной, измученной, печальной земли» (3, 240).

Так же экспрессивно заострены в «Бывших людях» многочисленные сравнения и метафоры. Эти тропы характеризуют не только внешность того или иного явления, но зримо обнажают его суть. Таково развернутое сравнение, содержащее социальную характеристику капиталистического хищничества купцов Петунниковых, строящих завод, здание которого «красное, точно кровью обмазанное... походило на какую-то жестокую машину... разинувшую ряд глубоких, жадно зияющих пастей и готовую что-то жевать и пожирать» (3, 204—205).

Немалую роль в усилении эмоционально-экспрессивной выразительности в реалистических рассказах Горького 90-х годов играет образ рассказчика. Если в «Макаре Чудре» и «Старухе Изергиль» рассказчик оттеснен на второй план и заявляет о себе в основном как пассивный слушатель героев-сказителей, то в реалистических рассказах он активно действует, спорит, открыто выражает свои взгляды, ведет диалог с читателем. Так, в рассказе «Однажды осенью» автор-рассказчик, вспоминая о своей спутнице из «гулящих», взволнованно восклицает: «Будь я трижды прокляйт!.. Ведь я в то время был серьезно озабочен судьбами человечества, мечтал о реорганизации социального строя, о политических переворотах, читал разные дьявольски мудрые книги...— я в то время всячески старался приготовить из себя «крупную активную силу». И меня-то согривала своим телом продажная женщина, несчастное, избитое, загнанное существо, которому нет места в жизни и нет цены и которому я не догадался помочь... чем-либо» (1, 479).

Такие пассажи автора-рассказчика, обрамляющие или дополняющие повествование, не только углубляют идейный смысл произведения, но и делают его сюжет более «упругим» и динамичным.

Не снижается субъективность повествования и в тех случаях, когда в рассказах о босяках выступает не персонифицированный рассказчик, а условный повествователь, который хотя и находится за авансценой рассказа, но помогает автору отчетливо выразить свою позицию, придает особую эмоционально-экспрессивную окрашенность образной материи произведения. Порой речевая экспрессия в этих новеллах кажется избыточной, возведенной в абсолюты. Именно такой воспринималась (и в наши дни воспринимается) некоторыми критиками начальная фраза «Море смеялось» в рассказе «Мальва». По этому поводу исследователь ранней прозы Горького Э. Бабаян писал: «Что плохого в этом действительно броском и необычном образном словосочетании, так и остается непонятным. Броскость... не противопоставлена искусству»⁵.

В данном случае фраза «море смеялось» — не дань новизне, не художественный изыск. И выполняет она не только экспрессивную функцию. За ней стоит духовное, социальное содержание. Как справедливо замечает автор монографии «Герой и стиль» В. Гусев, «тема не есть суть де-

талей (системы деталей). Она просто состоит из деталей. (При этом они имеют и экспрессию, а не только тематическую функцию). Система деталей — в некоем отношении это и есть тема, если вынести за скобки чисто субъективную, экспрессивную сторону дела»⁶.

Очевидно, «вынесением за скобки», сбрасыванием со счетов важнейшего средства художественной выразительности, каким является экспрессия, и объясняется неприятие некоторыми критиками «злополучной» горьковской фразы. Между тем метафора «море смеялось» встречается в рассказе несколько раз. И это не случайно. В начале рассказа этот смех — радостный, счастливый, ликующий. Море «улыбалось голубому небу тысячами серебряных улыбок... Солнце было счастливо, что светило; море — тем, что отражало его ликующий свет» (3, 241).

Торжество, ликование в природе здесь соответствует душевному состоянию Василия Легостаева, нетерпеливо ожидающего плывшую к песчаной косе лодку Мальвы.

В следующий раз Мальва не приезжает.

— Не едешь? — вслух сказал Василий. — Ну и не надо. А ты думала как?... И он презрительно плюнул по направлению к берегу. Море смеялось (3, 258).

Однако смех этот не радостный, не ликующий. «Веселый плеск волн» рвут «ожесточенные крики дерущихся чаек, яростно вскрикивающих от боли и злобы» (3, 260).

И, наконец, приехав, Мальва уходит от Василия, уходит, вероятно, навсегда, ненавидя всех и вся, не видя выхода из тупика, в котором она оказалась. И снова «волны звучали, солнце сияло, море смеялось» (3, 290). «Но в этом смехе, собственно, смеха уже нет..., а есть ощущение трагической неустроенности жизни, соленый привкус мужской слезы»⁷.

Как видим, многократное использование Горьким фразы «море смеялось» напрямую связано с авторским замыслом, со стремлением усилить с помощью сюжетной градации драматическую коллизию новеллы, в основе которой — мысль о неизбежной трагедийности судеб людей, оказавшихся за бортом жизни.

Вообще нужно сказать: все раннее творчество Горького — искусство трагическое. Трагичны коллизии и конфликты его ранних новелл, характеры и судьбы героев. Трагичны формулы романтического утверждения. Показательно однако, что трагедии героев не приводят их к нравственному отступлению, к отказу от «войны» с будничной жизнью. Наоборот, жизненные драмы становятся для них своеобразной движущей силой и, как правило, ведут к новой схватке с враждебной действительностью. И хоть в этой борьбе они чаще терпят поражение, чем одерживают победу, именно здесь раскрывается живой динамизм их мыслей, чувств и эмоций. Не исключение в этом плане и роман «Фома Гордеев» и повесть «Трое». Герои этих произведений Фома Гордеев и Илья Лунев — характеры неординарные, исключительные и по силе отрицания, и по напряженности духовной жизни. Это люди, не знающие, но непрестанно ищущие пути к правде. В соответствии с их характерами сюжеты этих произведений полны трагедийных, драматических коллизий и завершаются они душевным бунтом героев.

Усиление художественной экспрессии — явление, характерное для русской прозы на грани веков. Своеобразие Горького-художника заключалось в том, что у него, как ни у кого из русских писателей, субъективно-экспрессивное начало, вызванное неприятием «свинцовых мерзостей жизни», порождало решительную критику уходящего мира общественных отношений. Оно закономерно привело молодого писателя на позиции предельно яркого изображения духовной силы и красоты человека, который борется за социальное и духовное освобождение.

¹ Михайловский Н. К. О М. Горьком и его героях // Русское богатство. 1898. № 9.

² Андреевич. Очерки текущей русской литературы // Жизнь. 1900. № 4. С. 331.

³ Михайловский Б., Тагер Е. Творчество М. Горького. М., 1969. С. 16.

⁴ Горький М. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т. 1. С. 326.

Далее сноски на это издание даны в тексте с указанием тома и страницы.

⁵ Бабаян Э. Ранний Горький. У истоков творчества. М., 1979. С. 185—186.

⁶ Гусев В. Герой и стиль. М., 1963. С. 86.

⁷ Бабаян Э. Ранний Горький. С. 186.

Р. Е. ЛАПУШИН

ТРИ НЕКРОЛОГА А. П. ЧЕХОВА (К вопросу о личности писателя)

Среди произведений чеховской публицистики есть три некролога. Наиболее подробно изучен первый по времени написания, посвященный Н. Пржевальскому. Исследователи творчества Чехова обращаются к нему, характеризуя личность писателя, его взгляд на современное общество. Два других некролога «В. А. Бандаков» и «З. М. Линтварева», если рассматривать их отдельно, не отличаются такой масштабностью, глубиной обобщения, эмоциональным накалом. Но, рассматриваемые вместе с некрологом о Пржевальском, эти же произведения воспринимаются по-иному, они дополняют и обогащают друг друга. Рассказывая о В. Бандакове и З. Линтваревой, Чехов как бы продолжает разговор, начатый им в «Н. М. Пржевальском». Чувствуется внутреннее родство, общность темы и общая для всех трех произведений мысль — о предназначении человека. При таком подходе полнее раскрывается и личность самого писателя.

Бунин точно заметил: «В своих работах он (Чехов — Р. Л.) почти никогда не говорил о себе, о своих вкусах, о своих взглядах... В жизни он также никогда не носился со своим «я», очень редко говорил о своих симпатиях и антипатиях: «Я люблю то-то...», «Я не выношу того-то...», это не чеховские фразы»¹.

В некрологах иначе. Здесь сам жанр предполагает выражение личных взглядов и позиции. «Таких людей, как Пржевальский, я люблю бесконечно»², — говорит А. П. Чехов в одном из писем. Для него Пржевальский — не просто знаменитый путешественник, но прежде всего подвижник, олицетворяющий высшую нравственную силу человека, деятельность которого, помимо ученых и государственных заслуг, имеет громадное воспитательное значение. Также и в деятельности духовного писателя и проповедника Бандакова, в жизни врача Линтваревой, страдавшей от неизлечимой болезни, Чехов выделяет прежде всего нравственный аспект, способность отстаивать свои убеждения, готовность, вопреки собственным страданиям, помогать людям.

Но в каждом из некрологов есть и другой мир, противостоящий, а иногда и открыто враждебный тем, кому отданы симпатии писателя. Наиболее четко это противостояние выражено в некрологе о Пржевальском:

«В наше больное время, когда европейскими обществами обуяли лень, скука жизни и неверие, когда всюду в странной взаимной комбинации царят нелюбовь к жизни и страх смерти, когда даже лучшие люди сидят сложа руки, оправдывая свою лень и свой разврат отсутствием определенной цели в жизни, подвижники нужны, как солнце» (16, 237—238).

На фоне развернутой в «Н. М. Пржевальском» картины современного общества масштабнее воспринимается и судьба Бандакова: «Он не боялся говорить правду и говорил ее открыто, без обиняков; люди же не любят, когда им говорят правду, и потому покойный пострадал в своей жизни не мало» (16, 244).

Более приглушенно, переходя в сферу межличностных отношений, звучит тема противостояния в «З. М. Линтваревой»: «В то самое время, когда вокруг нее зрячие и здоровые жаловались порой на свою судь-

бу, она — слепая, лишенная свободы движений и обреченная на смерть,— не роптала, утешала и ободряла жаловавшихся» (16, 258).

Есть у героев чеховских некрологов и другие точки соприкосновения. «...Такие люди, как Пржевальский,— пишет Чехов,— дороги особенно тем, что смысл их жизни, подвиги, цели и нравственная физиономия доступны пониманию даже ребенка». И, говоря о Бандакове, писатель отмечает, что двенадцать томов его сочинений «составляют энциклопедию, в которой могут найти для себя одинаково интересное и полезное чтение люди всех званий и профессий: и богатейшие негоцианты, и чиновники, и дамы, и солдаты, и арестанты». Также и горе Линтваревой вызывает живое участие не только у ее близких, но и у крестьян, о которых она так искренне заботилась.

Думается, что не будет преувеличением отнести к «людям подвига, веры и ясно осознанной цели» не только знаменитого путешественника, но и В. Бандакова, и З. Линтвареву. В той общественной обстановке, которую обрисовал Чехов в <Н. М. Пржевальском>, равнодушие, деятельная любовь к людям тоже становятся подвигом. Не обязательно совершать далекие путешествия. Подвижником можно быть в каждодневной будничной жизни.

В художественном мире Чехова есть персонаж, вобравший в себя черты героев всех трех некрологов. Это — доктор из «Рассказа старшего садовника». «...Жители города были для него чужие, не родные, но он любил их, как детей, и не жалел для них даже своей жизни. У него самого была чихотка, он кашлял, но, когда его звали к больному, забывал про свою болезнь... Он пренебрегал зноем и холодом, презирал голод и жажду» (8, 344).

Но «Рассказ старшего садовника» — притча. В целом для творчества писателя такие герои не характерны. Даже для лучших чеховских героев подвижничество скорее мечта, а не реальность. Но и это не мало, и это — «симптомы той доброкачественной заразы, которая неминуемо распространяется по земле от подвига» (16, 236).

Следует, однако, учитывать специфику жанра. Герои некрологов приподняты над бытом, освобождены от неизбежных в реальной жизни противоречий и неоднозначности своих характеров. Чехов отбирает в них то, что представляется ему особенно важным, наиболее отвечает его собственным взглядам, убеждениям, поступкам. Поэтому так много в некрологах личного. И сопоставлять их героев надо скорее не с персонажами прозы и драматургии Чехова, а с самим автором.

Некролог о Пржевальском написан в октябре 1888 года. Этот год для Чехова переломный. Покончено с многописанием. Приходит серьезная популярность, внимание критики. Писателю присуждена Пушкинская премия. Но Чехову кажется, что настоящая литературная деятельность еще только начинается. В <Н. М. Пржевальском> он как бы прокладывает какие-то новые для себя пути и в жизни, и в творчестве. «Понятно, чего ради Пржевальский лучшие годы своей жизни провел в Центральной Азии, понятен смысл тех опасностей и лишений, каким он подвергал себя... Читая его биографию, никто не спросит: зачем? почему? какой тут смысл? Но всякий скажет: он прав». Прочитав эти венчающие некролог строки, чувствуешь ненужность и другого вопроса: зачем сам Чехов менее чем через два года поедет на Сахалин, какой тут смысл?

В «В. А. Бандакове» писатель формулирует публицистическую программу таганрогского проповедника, которая характеризует и публицистику самого Чехова (18, 280). «Обладая по природе своей крупным публицистическим талантом, в высшей степени разнообразным, он редко отстранялся на отвлеченных богословских темах, предпочитая им вопросы дня и насущные потребности того города и края, в котором он жил и работал; неурожай, повальные болезни, солдатский набор, открытие нового клуба — ничто не ускользало от его внимания» (16, 244). В свете этой программы закономерными кажутся такие журналистские произведения зрелого Чехова, как опубликованная в «Новом времени» десяти-

строчная заметка «Вопрос», связанная с неурожаем и голодом в центральной России, или, например, замысел неосуществленной статьи о школах для крымских татар. Кроме того, одним из главных достоинств писательской манеры Бандакова Чехов называет простоту и краткость, что характерно для его собственного творчества.

Но, пожалуй, наиболее исповедально звучат цитировавшиеся строки из некролога о Линтваревой, написанные в то время, когда болезнь Чехова уже не раз давала о себе знать.

Героиней же прозы и драматургии писателя могла бы скорее стать не З. Линтварева, а ее сестра, тоже врач, «старая дева, тихое, застенчивое, бесконечно доброе, любящее всех и некрасивое создание» (Письма. Т. 2. С. 278). Такой ее увидел Чехов. А год спустя он напишет о ней в письме к Суворину: «Вы интересуетесь знать, продолжает ли Вас ненавидеть докторша. Увы! Она пополнела и сильно смирилась» (Письма. Т. 3. С. 215). Такова судьба многих чеховских героев. Но писатель считал нужным говорить и о других людях, точнее, о другом в людях — о безоглядной вере, способности к самопожертвованию, к подвигу.

Три некролога не случайны в творчестве Чехова. Они глубоко связаны с его личностью и, что еще более ценно, подтверждены опытом его жизни.

¹ Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1965—1967. Т. 9. С. 180.

² Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1974—1983. Письма. Т. 3. С. 44. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

Н. Ф. ПОПОВА

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗМА Е. ЧИРИКОВА В ПРОЗЕ 90-х ГОДОВ О ДЕРЕВНЕ

Литературное движение 90-х годов XIX века было явлением своеобразным по тематике и проблематике художественных произведений, по наличию в нем разнообразных писательских индивидуальностей. Но эту эпоху роднит с предшествующими десятилетиями главный вопрос, стремление решить который определяло состояние общественной и литературной жизни страны. Это — крестьянский вопрос. Ответить на него надо было на новом этапе развития, в период энергичного наступления капитализма.

Свой вклад в художественное исследование деревенской жизни 90-х годов внес Е. Чириков. Он посвятил изображению крестьянской жизни такие рассказы, как «Свинья» (1888), «В лесу» (1895), «Прогресс» (1896), «Хлеб везут» (1897) и др.¹ Пожалуй, самый значительный для понимания творческой индивидуальности писателя последний из перечисленных. Думается, не случайно этот рассказ с подзаголовком «В летопись голодного года» был опубликован в «Новом слове» (1897, № 7) именно тогда, когда в журнал пришли «легальные марксисты» и развернули полемику с либеральным народничеством, изображавшим деревню как устойчивую общность, которую грозит свалить капиталистический «молох». Наивная вера в спаянность членов «опчества» мешала писателям-народникам полноценно изобразить переход деревни к капитализму. «Идеализация крестьянина и его общины — одна из необходимых составных частей народничества, и народники всех оттенков... принесли обильную дань этому стремлению идеализации и подкрашивания «общины»², — указывал Ленин. Сказанное о теории народников во многом верно применительно и к литературному народничеству, особенно либеральной его тенденции.

Прогрессивная литература 90-х годов преодолевала традиции народнической беллетристики и призывала к правде «без всяких прикрас», наследуя завоевания реализма 60-х годов. В числе таких произведений и рассказ Чирикова «Хлеб везут». Уже начало рассказа противостоит сце-

нам радостного и дружного труда «детей полей» у Златовратского и Нефедова. Эмоционально окрашенный пейзаж определяет суровую тональность повествования о голодающей деревне: «Стоял жаркий июльский полдень. Небеса были чисты, безоблачны, и солнце жгло, как огнем. Земля дышала зноем, сохла в камень и трескалась. Растительность умирала от жажды... Луга желтели пожженной травой. Остатки ярового гибли под раскаленными лучами солнца...»³

Мотив умирания, гибели, тупика усиливается описанием деревни.

Едиственная ее улица была «пустынна и заброшенна». «Некоторые избенки были покинуты и как-то задумчиво смотрели своими наглухо забитыми окнами...» «Казалось, деревушка вымерла», — заключает автор (с. 103).

Главная сила, двигающая сюжет рассказа, определяющая характеры героев и их внутренний мир, их группировку и взаимоотношения, — неутолимая реальная необходимость, одинаковая для всей массы народа. Всеми действиями героев руководит «гнетущий интерес» (Н. Щедрин), т. е. материальная нужда. Эта черта, привнесенная в сюжет и композицию демократической литературой 60-х годов, лежит в основе рассказа Чирикова. Голод, нужда определяют все — и прежде всего поступки Петрухи, отца умирающего семейства. В его судьбе персонафицирована трудная жизнь всех обитателей деревни. Только что схоронил Петруха маленького Митьку, вскоре умирает младшая дочь Акулька. Больны и старшая дочь, и сам Петруха.

Тема страданий бедняка, отчетливо заявленная в рассказе, разработана Чириковым не только в нравственно-психологическом, но и в социальном плане, ставшем завоеванием литературы в 60-е годы. Писатель обращает внимание читателя на «пагубные обстоятельства» (Чернышевский), которые уродуют человека. Психологизм Чирикова приобретает социальную окраску: его интересует прямая зависимость душевных движений и поведения героя от повседневных обстоятельств жизни. Так, мучительное, голодное и бесправное существование делает Петруху равнодушным ко всему, даже к жизни своей и своих близких. Вот характерное для героя психическое состояние, поданное в форме внутреннего монолога: «Не смотрел бы на свет божий — тошно!.. <...> Повалился бы на землю, да так и не встал бы, на все плюнул бы... Либо ушел бы куда-нибудь на край света <...> Всех бы бросил: и избу, и коровенку, и мертвого Митьку... Пусть как хотят...» (с. 102—103). Душевное опеченение героя доходит до такой степени, что при известии старшей дочери о смерти Акульки («Холодная и не дышит...») только и нашлось у Петрухи слов, что «Бог с ней!»

Равнодушие крестьянина ко всему на свете сочетается с его покорностью и пассивностью. В чириковском Петрухе жив патриархальный мужик, давно и твердо знающий, что он меньше всех и должен всем подчиняться. Так, он безропотно дает десятнику высечь себя, когда, обрадованный известием о привезенном хлебе, громко запел около дома земского начальника. Сцена наказания и реакция на него Петрухи типична. Она воскрешает в памяти многочисленные «секуции», изображенные шестидесятниками (например, «Велик бог земли русской» Якушкина) и той прогрессивной народнической литературой, которая преодолевала узкие горизонты этой доктрины («Вольный человек» Каронина-Петропавловского).

Психологические детали рассказа выразительно свидетельствуют о том, что источник многих несчастий созерцательности и пассивности крестьянства в рабской психологии «глуповцев». Горько было осознавать эту истину в 60-е годы, еще горше — в 90-е, но формула Салтыкова-Щедрина «русский мужик беден сознанием своей бедности» оставалась верной и в эпоху бурного развития капитализма, хотя правозверная народническая литература пыталась оспорить этот тезис. Чириков отказывается от народнической идеализации мужика, понимая, что, хотя общественная жизнь 90-х годов начала пробуждаться, это верно применительно к

разночинной интеллигенции, а крестьянская масса еще во многом представляет собой тех самых «дюжинных» людей, о которых говорил Чернышевский в статье «Не начало ли перемены?»

Критический взгляд на мужика в рассказе Чирикова не просто повторение 60-х годов: он формируется с учетом опыта народничества, результатов капитализации деревни, которая неизмеримо увеличила тяготы крестьянства и ускорила распадение былых экономических, общественных и личных связей. Это отрицание на новом этапе. В рассказе «Хлеб везут» налицо разрушение эстетики 60-х годов: физический труд крестьянина больше не является характерным элементом типических обстоятельств при изображении процесса жизни и формирования характеров.

Отметим, что влияние среды на поведение и психику человека в повествовании Чирикова не является фатальным. Писатель, следуя в данном случае за эстетикой Писарева и шестидесятников, изображает (и это психологически оправдано) попытки Петрухи как-то изменить жизнь, вмешаться в ее неумолимо жестокое течение. Правда, в уродливом мире эта попытка приобретает уродливые формы: Петруха хочет поджечь свою избу, получить от земства «вознаграждение» и уйти в город, к жене. Но его подкараулили мужики и злорадствуют: «Поди-ка вот теперь к становому-то, поговори с ним...» (с. 117).

Развязка этого небольшого сюжета реалистична, она свидетельствует о том, что действительно стало яркой приметой деревенской жизни: каждый сам за себя, каждый сам по себе. Нет между крестьянами единения, доброты друг к другу. Так, жители деревни ругают и проклинают Петруху, когда он, стремясь обрадовать их, принес неверное сообщение о хлебе для раздачи голодным. В рассказе почти отсутствуют массовые сцены, которых много было у писателей-народников, поскольку сегодняшнюю деревню Чириков видит разъединенной. И даже тогда, когда случай собирает мужиков вместе (сообщение о муке), голоса их звучат вразнобой. «Поднялось галдение», — заключает эту сцену автор.

Жизнь деревни утратила извечную основательность, которая долгие годы была отличительной чертой крестьянства. Они живут одним днем: появилось немного муки — раздали, напекли хлеба — тут же съели в надежде, что кто-то придет. Существование крестьян в 90-е годы — это стадия «мелочей и пустяков» (Каронин-Петропавловский), когда отсутствует созидательный труд, нет реальных деловых взаимоотношений, а господствует случайность.

Так полемизирует Чириков с воззрениями народничества, уповавшего на единение «опчества», на цельность крестьянского «мира». В своем стремлении запечатлеть разъединение людей, ужаснуться ему, задуматься, как ему противостоять, Чириков близок к художественным исканиям малой прозы 60-х и 80-х годов, сатирических циклов Салтыкова-Щедрина, романного наследия Достоевского.

Разобщенность крестьянского мира отразилась и на сфере семейных отношений. Жена Петрухи ушла в город на заработки, и видятся они редко. Петруха после похорон сына рассказывает случайным слушателям в кабаке, что «жена — в городе и не знает ничего...» (с. 107). Эта, пусть неразвернутая, сюжетная линия таит в себе фиксирование и осознание перемен, свершившихся в деревне. Причем «раскрестьянивание» деревни, повлекшее за собой разрушение семейного уклада, принимается всеми как должное и не вызывает противодействия ни у односельчан Петрухи, ни у него самого.

О зоркости Чирикова-реалиста, художественно исследующего приметы капитализации деревни, свидетельствует диалог между Петрухой и кулаком Николаем Елифанычем. Николай Елифаныч уверен в лености мужика: «Что пужно? Поди опять кланчить?» Пользуясь горем и нуждой Петрухи, он обманывает его при покупке коровенки, а тот и не противится такому бессовестному грабежу. Сцена эта отчетливо характеризует социальное расслоение деревни как устоявшееся и привычное для обеих сторон. Авторская позиция здесь подчеркнута бесстрастно и тем самым

противостоит народническому взгляду на капитализм как явление, несвойственное укладу русской деревенской жизни. Такой объективизм был одной из характерных черт реалистической литературы 80—90-х годов.

Объективизм Чирикова сродни чеховскому, поскольку «тоска по идеалу» есть и в его произведении. Авторская позиция проявляется своеобразно: не в форме открытого публицистического обращения к читателю, а с помощью, например, оценочных слов при обрисовке явлений. Так, стремление автора выразить отрицательное отношение к крестьянской покорности и равнодушию передано словами-характеристиками, отражающими душевное состояние героя. Когда кулак надует Петруху, тот, не понимая обмана, «разом повеселел и бодро зашагал к дому» (с. 105). «Тупо, сосредоточенно,— пишет Чириков,— вглядывался Петруха в личико мертвого сына».

Применяет Чириков и еще один из способов выражения авторской точки зрения — меняющуюся дистанцию между повествователем и действующими лицами. Так, взгляд писателя на Россию верхов — дворянскую, буржуазную, скрывающую свою суть за либеральной болтовней, — постоянно резко критичен. Этот критический пафос отчетливо звучит в рассказе мужика в трактире о земском начальнике, который «не велел пьянствовать, а работать, приказал шапку перед всеми господами скидывать, а главное, скверными словами не ругаться на улицах...» (с. 107). Дистанция же между автором и Петрухой не так постоянна. Наряду с критической оценкой поведения и поступков Петрухи ощущается глубочайшее сочувствие народной судьбе. Оба проявления народности, диалектически соотносенные между собой, роднят идейную направленность рассказа Чирикова со всей прогрессивной литературой второй половины XIX века.

Рассказ Чирикова привлекает внимание демократическими симпатиями автора и его стремлением к безусловной жизненной правде. В нем Чириков показал себя писателем, твердо усвоившим советы Короленко о необходимости изучения «живого факта»⁴. Он наследует лучшие традиции своих предшественников. От 60-х годов Чириков взял новую, по сравнению с «натуральной школой», обрисовку характера. Его Петруха — не только конкретное лицо, но и социально-психологический тип. От шестидесятников же у Чирикова идет изображение новых слагаемых среды, прежде всего социально-экономических отношений.

Художественное исследование взаимодействия характера и среды позволило писателю приблизиться к тем лучшим произведениям реалистической литературы, в которых диалектически соотношены понимание народа как «воплотителя идеи демократизма» (Н. Щедрин) и народа в его сиюминутном историческом бытии. Прогрессивная идейная направленность рассказа Чирикова нацелена против слабых сторон народнической прозы, идеализировавшей мужика и «мир».

Но было бы неверно видеть в его рассказе только повторение пройденного. Чириков как художник нового времени одновременно с усвоением традиций предшественников разрушает их эстетику, исключая, например, физический труд из числа характерообразующих элементов. С особенностями жизни на новом уровне развития связан объективизм Чирикова: аналитичность его прозы, внимание к оттенкам и деталям явлений, стремление не навязывать читателю авторские суждения.

Рассказ Чирикова «Хлеб везут» отражает искания прогрессивной литературы 90-х годов XIX века, когда объектом художественного исследования стал общественный смысл распада патриархальной деревни и возникновение деревни капитализирующей.

¹ Чириков Е. Н. Повести и рассказы. М., 1961. С. 7—8.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 522.

³ Чириков Е. Н. Повести и рассказы. С. 102. Дальнейшие ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страниц.

⁴ Короленко В. Г. О литературе. М., 1957. С. 487.

АНТИВОЕННЫЙ ПАФОС РОМАНА КУРТА ВОННЕГУТА «КОЛЫБЕЛЬ ДЛЯ КОШКИ»

Американский писатель Курт Воннегут в интервью корреспонденту журнала «Нейшн» Роберту К. Мьюзилу сказал: «Никто не отважится упоминать вслух об истине, пронизывающей самую основу нашего бытия: людям не хочется жить». Горькие слова. Но говорят они не о разочаровании, «нелюбви» к жизни самого автора (хотя Воннегут настойчиво называет себя пессимистом). Это вызов, протест против безответственной эскалации гонки вооружений. Вызов, потому что далее в этом же интервью писатель говорит: «У меня есть дети, я их очень люблю и хочу, чтобы они не падали духом и любили жизнь»¹.

Каждая строка произведений Воннегута отражает эту любовь к детям планеты Земля, искреннее беспокойство за судьбы мира перед лицом ядерной опасности. Поэтому на любое преступление против человечества, или хотя бы его части, писатель откликается гневными романами-памфлетами. Так, атомный апокалипсис Хиросимы послужил поводом для создания романа «Колыбель для кошки» (1965), основная тема которого — ответственность ученых перед лицом человечества за свои открытия.

«Колыбель для кошки» — не фантастика. Это реалистическое произведение, в котором нет ничего фантастического, кроме льда-девять — сверхгениального изобретения Феликса Хонникера. При всей абсурдности исходных ситуаций и перипетий «Колыбель» — это реальность сегодняшней Америки.

Иона-рассказчик (модернизированный библейский тип) собирает материал об августовском дне 1945 года, когда были сброшены первые атомные бомбы на Японию: «...я начал собирать материал для книги под названием «День, когда наступил конец света...»² Ничего личного в отношении Ионы к атомной бомбардировке нет. А вот отношение автора ко «Дню» весьма определенно проявляется в рассуждении о христианских истинах, о несовместимости заповедей с тем, что происходит в действительности.

Лед-девять — бессмыслица, но только по представлениям общепринятым, человеческим, а не с точки зрения современной физики. Наука «обогатила» человечество ничуть не «худшими» образчиками смертоносного оружия. Мгновенное и всеобъемлющее оледенение представляется не столь уж невозможным в свете высказывания одного современного американского генерала, назвавшего смерть от лейкемии легким и приятным способом переселения в мир иной.

Каждую страницу, главу романа пронизывает ненависть писателя к войне. Вот история о «человеколюбивом» эсэсовце докторе фон Кенигсвальде, бывшем враче лагеря Аушвиц (Освенцим), удалившемся от мира лечить больных туземцев в джунглях Сан-Лоренцо. «Если он будет продолжать такими темпами, то число спасенных им сравняется с числом им же убитых людей примерно к 3010 году» (с. 290).

Монстры населяют мир романа. Вот мистер Кросби, достойнейший американец, антикоммунист, бизнесмен, рвущийся «помогать» слаборазвитым странам... выпуском велосипедов. А чего стоит инстинктивная попытка «истинных патриотов», мистера и мисс Кросби, остановить всемирную катастрофу заклинанием «Мы американцы! Мы американцы!»

Чрезвычайно красноречивый образ «Папы» Монзано наверняка списан с «Папы» Дока, как был прозван в народе гаптянский диктатор Дювалье. Жалкий старик, корчащийся в болях последней стадии ракового заболевания — символ разложения его режима.

Все события на острове — злой и правдивый памфлет на политику США в Латинской Америке, гротескное обобщение современного политического лицедейства, возведенного на уровень поистине «демократичес-

кого» абсурда. Режим Монзано, триумф «демократии», предоставляет жителям острова полную свободу выбора: либо быть повешенными на «ку-рю-ка» (крюке), либо обожать власть.

Эпизоды из жизни Сан-Лоренцо, предшествующие тотальной катастрофе,— едва ли не самые жуткие страницы книги, потому что гипербола абсурда воспринимается здесь естественно, во всех подробностях быта, как документальный отчет. Кого паразит «крюк», если газеты ежедневно приносят сообщения о новых изощренных, варварских пытках? Кого ужаснет «Папа», когда подобные «гориллы» восседают в президентских креслах многих латиноамериканских республик? Нагнетение ощущения неминуемости, ужаса перед грядущей катастрофой, нагнетение гиперболизированного кошмара, воспринимаемого нами как действительность, разлагают эту «действительность» Сан-Лоренцо изнутри: непомерное увеличение достоверных подробностей нереального действия приводит к взрыву, к самоотрицанию, к самоуничтожению безумного мира острова.

Безответственность политического лицедейства на острове — оборотная сторона безответственности людей науки, в траковке Воннегута. Недаром конец света наступает тогда, когда «Папа» Монзано и лед-девять, последнее, что подарил человечеству Феликс Хонникер, соединились и «вступили в реакцию». Именно образ Хонникера определяет центральную мысль повествования.

Профессор Хонникер портретно не похож ни на одного из американских ученых, создавших атомную бомбу. Это обобщенное изображение представителя «науки ради науки», не оплодотворенной человечностью, человеческой моралью. В наше время «чистой» науки не существует. Она — классовое явление. А Хонникер — тип ученого, «тихо и без спешки приглядывающегося, как бы пустить мир к чертовой бабушке» (с. 194). День 6 августа 1945 года, когда сделанная им бомба заживо испепелила тысячи людей, Хонникер проводит на отдыхе в загородном доме, забавляясь детской игрой «в веревочку». «Из всей этой рукописи ему пригодилась только веревочка. В день, когда сбросили бомбу, его заинтриговала веревочка», — вспоминает Ньют, младший сын Хонникера (с. 185). Веревочка из рукописи, присланной несколько лет назад профессору. А рукопись была романом, описывающим конец света, созданный неким изобретателем. Значит, в то время, когда Хонникер разрабатывал идею атомной бомбы, он мог прочесть о последствиях подобной идеи!

Профессор называет себя восьмилетним мальчишкой, впрочем, он и есть такой: взрослый организм, наделенный гениальным умом в области точных наук, но с совестью и сознанием невинного дитяти, не видящего разницы между добром и злом. Игра в «веревочку» (в «колыбель для кошки») превращается в символ роковой ответственности, который снова возникает на страницах книги, как только речь заходит о Хонникере, о его детях, унаследовавших от отца странную отрешенность от жизни. Дети Хонникера — уроды. И не только внешне: каждый из них носит при себе по маленькому термосу со льдом-девять. У них, как и у отца, принципиальное нежелание осмысливать значение собственных действий, врожденное стремление «получать все жизненные удобства, снимая с себя личную ответственность» (с. 216). Точную характеристику дает им сумасшедший негр Ноулз: «Ребята — бешеные щенята!» (с. 214). Впрочем, автор сообщает нам еще кое-что: «Многие в Илиуме считали, что отцом всех трех детей Хонникера был доктор Брид» (с. 194) — «тишайший доктор Брид», руководитель группы разработки ядерного оружия... Приложивший руку к уничтожению сотен тысяч людей, этот «тишайший» старичок убежденно осуждает убийцу XVII века: «Только подумать. У него на совести целых двадцать шесть человек!» (с. 195).

Вот так Воннегут обобщает, объединяет в одно целое безответственность «инфантильную» — Хонникера, безответственность лицемерную — доктора Брида и безответственность их порождения — детей Хонникера. По Воннегута — это порождение века, порождение американской действительности. Используя разнообразные приемы гротеска, писатель дает по-

нять читателю, что мировая катастрофа — логичный исход развития общества, конечная возможность НТР, когда ее двигателем становится сциентизм, т. е. абсолютизация социальной роли научного знания.

Рассказчик попадает в институт, где свои разработки Хонникер, накануне Рождества. В приемной секретарша доктора Брида подвешивает к люстре бумажную гирлянду с надписью «Мир на земле», а Иона предстоит выслушать от доктора Брида историю льда-девять. «Новые знания — самое ценное на свете. Чем больше истин мы открываем, тем богаче мы становимся» (с. 203), — провозглашает Брид перед началом рассказа про лед-девять, который все живое превращает... в лед. Например, золото, которое встретится на пути армии. Для Брида это чудовищное изобретение — некая абстрактная субстанция. Иона же за этой абстракцией видит живую реальность и, охваченный ужасом, говорит: «А я все думаю про то болото»... (с. 208) Доктор Брид уверяет его, что льда-девять не существует. Ему непонятен ужас Ионы.

Однако уже первые слова следующей главы опровергают заверения доктора: «По крайней мере, в одном доктор Брид ошибался: лед-девять существовал» (с. 208). Недаром «сумасшедший» Ноулз сказал, когда умер Хонникер: «Доктор Хонникер не умер. Он перешел в другое измерение» (с. 214). Действительно, это так. Он перешел и остался жить в лицевом, безответственном мире американской науки, остался жить в своих детях, каждый из которых в маленьком термосе несет смерть — кусочки льда-девять.

Но и последователи Хонникера переходят в другое измерение. Логично (по логике абсурда) приходит в этот мир катастрофа: лед-девять, выпущенный на волю, замораживает его.

Мир Сан-Лоренцо после катастрофы — как страшный, бесконечно длящийся, леденящий душу сон. Расчеты, надежды людей, чудом уцелевших на глыбах льда-девять, призрачны. И даже тут молчит их сознание, молчит разум. «Всем нам чего-то жаль, мамуля», — говорит Иона мисс Кросби. «Да, что теперь горевать над пролитым молоком!» (с. 314) — домашней поговоркой отвечает «мамуля». Людская глупость остается живой в страшнейших катаклизмах. «Мы так ко всему приспособились, так приладились, что никто не удивился, не возразил, когда Хэзел (мисс Кросби) сказала: «Хорошо, хоть комаров нету» (с. 344). Она занята сшиванием полос красной, белой и синей материи для американского флага. Страшна ирония автора: изготовление флага, когда на Земле осталось несколько человек?! Смешон, жалок и трагичен этот мирок выживших: мисс Кросби уютно мурлыкает в такт передатчику, сконструированному Фрэнком и безотрывно передающему «SOS», а сам Фрэнк занимается «научными исследованиями» — муравьиным питомником...

Иона-рассказчик, выступающий в романе как пассивный наблюдатель происходящего, постоянно обращается за подтверждением своих мыслей, за советами к одному источнику, так называемым Книгам Боконона. Это — недвусмысленная пародия на Ветхий и Новый Завет. Бокононизм — единственная религия, достойная абсурдного мира, изображенного К. Виннегутом. «И я вспомнил Четырнадцатый том сочинений Боконона — прошлой ночью я прочел его весь, целиком, — размышляет автор романа. — Четырнадцатый том озаглавлен так: «Может ли разумный человек, учитывая опыт прошедших веков, питать хоть малейшую надежду на светлое будущее человечества?» Прочсть Четырнадцатый том недолго. Он состоит всего из одного слова и точки: «Нет.» (с. 325). За этим гротескным приемом скрывается авторский ответ, хоть и не весьма однозначный: все беды человечества проистекают от нежелания людей воспользоваться данным им от природы разумом, взглянуть в лицо правде и принять на себя ответственность за все происходящее в мире.

В главе сто двадцать седьмой, которая называется «Конец», Иона впервые встречает Боконона:

— Боконон?

— Да.

— Можно спросить, о чем вы думаете?

— Я думал, молодой человек, о заключительной фразе Книг Боконона. Пришло время дописать последнюю фразу.

— Ну и как, удалось?

Он пожал плечами и подал мне листок бумаги. Вот что я прочитал (с. 351).

Тут следует насыщенный мощным антивоенным смыслом заключительный аккорд книги: «Будь я помоложе, я написал бы историю человеческой глупости...» (с. 351). Но она для Воннегута — отнюдь не синоним истории человеческого общества. Это скорее синоним существования безответственных ученых, инфантильных государственных деятелей, от прихотей которых может зависеть судьба всего человечества. Последняя фраза Книг Боконона заставляет нас задуматься над вопросом: существует ли в действительности мир, где глупость старых младенцев может привести к безумству? Ответ однозначен: да, существует.

Курт Воннегут предупреждает о катастрофе, которая может погубить человечество. В интервью журналу «Нэйшн» писатель четко определил свою позицию: «Что касается ядерного оружия, то... если оно существует где-то вообще, оно угрожает всей планете»³.

¹ Мьюзил Р. К. Любви должно быть больше, чем смерти // Литературная газета. 1981. 11 февраля. С. 15.

² Воннегут К. Бойня номер пять... и другие романы. М., 1978. С. 179. (В дальнейшем цитаты приводятся по этому изданию с указанием страниц в тексте статьи).

³ Мьюзил Р. К. Любви должно быть больше, чем смерти.

Л. Г. МОЩЕНСКАЯ

УПОТРЕБЛЕНИЕ РОДОВЫХ ВАРИАНТОВ
ТИПА *рельс — рельса*
В РУССКОЙ РЕЧИ БЕЛОРУСОВ-БИЛИНГВОВ
В ЗАВИСИМОСТИ
ОТ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ФАКТОРА

В статье приводятся результаты наблюдения над использованием вариантных родовых форм имен существительных мужского рода на согласный и женского на *-а(-я)* в русской речи белорусов-билингвов шести социально-профессиональных групп: студентов-филологов белорусского отделения, студентов-филологов русского отделения, студентов-нефилологов, служащих, рабочих, преподавателей русского языка вузов и средних школ.

Для сбора материала нами применялся метод анкетирования. В анкету были включены 16 имен существительных, имеющих неустоявшуюся родовую парадигму, а также существительное *собака*, характеризующееся разной родовой принадлежностью в белорусском и русском языках. В соответствии с нормами литературного языка родовые варианты анкетных имен существительных составляют три группы. Первую группу образуют нормативные варианты, равнозначные или противопоставленные по признаку «устаревший — неустаревший»¹: *банкнот — банкнота, георгин — георгина, жираф — жирафа, клавиш — клавиша, мангуст — мангуста, просек — просека, скирд — скирда, ставень — ставня*. Вторую группу составляют системные варианты, из которых одни являются нормативными, другие закрепляются за разговорно-просторечной или профессиональной сферой употребления: *бутс — бутса, кед — кеда, плацкарт — плацкарта, рельс — рельса, сандалия — сандалий, сандалета — сандалет, тапочка — тапочек, туфля — туфель*. В третью группу вошли интерференционные варианты *собака (ж.) — собака (м.)*.

Данные распределения родовых вариантов имен существительных типа *рельс — рельса* в русской речи белорусов-билингвов в зависимости от социально-профессионального фактора представлены в таблице. В ней приведены изменения количественных показателей родовых форм и их частот в зависимости от суммы всех реакций испытуемых по каждому имени существительному, включая и «поле трудности» (отсутствие ответов, формы множественного числа вместо единственного). В таблице приняты следующие обозначения профессиональных групп: I — служащие, II — студенты-филологи белорусского отделения, III — студенты-нефилологи, IV — рабочие, V — студенты-филологи русского отделения, VI — филологи.

В речевом употреблении эквивалентные родовые варианты достигают значительного расхождения. Из четырех вариантных пар к равновероятной относится только одна *ставня — ставень*, причем студенты-филологи русского отделения, служащие чаще используют вариант м. р., представители остальных профессиональных групп шире употребляют вариант ж. р.² В паре *клавиш — клавиша* основным вариантом являет-

Распределение родовых вариантов типа *рельс—рельса* в русской речи белорусов—билингвов в зависимости от социально-профессионального фактора

Родовые варианты	Профессиональные группы											
	I		II		III		IV		V		VI	
<i>Банкнота</i>	16*	0,32**	22	0,44	5	0,104	11	0,162	16	0,307	16	0,333
<i>Банкнот</i>	27	0,54	21	0,42	24	0,5	46	0,676	31	0,596	29	0,604
<i>Георгин</i>	39	0,371	51	0,51	51	0,526	52	0,371	54	0,495	66	0,674
<i>Георгина</i>	36	0,248	38	0,38	26	0,268	39	0,279	32	0,294	14	0,149
<i>Дублеты</i>	10	0,095	—	—	2	0,021	8	0,057	10	0,092	4	0,041
<i>Георгиня</i>	—	—	—	—	1	0,01	4	0,029	—	—	1	0,01
<i>Георгинь</i>	—	—	—	—	1	0,01	1	0,007	—	—	1	0,01
<i>Жиrafa</i>	58	0,518	69	0,639	71	0,676	83	0,553	29	0,242	57	0,553
<i>Жиrafa</i>	26	0,232	18	0,167	15	0,143	35	0,233	58	0,483	29	0,282
<i>Дублеты</i>	24	0,214	16	0,148	18	0,171	28	0,187	32	0,267	14	0,136
<i>Клавиш</i>	14	0,259	19	0,359	6	0,12	29	0,408	9	0,145	14	0,286
<i>Клавиша</i>	30	0,556	27	0,51	40	0,8	31	0,437	31	0,5	30	0,612
<i>Дублеты</i>	8	0,148	6	0,112	4	0,08	10	0,141	22	0,355	4	0,082
<i>Мангуст</i>	39	0,796	43	0,86	37	0,77	56	0,823	32	0,615	31	0,647
<i>Мангуста</i>	8	0,163	5	0,1	7	0,146	8	0,117	17	0,327	8	0,167
<i>Мангуста (м.)</i>	2	0,041	—	—	—	—	—	—	—	—	7	0,145
<i>Мангустия (ж.)</i>	—	—	—	—	—	—	1	0,015	—	—	—	—
<i>Скирд</i>	—	—	2	0,04	1	0,02	1	0,015	—	—	—	—
<i>Скирда</i>	47	0,959	48	0,96	46	0,96	63	0,926	49	0,924	45	0,938
<i>Дублеты</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	2	0,038	—	—
<i>Ставня</i>	24	0,48	33	0,647	31	0,633	37	0,529	19	0,306	21	0,42
<i>Ставень</i>	25	0,5	15	0,294	15	0,306	27	0,386	20	0,323	20	0,4
<i>Дублеты</i>	—	—	2	0,039	2	0,041	4	0,057	20	0,323	4	0,08
<i>Ставень (ж.)</i>	—	—	—	—	1	0,02	—	—	—	—	—	—
<i>Просека</i>	48	0,96	48	0,941	48	1	61	0,91	50	0,943	44	0,917
<i>Просек</i>	—	—	1	0,02	—	—	3	0,045	—	—	—	—
<i>Дублеты</i>	2	0,04	2	0,039	—	—	2	0,03	2	0,038	—	—
<i>Бугс</i>	23	0,46	33	0,66	26	0,542	45	0,662	27	0,52	27	0,562
<i>Бугса</i>	26	0,52	16	0,32	19	0,396	12	0,176	25	0,48	19	0,397
<i>Бугса (м.)</i>	—	—	—	—	1	0,021	1	0,015	—	—	—	—
<i>Кед</i>	39	0,765	30	0,567	30	0,625	58	0,879	43	0,827	34	0,739
<i>Кеда</i>	7	0,137	5	0,094	1	0,021	6	0,091	3	0,058	7	0,152
<i>Дублеты</i>	4	0,078	2	0,038	—	—	—	—	6	0,115	4	0,087

Родовые варианты	Профессиональные группы											
	I		II		III		IV		V		VI	
<i>Плацкарта</i>	64	0,667	34	0,333	38	0,396	30	0,22	52	0,5	46	0,479
<i>Плацкарт</i>	30	0,312	64	0,628	58	0,604	104	0,765	50	0,48	45	0,469
<i>Дублеты</i>	2	0,021	4	0,039	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Рельс</i>	33	0,647	14	0,28	16	0,333	29	0,427	31	0,596	27	0,562
<i>Рельса</i>	5	0,098	12	0,24	13	0,271	16	0,235	12	0,231	7	0,146
<i>Дублеты</i>	2	0,039	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Сандалет</i>	67	0,807	44	0,83	49	0,721	90	0,874	56	0,778	48	0,75
<i>Сандалета</i>	13	0,157	8	0,151	15	0,22	8	0,078	16	0,222	14	0,219
<i>Сандалия</i>	47	0,461	13	0,197	21	0,236	14	0,106	27	0,252	29	0,387
<i>Сандалий</i>	18	0,176	15	0,227	20	0,225	18	0,136	16	0,15	33	0,44
<i>Сандаля (м.)</i>	30	0,294	23	0,348	36	0,383	76	0,576	47	0,439	7	0,093
<i>Сандаля (ж.)</i>	—	—	6	0,091	6	0,067	4	0,03	—	—	1	0,014
<i>Сандаля</i>	—	—	4	0,061	4	0,045	9	0,068	11	0,103	2	0,027
<i>Тапочек</i>	22	0,44	28	0,549	30	0,6	52	0,776	42	0,604	17	0,37
<i>Тапочка</i>	25	0,5	20	0,392	13	0,26	13	0,194	17	0,321	27	0,587
<i>Дублеты</i>	2	0,04	2	0,039	4	0,08	2	0,03	4	0,075	—	—
<i>Туфля</i>	20	0,4	16	0,32	14	0,28	11	0,153	23	0,411	36	0,735
<i>Туфель</i>	26	0,52	33	0,66	31	0,62	50	0,694	24	0,428	7	0,143
<i>Дублеты</i>	—	—	—	—	4	0,08	8	0,111	8	0,143	2	0,041
<i>Собака (м.)</i>	1	0,02	5	0,1	—	—	4	0,059	4	0,077	2	0,041
<i>Собака (ж.)</i>	49	0,98	45	0,9	48	1	63	0,926	48	0,923	46	0,959

* Количественные показатели словоформ.

** Вероятность их употребления в речи испытуемых. «Поле трудности» определяется путем вычитания суммы частот из единицы.

ся форма ж. р., форма м. р. имеет большую амплитуду колебания, она равновероятная у рабочих, употребительная у студентов-филологов белорусского отделения, филологов, служащих и сравнительно редкоупотребительная у студентов-филологов русского отделения и студентов-нефилологов. Пары *просек* — *просека* и *скирд* — *скирда* практически не существуют в русской речи белорусов-билингвов. Единичные варианты *просек* и *скирд* отмечены у студентов-филологов белорусского отделения, студентов-нефилологов и рабочих.

В группе вариантов, противопоставленных по признаку «устаревший — неустаревший», активно используются формы *банкнота*, *жирафа*, *георгина*, *мангуста*, маркированные как «устаревшие». Так, форма *банкнота* является основным вариантом у студентов-филологов белорусского отделения, употребительной у филологов, служащих, студентов-филологов и сравнительно редкоупотребительной у рабочих, студентов-нефилологов. Вариант *жирафа* отмечен как употребительный в речи испытуемых всех профессиональных групп, а у студентов-филологов русского отделения его можно считать преимущественным. Вариант *георгина*

характеризуется как употребительный во всех профессиональных группах, за исключением филологов (0,149). И только форма *мангуста* определяется как употребительная у студентов-филологов русского отделения, представители других профессиональных групп используют ее сравнительно редко.

В группе вариантов, противопоставленных по признаку «нормативный — ненормативный», ненормативные варианты *бутс*, *кед*, *плацкарт*, *рельса*, *сандалет*, *сандалий*, *тапочек*, *туфель* образуют широкое «поле ошибок», представленное в речи испытуемых всех профессиональных групп. В зависимости от социально-профессионального фактора количественные характеристики этого поля представлены следующим образом: рабочие (0,846), студенты-филологи белорусского отделения (0,734), студенты-нефилологи (0,697), студенты-филологи русского отделения (0,583), служащие (0,559), филологи (0,575). Так, форму *бутс* можно считать преимущественным вариантом в речи студентов-филологов белорусского отделения, рабочих, равновероятным у служащих, студентов-нефилологов, студентов-филологов русского отделения, филологов. Вариант *кед* отмечен как преимущественный в речи представителей всех профессиональных групп, за исключением студентов-филологов белорусского отделения (0,567). Вариант *плацкарт* является преимущественным у рабочих, студентов-нефилологов, студентов-филологов белорусского отделения, равновероятным у студентов-филологов русского отделения, филологов и употребительным у служащих. Форма *рельса* относится к употребительному варианту во всех профессиональных группах, кроме служащих (0,098). Форма *сандалет* характеризуется как преимущественная в речи испытуемых всех профессиональных групп. Вариант *сандалий* является равновероятным в речи филологов, употребительным у студентов-филологов белорусского отделения, студентов-нефилологов и сравнительно редкоупотребительным у рабочих, студентов-филологов русского отделения и служащих. Форма *тапочек* отмечена как преимущественный вариант у студентов-нефилологов, рабочих, студентов-филологов русского отделения, равнозначный у служащих, студентов-филологов белорусского отделения, употребительный у филологов. Вариант *туфель* является преимущественным в речи служащих, студентов-нефилологов, рабочих, равновероятным у служащих, студентов-филологов русского отделения, употребительным у студентов-филологов белорусского отделения и сравнительно редкоупотребительным у филологов.

Интерференционные варианты *собака* (ж.) — *собака* (м.) не могут считаться функционально равнозначными: в русской речи белорусов-билингвов форма м. р. редкоупотребительна. По степени убывания частоты вариантов м. р. профессиональные группы располагаются в следующей последовательности: студенты-филологи белорусского отделения, студенты-филологи русского отделения, рабочие, филологи, служащие и студенты-нефилологи.

В вариантном звене русской речи типа *рельс* — *рельса* выявлены два вида влияния белорусского языка: перенос и интерференция. Из них наиболее значимым является перенос, по отношению к нему интерференция занимает периферийное положение. Перенос выявляется на основе сопоставления количественных характеристик вариантов типа *рельс* — *рельса* в русской речи белорусов-билингвов с аналогичными показателями, приведенными в словаре-справочнике «Грамматическая правильность русской речи» (м. 0,925 — ж. 0,075)³. В зависимости от социально-профессионального фактора соотношения вариантов м. и ж. р. (без учета интерференционных родовых форм) представлены величинами: служащие — 0,515 и 0,485; филологи — 0,54 и 0,46; студенты-нефилологи — 0,563 и 0,437; студенты-филологи белорусского отделения — 0,568 и 0,432; студенты-филологи русского отделения — 0,594 и 0,406; рабочие — 0,66 и 0,34. Таким образом, в русской речи белорусов-билингвов всех профессиональных групп, за исключением рабочих,

формы ж. р. относятся к равновероятным в употреблении, в то время как в словаре-справочнике они охарактеризованы как редкоупотребительные (0,075). Такое расхождение может быть объяснено только поддержкой вариантов ж. р. русской речи соответствующими формами белорусского языка (*жырафа, вярґня, буца, тапачка, сандаля, плацкарта* и др.).

В русской речи белорусов-билингвов интерференционные родовые варианты типа *рельс* — *рельса* редкоупотребительны. Такие формы, как *сандаля* (ж.), *мангуста* (м.), *мангустия* (ж.), *георґиня* (ж.) *георґинь* (м.), *георґинь* (ж.), *ставень* (ж.), отмечены в единичных случаях у рабочих, студентов-нефилологов, студентов-филологов белорусского отделения. Исключение составляют варианты *сандаля* (м.) — *сандаля* (ж.), которые широко представлены в речи испытуемых всех профессиональных групп, кроме филологов (0,093). Количественные показатели интерференционных форм по шкале убывания характеризуются следующими соотношениями: рабочие — 0,075; студенты-филологи русского отделения — 0,054; студенты-нефилологи — 0,052; служащие — 0,039; студенты-филологи белорусского отделения — 0,037; филологи — 0,034.

Наблюдения показывают, что в русской речи белорусов-билингвов процесс вытеснения родовых форм ж. р. соотносительными формами м. р. сдерживается влиянием белорусского языка. В речи белорусов пяти профессиональных групп вариант ж. р. является равновероятным в употреблении наряду с вариантом м. р.

Отклонения от норм литературного языка, связанные с использованием родовых вариантов имен существительных типа *рельс* — *рельса*, — следствие действия неравнозначных механизмов в сознании носителей русского языка в Белоруссии (дифференциации и гипердифференциации), которое приводит к широкому употреблению в русской речи белорусов просторечных родовых форм.

Выявлены две полярные группы (рабочие и филологи), в речи которых, в зависимости от социально-профессионального фактора, наблюдается наибольшее (и наименьшее) отклонение от норм русского литературного языка.

¹ Мы считаем, что вариант с пометой «устаревший» соответствует традиции книжной нормы.

² Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка: Грамматика и варианты. М., 1980. С. 125, 126.

³ Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1978. С. 69.

М. П. КАРПОВИЧ

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТИПОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Типологическая классификация славянских языков на словообразовательном уровне представляет собой многоаспектную проблему, научное решение которой возможно лишь при наличии внутрисистемных и межсистемных исследований (бинарных) в пределах территориальных языковых групп. Результаты таких исследований составляют базовую основу сопоставительно-типологического изучения славянского словообразования¹.

Предмет нашего анализа — коннотативный аспект русского и белорусского именного словообразования, мало изученный в системе одного языка и не изученный в межсистемном сопоставлении. Главное внимание мы обращаем на такие вопросы, как роль словообразующих средств в создании эмотивно-оценочной и стилистической характеристик производной номинативной единицы, общность и национально-языковая

специфика коннотации в ее отношении к словообразовательному типу в целом и к отдельным его семантическим группам, конкретным лексическим реализациям. Коннотация рассматривается нами как компонент семантики языковых единиц, выражающий эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности, как средство экспрессивной окраски номинативных единиц².

Для словообразовательно-стилистического сопоставления взяты словообразовательные типы (СТ) со значениями «лицо — носитель процессуального признака», «лицо — носитель признака», «лицо — носитель предметного признака», выраженные формантами *-щик/-чик*, — бел. *-шык/-чык* и *-ец(-овец)* — бел. *-ец(-овец)/-ац(-авец)*. Одинаковые словообразовательные связи суффиксов с тем или иным типом основ внутри системы обеспечили межсистемную общность анализируемых СТ — отглагольных, отадективных, отсубстантивных. Типы обоих языков являются продуктивными в семантическом микрополе лица.

Говорить о коннотативных свойствах словообразовательного типа в целом, даже в пределах одного языка, можно лишь в общих чертах³. Более конкретно и системно эти свойства проявляются в семантически ориентированных группах (подтипах), на которые членятся СТ. Формальная и семантическая регулярность отношений мотивирующих и мотивированных слов в таких группах позволяет применить к их образованию термин словообразовательная модель (СМ), который в научном обиходе используется, как правило, в том же значении, что и словообразовательный тип. Стилистическая регулярность модели, т. е. производство по ней стилистически однородных номем, дала возможность квалифицировать такую модель как словообразовательно-стилистическую (ССМ) — разговорную, книжную, разговорно-оценочную, эмотивно-оценочную, межстилевую и др.

Анализ СТ на *-щик/чик* — *-шык/-чык* с учетом семантической ориентации дериватов выявил в их стилистической структуре общие и индивидуальные ССМ.

Так, в СТ всех микросистем (глагольной, адективной, субстантивной) действуют СМ межстилевые и нейтральные, в семантике деривата которых отсутствует эмотивно-оценочный компонент. По ним образуются слова со значением «лицо — носитель профессионального признака»: *штамповщик* — *штапоушык*, *эмалировщик* — *эмаліроўшык*, *наладчик* — *наладчык*, *крановщик* — *кранаўшык*, *весовщик* — *вагаўшык*, *экскаваторщик* — *экскаватаршык*. Дериваты детерминировались, не имеют в речи конкурирующих коммуникативных эквивалентов, которые составляют номинативный ряд. Словарные дефиниции типа «тот, кто работает (на чем-нибудь), занимается (чем-нибудь)» для данной группы слов такими эквивалентами, как правило, не выступают⁴. Их единственность в номинативной системе обоих языков, как и большинства названий лиц по специальности, обеспечивает им межстилевое употребление. Словообразовательно абстрагированный суффикс *-щик/-чик* — *-шык/-чык* и нейтрально-оценочная мотивирующая база обусловили нейтральность своих производных. В межсистемном сопоставлении анализируемые модели отличаются отдельными лексическими реализациями, относящимися к разным СТ, стилистически же равноценными: *сплавщик* (леса) — *плытагон*, *плытнік*, *грунтовщик* — *грунтавальнік*, *жестящик* — *бляхар*, бел. *даглядчык* (живёлы) — *скотник*. Правда, в последних двух разнотипных парах вторые компоненты отличаются от своих иноязычных эквивалентов сигналом неблагозвучия, природа которого, на наш взгляд, ассоциативно-образная, внутрисистемная для слова *скотник* и внесистемная, связанная с функциональным билингвизмом, для слова *бляхар*. Заметим, что активность СМ на *-щик/-чик*, в первую очередь русской, обусловленная, с одной стороны, свойством данного суффикса гораздо ярче выражать значение активного деятеля по сравнению с другими морфемами агентивного значения⁵, с другой — социальная потребность в точной квалификации деятеля в связи с

дифференцированностью производственных процессов привела к появлению такой группы узко специальных рабочих наименований, которые вызывают у носителя языка отрицательные эмоции не по отношению к денотату, а по отношению к его имени (*вивщицк колец, отломщицк стекла, просевщицк бисера, обсыпщицк, обрывщицк, разметчицк хлыстов, разводчицк холяв, опрокидчицк, авербандщицк, аквадировщицк*)⁶.

В группе профессиональных названий лица можно выделить отсубстантивную ССМ — разговорную, непродуктивную, по которой возникли единичные номемы (*радикулитчицк* (врач) — *радыкулітчык*, русск. *цитовидчицк, удареничицк*), не имеющие однословных белорусских соответствий, что объясняется национальной спецификой производящих эквивалентов.

В отглагольном СТ определилась эмотивно-оценочная, межстилевая, общая для сопоставляемых языков модель. По ней производятся слова со значением «лицо — носитель процессуально-оценочного признака»: *прогульщицк — прагульшчык, халтурщицк — халтуршчык, обманщицк — падманшчык, подговорщицк* (разг.) — *падгаворшчык* (разг.), *падбухторшчык* (разг.) — *подстрекатель*. Коннотативный смысл этим дериватам передается главным образом мотивирующими словами, хотя формант здесь тоже стилистически значим. Он интенсифицирует эмотивную семантику производящих в производной личной номеме, приобретаая при этом контекстуальную эмотивную маркированность. Суффикс лица усиливает воздействующую способность языковых единиц. (Ср. коннотативную семантику, ироническую, у слова «перестройщик», появившегося в газетных текстах, при позитивной оценочности производящего слова «перестройка». Природа коннотации здесь, на наш взгляд, больше ассоциативная, чем словообразовательная). Отдельные дериваты анализируемой эмотивной модели имеют в словарях стилистическую помету «разг.». В отношении белорусского слова «падбухторшчык» такая помета неправомерна: сфера его функционирования — публицистика, где этим словом выражается эмоциональное неодобрение антиобщественной деятельности.

В отглагольном СТ можно выделить нейтральную, межстилевую модель, по которой образуются личные номинации со значением «лицо — носитель процессуально-нейтрального признака»: *докладчицк — дакладчык, заказчицк — заказчык, подписчицк — падпісчык, советчицк — дарадчык*. Дериваты мотивированы глаголами и отглагольными существительными.

В отсубстантивном и отагъективном СТ действуют стилистические модели, пополняющие арсенал разговорных средств. Мотив создания номинаций по этим моделям — прагматический: стремление экономно обозначить лицо по отношению к предмету, названному существительным или словосочетанием существительного с мотивирующим прилагательным: *газетчицк — газетчык, университетчицк — універсітэтчык, инструментальщицк — інструментальшчык, подземщицк — падземшчык, калийщицк — калійшчык, пансионатчицк — пансіянатчык, санаторщицк — санаторшчык, кавээнщицк — кавээншчык*, русск. *деревеницк* (писатель) и др. Стилистическая маркированность этих дериватов как разговорных оттеняется их смысловыми эквивалентами в официальной речи. Это номинации детерминирующей формы, составляющие вместе с однословными производными (номинациями словообразующей формы) двухкомпонентный номинативный ряд: *газетчицк* — работник газеты, *калийщицк* — работник калийного предприятия, *санаторщицк* — отдыхающий в санатории. Кроме того, разговорность отдельных образований данной модели подчеркивают их межстилевые словообразовательные варианты-синонимы: *аноним* — *анонимщицк* (*ананім — ананімшчык*), *продавец* — *продавщицк* (*прадавец — прадаўшчык*), *газовик* — *газовщицк* (*газавік — газаўшчык*) и др. Вариантные словообразования с суффиксом *-щицк/-чицк* — *-шчык/-чык* продиктованы стилистическим мотивом — «игрой с языком»⁷.

(Ср.: В то возбужденное внимание, которым окружена история смерти Льва Толстого, «кинематографщики» уже три четверти века вносят свою «лепту», и скромностью она не отличается... Еще и удивительно, что при таком потоке «материала» не сделали кинематографисты целой коллекции сериалов по этой теме. Но Герасимов не дает связной истории этого завещания, то есть он уходит от того, что на его месте сделал бы любой хваткий «киношник»... (Л. Аннинский. Ясная поляна. Астапово. Вечность). Разговорная ССМ продуктивна в обоих языках: командировщики (А. Вознесенский), ахинеящики (С. Иванов), дас'ечыкі (Р. Барадулін), кінжальшчыкі (У. Караткевіч).

Такого рода «игра» со словообразовательными моделями приводит к появлению в семантике слова эмотивных сем, что в целом способствует языковой выразительности.

Анализ стилистической структуры СТ на *-ец(-овец) — -ец(-овец)/-ац(-авец)* позволяет констатировать их большую стилистическую разнородность. Так, в отсубстантивном СТ четко определились ССМ: а) эмотивно-оценочная (преимущественно пейоративная), возникшая на базе качественных прилагательных: *скупец — скупец, поганец — поганец, безумец — шаленец*, русск. *лукавец, мерзавец, плюгавец*, бел. *зласлівец, чужынец, нядобразычлівец*. По продуктивности модели сопоставляемые языки не уступают друг другу. Это объясняется наличием в обоих языках широкого круга словопроизводящих основ. Эмоционально-оценочная установка лексических единиц данной модели придает ей соответствующий стилистический статус — актуальность в разговорном и публицистическом стилях; б) нейтральная, разговорно-обиходная с мотивирующей базой — относительными прилагательными: *марафонец — марафонец, мартеновец — мартэнавец*, бел. *навуковец, пачатковец, дазорац*, появившиеся недавно, не имеющие в русском языке словообразовательно однотипных коммуникативных соответствий. В системе другого языка такие лакуны восполняются номинативными единицами не словообразующей формы, входящими в номинативный ряд, общими по дескриптивному компоненту, но отличающимися стилистической ориентированностью. Модель малопродуктивна, так как мотивирующая база — относительные прилагательные — не отличается большой способностью производить аффиксальным способом слова со значением «лицо — носитель признака».

В отсубстантивном СТ стилистически актуальной является модель разговорно-обиходных, эмотивно нейтральных образований, именующих лицо по его отношению к организации, учреждению, учебному заведению, мировоззренческому направлению: *динамовец — динамавец, спартаковец — спартакавец, толстовец — талстовец, елизаветинец — елізавецінец*, русск. *огоньковец, известинец*, бел. *вожыкавец, звяздовец, купалавец* и др. Особую активность здесь проявляют аббревиатурные основы: *филфаковец — філфакавец, журфаковец — журфакавец, райкомовец — райкомавец, белтовец — белтавец, гомсельмашевец — гомсельмашавец*. (Ср. в Словаре новых слов и значений: *лэповец, мехотрядовец, саваковец* (САВАК, тайная полиция в Иране), *фэбэзровец, оасовец, нотовец, цехкомовец, атоммашевец*). Ряды таких образований в обоих языках открытые. Стилистические качества производных данной модели имеют внешнее соизмерение: они хорошо проявляются на фоне других компонентов номинативного ряда, ориентированных на официальное употребление (ср. *райкомовец* — работник райкома). Однословные личные субстантивы активно вовлекаются в процесс неофициальной (разговорно-обиходной) коммуникации. Здесь, как нам представляется, стилистическая маркированность заключается не в словообразовательных средствах деривата, а в его структурной индивидуальности в составе номинативного ряда. Заметим, что некоторые однословные единицы стали уже общеупотребительными: *комсомолец — камсомолец, стахановец — стаханавец*.

Отглагольный СТ объединяет самую разнородную в стилистическом

отношении группы слов в русском и белорусском языках, мотивированную глаголами, страдательными причастиями, отглагольными существительными на *-ение* — *-енне, -эне, -нне* (*примирение* — *прымірэнне, обновление* — *абнаўленне, сражение* — *змаганне*). Это слова нейтральные, общеупотребительные (*продавец* — *прадавец, косец* — *касец, русск. купец, торговец, бел. выдавец, кравец*); эмотивно-оценочные (русск. *лжец, делец, оборванец, льстец, бел. запраданец, мсцівец, ашуканец*); книжные (русск. *иждивенец, приверженец, бел. адрачэнец, змаганец*); высокие (*творец* — *тварэц, творца, певец* — *пясняр*); окказиональные (русск. *икалец, ёкалец, болелец, рыдалец, бел. замолец*). Выделить здесь стилистические модели как образцы для регулярного пополнения стилистических средств той или иной маркированности не представляется возможным. В межъязыковом сопоставлении отглагольные СТ отличаются материальным нетождеством смысловых эквивалентов: многим русским девербативам в белорусском языке соответствуют кальки, полукальки. Имеются расхождения, по данным словарей, в стилистической маркированности отдельных общих дериватов: *голодранец* (прост.) — *галадранец* (разг.), *ободранец* (прост.) — *абадранец* (разг.). На наш взгляд, белорусские номинации нуждаются в стилистической переоценке из разговорных в просторечные. Необходимость разграничивать разговорные и просторечные элементы в белорусском литературном языке диктуется высоким уровнем современной национально-языковой культуры.

Таким образом, самый общий анализ стилистической структуры словообразовательных типов позволяет выявить прежде всего внутрисистемные особенности: стилистическую роль производящих слов в зависимости от их частеречной принадлежности, словопроизводной активности, семантической структуры; функцию форманта в создании, развитии эмосемы деривата, в стилистической ориентации модели, контекстуальный характер форманта; значение внешних факторов в стилистическом соизмерении деривата (наличие конкурирующих речевых единиц — компонентов номинативного ряда, словообразовательных вариантов-синонимов); соотношенность стилистических характеристик с частными словообразовательными значениями типа.

Межсистемное сопоставление констатирует большей частью общие закономерности словообразовательно-стилистических отношений, но раскрывает и их языковое своеобразие. Это различия в дистрибуции суффиксов, связанные как с национальной спецификой производящей базы, так и с их собственной активностью; в словопроизводных способностях основ, во внутренней форме деривата, являющейся составной частью коннотативного смысла. Они приводят к перераспределению межъязыковых смысловых эквивалентов по словообразовательно-стилистическим моделям, а также являются причиной стилистических лакун в одном из сопоставляемых языков.

Анализ стилистической структуры СТ с другими суффиксами во внутрисистемном и межсистемном сопоставлении позволит представить семантическое микрополе лица в виде моделей (реальных, потенциальных) и выявить словообразовательные возможности языков в совершенствовании стилистических систем.

¹ См.: Вендина Т. И. О некоторых аспектах сопоставительного изучения славянского именного словообразования // Советское славяноведение. 1986. № 6.

² См.: Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

³ См.: Русская грамматика. М., 1980. Т. 1; Беларуская граматыка. Мінск, 1985. Ч. 1.

⁴ См.: Никитевич В. М. Основы номинативной деривации. Минск, 1985. С. 122.

⁵ См.: Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972. С. 83.

⁶ См.: Литературная газета. 1987. 26 марта.

⁷ Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987. С. 137.

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ТРОПА МЕТАФОРА-ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ**

(на примере русской и белорусской лирики начала XX века)

Метафора-олицетворение является переходным синкретическим тропом, объединяющим свойства метафоры и олицетворения. Этим, на наш взгляд, объясняется то особое положение, которое данный сложный троп занимает среди способов преобразования значения слова в поэтическом тексте, превращения слова в поэтический знак. В статье анализируется использование его некоторыми русскими и белорусскими поэтами начала XX века, когда метафора воспринималась как «естественное свойство нового поэтического сознания», возможность выразить «живое единство мира»¹.

По мнению Н. Д. Арутюновой, языковая метафора «связана прочными узами с позицией предиката», «ориентирована» на нее². В то же время для многих случаев олицетворения наличие предиката в тексте необязательно. Так, традиционность «исконного» (В. П. Григорьев) способа создания олицетворения — обращение к неодушевленному предмету — допускает отсутствие в контексте глагола разумного восприятия или глагола познавательной деятельности: *О, разум, сколько ты пылал!* (А. Блок); *Доброй ночи, зара-зараніца* (М. Багданович). Имя субъекта олицетворения может быть вынесено в заголовок стихотворения, напр., «К Музе» А. Блока, «Новому, 1915 году» Я. Коласа. Олицетворение в подобных случаях реализуется на уровне целого текста.

В отличие от олицетворения в синкретическом тропе метафора-олицетворение возрастает роль глагольного предиката. В контексте тропа пропозиция модифицируется таким образом, что место актанта-субъекта, выраженного одушевленным существительным, замещается неодушевленным существительным, которое функционирует в тексте в качестве субъекта тропа. Неодушевленный предмет или явление не только уподобляются человеку или животному внешне, но и наделяются способностью совершать активные физические или психические действия подобно одушевленному существу. Следовательно, определенные существительные, являющиеся субъектами тропа метафора-олицетворение, получают возможность сочетаться с новыми предикатами, т. е. в контексте изменяются валентностные свойства лексем и структуры их семем. Таким образом, глагольный предикат в поэтическом тексте «переводит» существительное-субъект тропа метафора-олицетворение из категории неодушевленных в категорию одушевленных. В значении лексемы, кроме общей для всех примеров тропа дополнительной семы 'одушевленность', появляется и обязательная дифференцирующая сема 'способность совершать определенное действие подобно человеку' (благодаря в основном этой семе можно говорить об антропоморфизе в поэзии): *Синь то дремлет, то вздыхает* (С. Есенин); *Сніхала ў долы праўду здрада* (Я. Купала)³.

Деятельность одушевляемого предмета или явления может быть такой же многообразной, как и деятельность человека. В контексте в значении лексемы-субъекта тропа появляются такие конкретизирующие семы, как 'способность думать', 'видеть', 'обладать властью', даже 'умываться', или 'лизать', напр.: *Лижут сумерки золото солнца* (С. Есенин); *ночка пануе* (Я. Купала). Тем самым предмет или явление индивидуализируются. Существительные, их имена, входят в категорию индивидуальных существительных, т. е. лексемы, по классификации Ю. С. Степанова⁴, переходят в рубрику «человек», реже «животные». Одной из важных функций тропа метафора-олицетворение является, следовательно, функция индивидуализации предмета описания, что особенно значимо для поэзии. Индивидуализация субъекта тропа может осуществляться

ся до максимальной степени — отождествления авторского «я» с субъектом тропа (особенность идиостилия Я. Купалы): *Я — тая плачка — сумная бяроза*.

Индивидуализирующая функция часто приводит к актуализации в контексте тропа семы 'способность обладать внешними признаками человека', реже 'птицы или зверя': *«Вечер, свесившись над речкою, положит Водю белой пальцы синих ног»* (С. Есенин); (позолоту) *Сцёрла часу рука векавая* (К. Буйло). Некоторые поэты усложняют образ тем, что функции частей тела человека (рта, рук и т. д.) начинают выполнять части описываемого объекта, напр.: *...ў полі лісцямі пелі таполі* (Я. Купала); *Легким дымом к дальним пожням Шлет поклон день ласк и вишен* (С. Есенин). Такие атрибуты субъекта тропа, как ноги, пальцы и т. п., взаимодействуя с физическими предикатами, дают наглядное представление об одушевляемом предмете или явлении. Однако троп метафора-олицетворение снимает жесткость разделения предикатов на физические или психические и различия субъектов, которым могут приписываться только физические или только психические предикаты (их разграничение описано А. Вежибкой)⁵.

Часто денотат, названный лексемой-субъектом тропа, выполняет одновременно психическое и физическое действия, в контексте появляется сема 'целенаправленность действия': *А во на злосць, а во на смех Пярун натрое дуб разбіў* (Цётка); *Здесь в заводь праздную желанье Свои приводит корабли* (А. Блок).

Роль предиката в создании тропа наиболее очевидна в контекстах, где субъект тропа сравнивается с неодушевленным предметом, но выполняется осознанное действие: *Время — мельница с крылом Опускает за селом Месяц маятником в рожь Лить часов незримый дождь* (С. Есенин). И. И. Ковтунова отметила, что «если двусоставное предложение представляет живую метафору (не только состав сказуемого, но все предложение полностью), оно не членится на тему и рему: *Лишь медь торжественной латыни Поет на плитах, как труба* (А. Блок)... В такого рода случаях все предложение в целом выполняет функцию предиката»⁶.

Если образ представляет собою вариант известной, распространенной в поэзии метафоры (напр., «пожар осени»), он может оживляться предыдущим контекстом, подготавливающим его восприятие: *Горек запах черной гари, Осень роици подожгла* (С. Есенин). Предикат может указывать не только на выполнение субъектом какого-либо действия, но и на продолжительность его жизни (бытия): *Горькой доле — Много лет* (А. Блок); *Не год, не два зняла з плеч вёска, — Дзянькоў уцёкшых знак відаць* (Я. Купала). В контекстах тропа предикация довольно часто выражается однородными сказуемыми, при этом необязательно, чтобы каждый глагол называл действие только одушевленного деятеля: постановка в однородный ряд вызывает взаимодействие значений глаголов, и сема 'действие неодушевленного субъекта' отходит на периферию значения лексемы. Задача таких глаголов — создать у читателя конкретное наглядное представление об одушевляемом предмете или явлении: *И за облаком плыло и пело мерцание тьмы* (А. Блок); *Там тень моя осталась и тоскует, Всё в той же синей комнате живет* (А. Ахматова).

Иногда на изменение пропозиции указывает не предикат, а сирконстант (обстоятельство образа действия), который и обуславливает появление сем, называющих признаки человека, напр.: *И перья торжествующе скрипят* (А. Блок); *Свецяць зоры дабрадзейна* (Я. Купала).

В одном контексте тропа позиции при предикате могут занимать несколько субъектов тропа: *Всё сильнее биенье крови В сердце, раненом тоской* (А. Ахматова) — субъектами тропа являются *тоска* и *сердце*. Таким образом, возникает необходимость при анализе контекста тропа различать актанты активные и пассивные. Пассивным актантом, по нашим наблюдениям, чаще оказывается человек (лирический герой сти-

хотворения), а активным — одушевляемый предмет или явление: *Я в четырех стенах — убитый Земной заботой и нуждой* (А. Блок); *Гадавали мяне гора* (Я. Колас).

Большинство существительных-субъектов тропа метафора-олицетворение являются неодушевленными только с точки зрения современного языка. В праиндоевропейском языке они относились к группе имен активного класса, т. е. называли одушевленные или мыслимые одушевленными объекты. В класс активных включались имена, обозначающие людей, животных, растения, части тела человека, явления природы и абстрактные понятия⁷. В поэтической речи в качестве субъекта тропа также используется образная в своей основе конкретная лексика и названия отрезков времени и пространства.

Анализ тропа осложняется тем, что на его лингвистическую основу накладываются коннотации национального языка и коннотации, свойственные идиостилю поэта, что увеличивает глубину вертикального контекста тропа. Так, национальными коннотациями обусловлено олицетворение М. Богдановичем именно Вильни, А. Блоком Петербурга, М. Цветаевой Москвы, А. Ахматовой Новгорода. Прежде всего идиостилем объясняется, на наш взгляд, функционирование того или иного конкретного существительного в качестве субъекта тропа, напр., *цыферблат*, *шпіца* в лирике М. Богдановича, *шнур*, *серп* — Я. Купалы, *афиша*, *аэроплан* — В. Маяковского, *свечи*, *врата* — М. Цветаевой, *дуга*, *грабли* — С. Есенина и др.

К вертикальному контексту относится и вхождение лексем-субъектов тропа в поэтические поля, индивидуальные для каждого поэта. Так, лексема *васілёк* в лирике М. Богдановича входит не только в лексико-семантическое поле национального языка 'растения', но и в поэтическое поле 'Родина': *мне сіняй галоўкай ківае Наш родны, забыты ў цяні васілёк: «Здароў будзь, дружача!»*

Вертикальный контекст тропа часто связан с аллюзиями на народную мифологию, литературные произведения, в том числе «Библию». Напр., В. Маяковский пишет: *Солнце! Отец мой! Сжался хоть ты и не мучай! Это тобою пролитая кровь моя льется дорогою дальней*, — создавая современный вариант легенды о Христе (такое объяснение примера опирается на контекст всего дореволюционного творчества поэта).

Сложность и привлекательность анализа тропа метафора-олицетворение заключается не только в глубине его вертикального контекста, но и в его неоднородности. Контексты тропа представляют своеобразное лингвистическое поле, в котором выделяются центр (преобразованная пропозиция) и периферия, тяготеющая к метафоре или олицетворению. Так, ближе к метафоре находится перифраза С. Есенина *Пойду по белым кудрям дня*. Ее основа — сравнение белых кудрей и белых облаков по цвету и форме, что и создает образ дня как живого существа. К «чистому» олицетворению приближаются использование позиции обращения, прописной начальной буквы.

Как уже говорилось выше, с лингвистической точки зрения, основой синкретического тропа метафора-олицетворение является преобразование пропозиции с активно действующим лицом, в которой предикат «выбирает» несвойственные ему в национальном языке субъекты тропа, что изменяет в контексте валентностные свойства лексем. В значениях лексем-субъектов тропа появляются новые и актуализируются периферийные семы. Такое изменение значений не затрагивает языковой парадигмы, выявляется лишь при синтагматическом подходе к значению слов в поэтическом тексте, а генетически восходит к языку активного строя.

Несмотря на многообразие взаимодействующих способов создания тропа, его лингвистическая сущность помогает довольно отчетливо выделить центр лингвистического поля, образуемого контекстами тропа. Важность и частота использования этого тропа определяются тем, что метафора-олицетворение позволяет поэту выразить восприятие мира как «живого организма» (А. Блок). Такое восприятие в большой степени

отразилось еще в поэзии Ф. И. Тютчева, чья традиция была продолжена в произведениях русских и белорусских поэтов начала XX века.

¹ Ермилова Е. В. Метафоризация мира в поэзии начала XX века // Контекст-1976. М., 1977. С. 160, 171.

² Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 149, 158.

³ Определение семного состава производится на основе непосредственной сочетаемости слов в тексте. Возможность подобного анализа, отмеченная еще Э. Косериу, в настоящее время обоснована в статье А. Гудавичюса. (Гудавичюс А. О синтагматическом подходе к анализу значения // Kalbotuga. XXXVIII. Вильнюс, 1987. С. 8, 9, 12.)

⁴ См.: Степанов Ю. С. Иерархия имен и ранги субъектов // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1979. Т. 38. № 4.

⁵ См.: Wierzbicka A. Dociekania semantyczne. Wroclaw, etc., 1969.

⁶ Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М., 1986. С. 153.

⁷ См.: Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. 1. С. 273, 274.

ВАЛЬТЕР ВИТТ

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ГЛАГОЛЬНОЙ СОЧЕТАЕМОСТЬЮ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Предметом наших наблюдений является синтаксическая сочетаемость с субстантивами (существительными/местоимениями) двух групп бесприставочных глаголов действия: конкретного действия и движения, не подвергавшаяся еще специальному изучению. Границы групп глаголов определяются с помощью принципа идентификации речевых фактов Ш. Балли¹. Идентификаторами служат глаголы *двигаться* (передвигаться), *двигать* (перемещать) — для глаголов движения и *производить* (создавать), *воздействовать* — для глаголов конкретного действия. В связи с этим в первой группе различаются глаголы передвижения и перемещения.

Задачи исследования формулируются следующим образом: а) исследовать характер синтаксической сочетаемости глаголов указанных групп в плане выражения, т. е. выявить возможности и особенности синтаксического окружения данных глаголов, и в плане содержания, т. е. установить синтаксические отношения, выражаемые конструкциями с глаголами названных групп; б) сопоставить характер сочетаемости обеих групп глаголов, чтобы определить влияние на их сочетаемость лексического значения во взаимодействии с другими факторами: глагольными категориями вида и переходности/непереходности, лексико-грамматическими особенностями зависимого слова и целями высказывания. Под сочетаемостью глагола понимается необходимость (обязательная сочетаемость) или возможность (факультативная сочетаемость) соединения его с существительными/местоимениями в составе словосочетания для выражения непредикативных отношений.

Изучение фактического материала осуществлялось с помощью специальной методики, основу которой составляет понятие модели сочетаемости (типа синтаксической конструкции, возникающей при сочетании глаголов с существительными), поскольку оно объединяет в себе рассмотрение сочетаемости в плане выражения (анализ структуры модели — синтагматический аспект) и в плане содержания (анализ возможных видов непредикативных отношений, выражаемых в модели — парадигматический аспект).

Особенности синтагматического аспекта, проявляющиеся, в частности, в структурном усложнении моделей и возникающих при этом разновидностях структурных отношений между членами моделей, позволяют рассматривать типичные модификации этих связей и отношений как структурные варианты (разновидности модели). Инвариантом оказы-

вается постоянный признак: количество членов модели и их вид (падежные и предложно-падежные формы существительных).

Анализ материала показывает, что структурно модели сочетаемости, возможные у глаголов конкретного действия, подразделяются на простые и сложные. Простых моделей две: а) глагол — субстантив (ГС) и б) глагол — предлог — субстантив (ГпС). Напр.: *Она мыла посуду; Так шлифовали в палеозойскую эру*. Эти глаголы могут сочетаться одновременно с двумя и даже тремя падежными или предложно-падежными формами субстантивов, образуя структурно сложные модели (напр., модель ГССпС: *Топ старательно копал щепкой ямку в куче глины*).

Подобные модели возможны и у глаголов движения. Общие способы сочетаемости в обеих группах обусловлены категориально: принадлежностью стержневого компонента модели к одной части речи — к глаголам.

Сочетаемость каждой из двух групп глаголов действия имеет и свои особенности. Так, глаголы движения обладают относительно большим «синтагматическим потенциалом», т. е. возможностью одновременно сочетаться не с тремя, а с четырьмя субстантивами. Напр., модель ГСпСпСпС: *Мы расширяли библиотеку (таскали на себе мешки с книгами с Фонтанки из книжного пункта)*.

Пятичленные модели у глаголов движения и четырехчленные у глаголов конкретного действия характеризуются факультативной сочетаемостью: определяющую роль в их образовании играет контекст.

Особенности сочетаемости каждой из двух групп глаголов проявляются далее в различном характере структурных отношений между членами моделей, возникающих в результате употребления определенных словесных форм при глаголах одной группы и невозможности такого употребления при глаголах другой группы. Так, при сочетаемости глаголов движения с субстантивами, обозначающими пределы движения и объединенными антонимичными соотносительными предлогами, образуется структурный вариант модели ГпСпС, при котором оба субстантива, хотя и не образуют простого словосочетания, являясь равноправными, связаны между собой по смыслу, относясь в то же время к глаголу. Напр.: *Самолет шел из Ташкента в Андижан*. Этот структурный вариант модели ГпСпС отсутствует у глаголов конкретного действия.

Особенности сочетаемости каждой из двух групп глаголов проявляются также в различной употребительности моделей, в различном характере обязательной сочетаемости этих глаголов и в неодинаковом виде синтаксических связей, возникающих, в частности, в моделях с обязательной сочетаемостью. Эти три момента характеризуются тем, что не все глаголы движения одинаково противопоставляются глаголам конкретного действия. Если для глаголов конкретного действия наиболее употребительной является модель ГС, то для глаголов передвижения — ГпС, а для глаголов перемещения — сложная модель ГСпС. Напр.: *Михаил идет в погреб; Кукоцкий бросил письмо на стол*.

Модель ГС характеризуется обязательной сочетаемостью, так как именно в ней при наличии сильноуправляемого субстантива реализуется лексическое значение глаголов конкретного действия. Модель ГпС — для глаголов передвижения и ГСпС — для глаголов перемещения являются минимально необходимыми для реализации лексического значения этих глаголов и, следовательно, также характеризуются обязательной сочетаемостью. У глаголов типа *гнать, гонять, мчать, тянуть* и т. п. при сочетании с субстантивами, соединенными с глаголом связью именного примыкания² и употребленными в одной из форм, имеющих пространственное значение (т. е. в модели ГпС), реализуется значение передвижения. В модели ГСпС, где, помимо указанных субстантивов, от глагола зависит сульнопуправляемый субстантив, реализуется значение перемещения.

Различия в характере обязательной сочетаемости проявляются и в

том, что глаголы конкретного действия обязательно требуют для реализации своего лексического значения формы винительного падежа, а глаголы передвижения требуют обязательного употребления при них субстантивов в формах, имеющих пространственное значение. Глаголы же перемещения, с одной стороны, обуславливают в модели ГСпС форму винительного падежа сильноуправляемого субстантива, а с другой стороны, форма примыкающего субстантива в этой модели, имеющая пространственное значение, обуславливается контекстно, т. е. данные глаголы совмещают свойства глаголов конкретного действия и глаголов передвижения.

Анализ материала свидетельствует о том, что наряду с немногими, хотя и существенными общими чертами в способах сочетаемости глаголов конкретного действия и движения, обусловленными категориально, наблюдаются значительные различия, которые объясняются лексическим значением этих глаголов. Определяющее влияние данного фактора проявляется также в том, что «синтез» значений глаголов конкретного действия и передвижения в лексическом значении глаголов перемещения отражается на синтагматических свойствах последних, в частности в области обязательной сочетаемости.

Во втором направлении наблюдений над сочетаемостью глаголов действия, т. е. в плане содержания, мы ограничиваемся специальным исследованием парадигматических отношений в единственно возможной у глаголов конкретного действия модели ГС, а также в тех моделях, которые являются минимально необходимыми для глаголов движения, — ГпС — у глаголов передвижения и ГСпС — у глаголов перемещения. Эти модели оказываются самыми употребительными для анализируемых групп глаголов, поэтому исследование парадигматических отношений именно в них является наиболее показательным и важным при изучении глагольной сочетаемости.

Синтаксические отношения, которые выражаются в модели ГС с глаголами конкретного действия, могут быть по своей функции объективными или обстоятельственными. Вариантами объективных отношений являются: а) конструкции с сильноуправляемым субстантивом в винительном падеже, в которых реализуется синтаксическое значение подчиненности имени глаголу. Они характеризуются направленностью действия на предмет или лицо, выступающие в качестве прямого дополнения, которое охватывается действием целиком. В них употребляются все переходные глаголы конкретного действия совершенного и несовершенного вида и имена существительные любых категорий; б) конструкции со слабоуправляемыми субстантивами, в которых реализуется значение косвенного дополнения. Варианты обстоятельственных отношений в модели ГС характерны для факультативной сочетаемости глаголов конкретного действия. Они единичны и представлены двумя видами конструкций: конструкциями с примыкающим к глаголу именем в винительном падеже, обозначающими время действия (*Если это нужно, мы будем работать всю ночь*); конструкциями с примыкающим именем в творительном падеже, выражающими значение совокупности (*Строили всей семьей*). На основании более частных значений конструкции со значением косвенного дополнения могут быть подразделены на два варианта: 1) конструкции с субстантивом в творительном падеже, выражающие значение орудийности в широком смысле; 2) конструкции с субстантивом в дательном падеже, имеющие значение адресата. В обоих типах этих конструкций с субстантивами сочетаются только единичные непереходные глаголы конкретного действия (напр. *бухать/бухнуть, циркать/циркнуть*) или переходные в переносном значении. В конструкциях с творительным употребляются неодушевленные существительные, в конструкциях с дательным — обычно одушевленные. Оба типа конструкций характеризуются факультативной сочетаемостью и немногочисленны, особенно с дательным.

Наблюдения показывают заметное преобладание конструкций, выра-

жающих объектные отношения: в конструкциях с прямым дополнением реализуется обязательная сочетаемость глаголов, а при факультативной сочетаемости конструкции с косвенным дополнением оказываются употребительнее конструкций, выражающих обстоятельственные отношения. В этом заключается особенность парадигматических отношений в конструкциях с глаголами конкретного действия, объясняющаяся их лексическим значением.

Глаголы передвижения обозначают движение субъекта в пространстве. Синтаксические отношения, выражающиеся в пределах модели ГпС с этими глаголами, являются по своей функции обстоятельственными. Вариантами обстоятельственных отношений являются: а) конструкции, имеющие пространственное значение. Они наиболее характерны для модели ГпС, именно в них реализуется обязательная сочетаемость глаголов передвижения; б) конструкции, имеющие значение времени, образа действия, социативности, причинности, цели, относятся к факультативной сочетаемости анализируемых глаголов. На основании более частных значений конструкции с пространственным значением сами могут иметь два варианта: конструкции, обозначающие направление передвижения; конструкции, обозначающие место передвижения. Оба типа отличаются друг от друга составом предложно-падежных форм, с которыми сочетаются глаголы: 1) значение направления передвижения выражается формами следующих падежей: родительного (с предлогами *до, из, из-за, из-под, от, с*), дательного (с предлогами *к, навстречу*) и винительного (с предлогами *в, за, на, под, сквозь, через*). Наиболее употребительны конструкции с дательным и предлогом *к*, а также конструкции с винительным и предлогами *в, на*; 2) значение места передвижения выражается формами следующих падежей: родительного (с предлогами *у, между, вдоль, вокруг, впереди, мимо, около, поперек, сбоку, сзади*), дательного (с предлогом *по*), творительного (с предлогами *за, между, над, перед, под*) и предложного (с предлогами *в, на*). Наиболее употребительны конструкции с дательными и предлогом *по*.

Таким образом, парадигматические отношения в конструкциях с глаголами передвижения, характеризующиеся, в частности, обязательной сочетаемостью, значительно отличаются от таковых у глаголов конкретного действия как по широте парадигмы, так и по виду выражаемых отношений.

Лексическое значение глаголов перемещения реализуется в модели ГСпС. Эта сложная модель не имеет единого синтаксического значения: в ней объединяются значения соединившихся простых моделей. При обязательной сочетаемости глаголов перемещения с субстантивами в этой модели объединяются отношения объектные со значением прямого дополнения и обстоятельственные со значением направления (*Старик водил Ивана на пашку*) или места перемещения (*По опустевшим улицам притихшего Петербурга морозный ветер гнал бумажный мусор*). Однако, в отличие от глаголов передвижения, при обязательной сочетаемости глаголов перемещения из двух вариантов пространственных употребительнее оказываются конструкции со значением направления перемещения. Среди конструкций со значением направления перемещения наиболее употребительны такие, в которых глаголы сочетаются с формой винительного падежа и предлогами *в, за, на, под, через*.

Тем не менее характер парадигматических отношений при обязательной сочетаемости глаголов перемещения позволяет сделать вывод, что «синтез» лексических значений глаголов конкретного действия и передвижения и глаголов перемещения проявляется не только в синтагматическом, но и в парадигматическом плане.

¹ См.: Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.

² См.: Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1966. С. 138.

ЭТНОНІМ *волахі* У ТАПАНІМІІ БЕЛАРУСІ

Этнонім *волахі* (*валахі, влахі*), які тройчы сустракаецца ў «Повести временных лет» у формах *волѣхва, волѣхи, волохи*¹ і прадстаўлены ў сярэднявекowych пісьмовых крыніцах балканскага і карпата-дунайскага арэалаў, служыў для абазначэння груп усходнераманскага насельніцтва, што спрадвеку займалася пастухоўствам і жывёлагадоўляй. На думку даследчыкаў, этнічныя і моўныя кантакты славян з волахамі адбываліся ў IX—X, а магчыма, нават і ў VII—VIII стагоддзях на тэрыторыі на поўдзень ад Карпат. У гэтым месцы сыходзіліся землі ўсіх трох груп славян — усходніх, заходніх, паўднёвых. Не выпадкова назва волахаў прадстаўлена ў розных славянскіх мовах: укр. *волох* — «румын», польск. *włoch* — «італьянец», чэшск. *vlach* — «італьянец», в.-луж. *włoch* — «італьянец», балг. *влах* — «румын», макед., с.-харв. *влах* — «румын».

Відаць, разнастайнасць значэнняў этноніма ў сучасных славянскіх мовах звязана з адным з прынцыпаў намінацыі ў сферы этнічных імёнаў, згодна з якім у якасці наймення народа, які жыве ў той ці іншай мясцовасці, выкарыстоўваецца этнонім таго калектыву, які размяшчаўся тут раней, магчыма, нават у далёкім мінулым. Этнонімы надзвычай устойлівыя і нярэдка захоўваюцца на працягу многіх стагоддзяў, але цесная сувязь з канкрэтнай гістарычнай эпохай, ва ўмовах якой жыве і развіваецца этнас, змяненні ў гістарычных абставінах вельмі часта цягнуць за сабой і змяненні ў змесце адпаведных этнічных назваў.

Звяртае на сябе ўвагу адсутнасць этноніма *волахі* ў беларускай мове і яе гаворках. Між тым у беларускай тапаніміі гэты этнонім знайшоў адлюстраванне, прычым у надзвычай цікавых формах: *Волахі* (в. Пастаўскага р-на Віцебскай вобл.), *Вялікая Валахва* і *Малая Валахва* (в. в. Баранавіцкага р-на Брэсцкай вобл.), *Валахоўшчына* (в. Брагінскага р-на Гомельскай вобл.).

Тапонім *Волахі* ўтвораны семантычным спосабам — дубліруе структуру этноніма, якім ён матывуецца. Назва *Валахоўшчына* сфарміравалася за кошт расшырэння кораня *волах-* тапанімічным фармантам *-оўшчына* са значэннем супольнасці і множнасці, таму *Валахоўшчына* абазначае не толькі гэтае пасяленне, але і ўсю наваколнюю мясцовасць. Тапонімы *Вялікая Валахва* і *Малая Валахва* са структура-граматычнага пункту гледжання з'яўляюцца састаўнымі абазначэннямі. У якасці першага, атрыбутыўнага кампанента гэтых назваў выступаюць якасныя прыметнікі (своеасаблівыя тапанімічныя «эпітэты»), якія супрацьпастаўлены адзін аднаму на аснове абазначэння ўласнай прыметы аб'екта ў супастаўленні з аналагічнай прыметай (велічыня, памеры) іншага, размешчанага ў непасрэднай блізкасці аб'екта гэтага ж тыпу. Субстантыўным (апорным) кампанентам абодвух тапанімічных словазлучэнняў з'яўляецца тэрмін *валахва*, які трэба лічыць аналагам зборнага этноніма *валахва* (ст.-руск. *волѣхва*).

Зборныя назвы народаў, у тым ліку і ўтварэнні на *-ва* (*валахва, марáva, латва, лётва, літва, дайнава* і інш.), былі характэрнай асаблівасцю этнаніміі старажытнаруускай эпохі². У далейшым зборны фармант *-ва*, як у анамастычнай, так і ў апелятыўнай лексіцы, стаў утвараць усё меншую колькасць новых слоў³. У сучасных беларускіх гаворках назоўнікі на *-ва*, у прыватнасці, нязначная колькасць слоў, якія абазначаюць сукупнасць асоб (*братва, дзятва, пацанва*), адносяцца да непрадуктыўнага тыпу⁴. Асобныя зборныя словы на *-ва* адзначаны ў сумежных з паўднёва-заходнімі раёнамі Беларусі ўкраінскіх гаворках Верхняга Паднястроўя і верхняга цячэння Прыпяці (*дзітва, дідва, малишва, мужва, цыганва*)⁵.

Такім чынам, з моўнага пункту гледжання прызнанне этнанімічнага характару разглядаемых тапанімічных фактаў як быццам не выклікае

сумнення. Пры гэтым тапонімы *Вялікая Валахва* і *Малая Валахва* прадстаўляюцца найбольш старымі, паколькі ў іх адлюстравана архаічная зборная форма этноніма — *валахва* (*волъхва*), які нават ужо ў старажытнарускай мове нярэдка функцыяніраваў у форме множнага ліку — *волохы, волохове*⁶.

Аднак пры вывучэнні тапонімаў з мяркуемымі этнанімічнымі асновамі абавязковай умовай станюцца пытанні з’яўлення адпаведнасць моўных фактаў рэальным гістарычным падзеям і працэсам на пэўнай тэрыторыі. Так, калі для ўкраінскага Падолля і Верхняга Паднястроўя, дзе зафіксавана каля 30 тапонімаў, вытворных ад этноніма *волахі* (прычым, многія з іх нядаўняга паходжання, у якіх этнанімічная аснова *волах*- выступае ў значэнні «румыны», «малдаване»⁷), гістарычная матываваная геаграфічная назваў відавочная, то гаварыць аб непасрэдных кантактах паміж славянамі і ўсходнімі раманцамі ў дастасаванні да тэрыторыі Беларусі як быццам няма пэўных падстаў.

Між тым да прыведзеных тапанімічных фактаў неабходна дадаць назву н. п. *Олтуш* (Маларыцкі р-н Брэсцкай вобл.), якая з’яўляецца тапанімізацыяй этноніма *олтушы*, што служыў у мінулым для абазначэння жыхароў гістарычнай вобласці Закарпацця — Алтэніі⁸. Паміж ніжнім цячэннем Прыпяці і Цецерава, на самай граніцы Кіеўскай вобласці з Брагінскім раёнам Беларусі, дзе адзначаны тапонім *Валахоўшчына*, сканцэнтравана група гідронімаў іліра-кельцкага паходжання⁹.

Як відаць, у перыяд X—XI стагоддзяў, калі у Берасцейскую вобласць і ў раёны Верхняга Панямоння накіроўваліся патокі ўсходнеславянскай каланізацыі (крывічоў, дрыгавічоў, валынян)¹⁰, адбылося пранікненне ў паўднёва-заходнія межы сучаснай Беларусі і нейкай часткі ўсходнеарманскага насельніцтва, пакінуўшага тут свае «сляды» ў выглядзе некалькіх геаграфічных назваў, вытворных ад этнонімаў *волахі* і *олтушы*. Не выключана, што часавыя рамкі гэтага працэсу ў далейшым будуць зрушаны ў больш раннюю эпоху, прынамсі, рачныя імёны іліра-кельцкага паходжання ў дняпроўскім правабярэжжы могуць стаць таму асновай.

У X—XIII стагоддзях этнічны састаў насельніцтва Верхняга Панямоння быў даволі стракатым. Акрамя пераважаўшага тут усходнеславянскага этнічнага кампанента, на гэтай тэрыторыі жылі палякі (мазаўшане), яцвягі, борці, прусы¹¹. Нельга выключыць наяўнасць сярод гэтага саставу народаў і волахаў.

Галоўнымі цэнтрамі каланізацыі Панямоння з’яўляліся гарады Навагрудак, Слонім, Ваўкавыск. Цікава ў гэтай сувязі звярнуць увагу на тапонім *Ваўкавыск*, першае летапіснае ўпамінанне якога адносіцца да 1252 года¹². Наяўнасць суфікса *-ск*, пры дапамозе якога часта ўзнікалі назвы гарадоў ад імён рэк (Мінск, Пінск, Віцебск, Полацк і інш.), не павінна зацямяць таго відавочнага факта, што гэты суфікс, надзвычай прадуктыўны ў тапаніміі беларускіх зямель якраз у старажытнарускай перыяд, з’яўляўся адметнай рысай тыповай «гарадской» мадэлі тапонімаў і ўтвараў таксама назвы пасяленняў, зусім не звязаных з гідронімамі¹³. Так, на тэрыторыі сучаснай Гродзенскай вобласці ёсць тапонімы з суфіксам *-ск*, матывіруючая аснова якіх этнанімічная: в. в. *Ляцк*, *Верхні Ляцк*, *Ніжні Ляцк* (з *Ляд* + *ск* → *Лят* + *ск* → *Ляцк*, параўн. ст.-руск. прыметнік *лядський* — «польскі»); *Ятвеск* (з *Ятвезь* + *ск*, параўн. этнонім *ятвезь*). Ці не прадстаўляў і тапонім *Ваўкавыск* фанетычную мадыфікацыю этноніма *валхва*?

Гістарычна назва *Ваўкавыск* з’яўляецца субстантывіраваным кароткім прыметнікам на *-ск* і адносіцца да той граматычнай групы, якая даўно знікла з мовы¹⁴. На наш погляд, у якасці ўтваральнай асновы для гэтай геаграфічнай назвы паслужыла аснова старажытнарускага этноніма *волъхва*: *волъхв* + *ск*. Націск у этноніме, як можна меркаваць, падаў на апошні склад. Гэтым, а таксама тым, што на стыку асновы і фарманта ўзнікаў збег адразу чатырох зычных гукаў, відаць, можна вытлумачыць развіццё галоснага прыгука паміж апошнім зычным асно-

вы і фармантам, а таксама перамяшчэнне рэдукаванага галоснага бліжэй да канца асновы: *волхъв-ы-ск*. Далей вынікала: *волков-ыск* (чаргаванне заднеязычных *х/к* і пераход рэдукаванага ў галосны поўнага ўтварэння). Фіксуемая на некаторых геаграфічных картах і ў пісьмовых крыніцах форма «*Волковскийск*» узнікла, як можна меркаваць, пад уплывам польскай мовы.

Што датычыць тапоніма *Волахі* ў Пастаўскім р-не Віцебскай вобл., гэта значыць далёка ад Верхняга Панямоння, то, як нам удалося вызначыць, адпаведны населены пункт узнік не раней як у канцы XVII — пачатку XVIII стагоддзя, а магчыма, і ў яшчэ больш позні перыяд. Менавіта ў гэты час на тэрыторыі Беларусі функцыяніравалі этнонімы *валынцы, падаляны, чаркасы* для наймення ўкраінскіх перасяленцаў¹⁵. У паўночна-заходніх раёнах Беларусі выяўлена адпаведная колькасць геаграфічных назваў, вытворных ад гэтых этнонімаў: *Валынцы* (в. Верхнедзвінскага р-на Віцебскай вобл.), *Чаркасы* (в. Ашмянскага р-на Гродзенскай вобл.), *Падаляны* (в. Пастаўскага р-на Віцебскай вобл.) і іншыя. У сувязі з гэтым ёсць падставы лічыць тапонім *Волахі* перанесенай назвай, узнікаючай адлюстраванне міграцый украінскіх сялян у XVI—XVIII стагоддзях.

¹ Гл.: Повесть временных лет. М., 1950. С. 10, 11, 21.

² Згаданне катэгорыі зборнасці ў этнаніміі назіраецца толькі ў XVI — першай палове XVII стагоддзя. Гл.: Ковалев Г. Ф. История русских этнических названий. Воронеж, 1982.

³ Гл.: Дегтярев В. И. Категория собирательности имен существительных в современном русском языке // РЯШ. 1958. № 6. С. 7.

⁴ Гл.: Сцяцко П. У. Беларускае народнае словаўтварэнне. Мінск, 1977. С. 34, 85, 97, 202.

⁵ Питання словотвору східнослов'янських мов. Київ, 1969. С. 67.

⁶ Ковалев Г. Ф. История русских этнических названий. С. 62.

⁷ Гл.: Питання топоніміки та ономастики. Київ, 1962. С. 162

⁸ Гл.: Жучкевич В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974. С. 268.

⁹ Гл.: Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968. С. 210, 276—282, карта 14.

¹⁰ Гл.: Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом. М., 1978. С. 14—15; Этногенез белорусов. Минск, 1973. С. 38—39; Грушевский А. С. Очерк истории Турово-Пинского княжества X—XIII вв. Киев, 1901. С. 12—13.

¹¹ Гл.: Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982; Видугирис А. Ю., Климчук Ф. Д. Некоторые вопросы этноязыковых процессов на балто-восточнославянском пограничье. С. 15.

¹² Гл.: Полное собрание русских летописей: Ипатьевская летопись. М., 1962. Т. 11. С. 816.

¹³ Питанні беларускай тапанімікі. Мінск, 1970. С. 19—20; Жучкевич В. А. Топонимика Белоруссии. Минск, 1968. С. 49—50.

¹⁴ Гл.: Ономастика и грамматика. М., 1981.

¹⁵ Этнаграфія беларусаў. Мінск, 1985. С. 79.

А. А. МЕТЛЮК, А. И. ДОЛГОРУКОВА

КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ ТОНАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ОБЩЕГО ВОПРОСА В АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Среди интенсивно разрабатываемых в настоящее время проблем языковой интерференции особое место занимает проблема просодической интерференции, изучение которой надолго задержалось из-за недостаточной исследованности просодии как языкового феномена и отсутствия необходимых типологических данных по просодии контактирующих языков. Контрастивное описание просодии как основы прогнозирования интерференции оказалось практически невозможным, в том числе для английского и белорусского языков, без специальных экспериментально-фонетических исследований, использующих единые критерии и методы анализа.

Контрастивное экспериментально-фонетическое исследование тональной подсистемы английской и белорусской просодии проводилось на материале общевпросительных фраз, реализованных в диалогических текстах. Вопросы подразделялись на две группы в зависимости от предполагаемого отношения говорящего к предмету высказывания (I группа — вопросы, выражающие безразличие; II группа — вопросы со значением заинтересованности). Экспериментальный материал, представленный четырьмястами реализациями, был записан двумя группами испытуемых. В первую вошли четыре носителя английского языка, владеющие южно-английским произношением. Вторая группа испытуемых представлена четырьмя носителями белорусского языка, владеющими произносительной нормой.

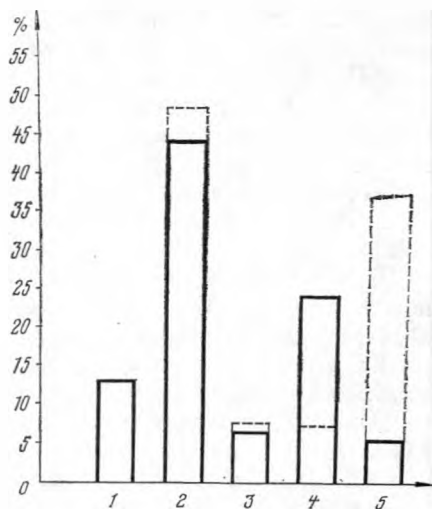
Основными единицами тональной подсистемы просодии сопоставляемых языков являются тоны, дифференцированные по признаку направления изменения высоты голоса, — ровные, нисходящие, восходящие, и тональные контуры, представляющие собой интегративные единицы — структурные комплексы тонов. Интегративные единицы образуют внутри структуры такие функциональные элементы, как терминальный тон (последний главноударный и заударный слоги), шкалу (участок контура от первого ударного слога до главноударного) и предшкалу (часть контура, реализованная на предударных слогах).

В реализациях английских общих вопросов 25 % фраз отмечены нисходящим движением тона в завершении, что соответствует тенденции к широкому употреблению нисходящих тонов в современном английском языке. Большинство (78 %) нисходящих терминальных тонов зарегистрировано в вопросах, выражающих безразличие.

В белорусских вопросительных фразах нисходящий терминальный тон наблюдается лишь в тех случаях, где значение вопросительности передается частицей «ці»: *Ці не па'райца табе спачатку з 'мамай?*

Английские общие вопросы, кроме нисходящего тона, произносятся с разделенным нисходяще-восходящим, неразделенным нисходяще-восходящим и низким восходящим терминальными тонами. Последний зарегистрирован только в вопросах со значением безразличия. Разделенный нисходяще-восходящий терминальный тон имеет понижение на семантически важном слове в начале или середине тонального контура фразы, а повышение — также на семантически важном слове в конце тонального контура. Разделенный нисходяще-восходящий терминальный тон является наиболее частотным в обеих группах вопросов. Во II группе вопросов (со значением заинтересованности) наиболее частотным является высокий неразделенный нисходяще-восходящий тон. (В отличие от разделенного он реализуется на одном выделенном слове — семантическом и интонационном ядре высказывания (см. рисунок.)

В ходе аудитивного анализа в белорусских вопросительных фразах были выявлены три вида терминального тона в обеих группах вопросов: равно-восходящий, восходящий с последующим понижением и восходя-

Частотность и типы терминальных тонов в общих вопросах английского эталона:

—— I группа; - - - II группа;

1 — низкий восходящий; 2 — разделенный нисходяще-восходящий; 3 — низкий нисходяще-восходящий неразделенный; 4 — средний нисходяще-восходящий неразделенный; 5 — высокий нисходяще-восходящий неразделенный

ще-ровный терминальные тоны. Причем в I группе вопросов (безразличие) наиболее частотным является ровно-восходящий тон (61,2 %), а для II группы (заинтересованность) наиболее характерным является восходящий тон с последующим понижением (77,8 %). В соответствии с выявленными вариантами начального и конечного уровней восходящих терминальных тонов представляется возможным различать в белорусских фразах три высотно-уровневые градации тона: высокий, средний, низкий с широкой и узкой разновидностью интервала повышения.

Для вопросов, выражающих безразличие, типичным является ровно-восходящий тон. Восходящий с последующим понижением тон был зарегистрирован лишь в 31,6 % случаев, причем чаще всего средний вариант. Общие вопросы, завершающиеся восходяще-ровным движением тона, составляют в вопросах I группы 8,2 %.

В реализациях вопросов II группы со значением заинтересованности также имеют место ровно-восходящие и восходяще-ровные терминальные тоны, но они немногочисленны (19,4 и 2,8 % соответственно). По данным аудитивного анализа, воспринимаемые характеристики терминальных тонов, относящиеся к их высотному уровню и интервалу, позволяют сделать вывод, что для восходящего тона с последующим понижением, реализованного во II группе вопросов, наиболее типичным является высокий уровень реализации. Для ровно-восходящего терминального тона в этой группе вопросов также наиболее характерен высокий уровень. Низкий уровень реализации восходящих тонов в вопросах, выражающих заинтересованность, не наблюдался.

Статистический анализ акустических характеристик низкого восходящего терминального тона в английском варианте (АВ) и аналогичного по конфигурации низкого ровно-восходящего тона белорусского варианта (БВ) выявил следующие межъязыковые различия. В I группе вопросов (со значением безразличия) эти тоны достоверно различаются интервалом частоты основного тона (ч.о.т.) в завершении, который значительно шире в БВ. Интервал ч.о.т. терминальной зоны составляет меньшую часть диапазона ч.о.т. фразы в АВ, чем в БВ (39,4 и 53,5 % соответственно).

Из типов шкал наиболее частотными в вопросах со значением безразличия АВ являются высокая ровная (50 %) и нисходящая (30,8 %). Средняя и восходящая шкалы используются в 5,8 и 1,9 % случаев соответственно. Для БВ в той же группе используется скользящая (40,8 %), средняя (28,6), высокая ровная (14,3), скандентная (10,2) и нисходящая (6,1 %) шкалы. В АВ в I группе полностью отсутствуют скользящая и скандентная шкалы, в БВ не зафиксирована восходящая шкала.

В вопросах со значением заинтересованности АВ преобладает высокая ровная шкала (84,6 %), в 15,4 % случаев встречается нисходящая. Фразы БВ той же группы произносились с высокой ровной (38,9 %), со скользящей (27,8), нисходящей (16,6), со средней (13,9) и низкой (2,8 %) шкалами. Таким образом, в отличие от БВ, для АВ в данной группе вопросов не характерно использование скользящей, средней и низкой шкал.

АВ и БВ различаются акустическими характеристиками однотипных шкал. Так, сопоставление высокой ровной шкалы в АВ и БВ выявило их достоверные различия в интервале ч.о.т. и в интенсивности первого ударного слога (I УС). Он более акцентирован в БВ.

Анализ нисходящей шкалы показал, что значение ч.о.т. I УС и II УС (второй ударный слог) больше в английских вопросительных фразах, чем в белорусских, т. е. уровень нисходящей шкалы ниже в БВ. Интервал ч.о.т. шкалы значительно уже в АВ (I группа), чем в БВ. Интервал ч.о.т. I УС характеризуется в вопросах БВ, выражающих безразличие, большим значением по сравнению с АВ. В вопросах со значением заинтересованности АВ интервал ч.о.т. II УС превышает аналогичную

характеристику БВ. Уровневое положение II УС относительно безударных слогов в АВ носит ступенчатый характер. Для БВ наиболее характерной является одноуровневая реализация II УС с предупредительным и заударным слогами.

Сравнение средней ровной шкалы АВ и БВ показывает, что I УС и II УС выше в английских реализациях, чем в белорусских.

Предшкала в АВ зарегистрирована в большинстве контрольных фраз (69,2 %), причем наиболее рекуррентной является низкая предшкала (84,7 %), высокая отмечена лишь в 15,3 % случаев. В БВ большинство фраз произнесено с предшкалой (88,9 %), а без предшкалы только 11,1 %. При сопоставлении акустических данных двух эталонных реализаций по характеристике предшкалы было выявлено, что уровень ч. о. т. предшкалы в АВ гораздо выше, чем в БВ.

Анализ сочетаемости терминальных тонов и шкал показывает, что для общих вопросов со значением безразличия в АВ наиболее частотными являются сочетания высокой ровной шкалы с разделенным и неразделенным нисходяще-восходящим тонами и нисходящей шкалы с аналогичными терминальными тонами. Для вопросов, выражающих заинтересованность, наиболее частотна высокая ровная шкала с высоким неразделенным нисходяще-восходящим тоном.

Для I группы БВ характерно сочетание средней ровной шкалы с ровно-восходящим тоном, скандентной шкалы с ровно-восходящим тоном, высокой ровной и скользящей шкал с данным тоном, а также средней и скользящей шкал с восходящим с последующим понижением терминальным тоном. Вопросы, выражающие заинтересованность, в БВ представлены преимущественно сочетанием высокой ровной шкалы и высоким восходящим тоном с последующим понижением, нисходящей и скользящей шкалами с указанным терминальным тоном.

Итак, контрастивный анализ белорусских и английских общих вопросов показал, что их просодия различается количеством и типами терминальных тонов, а при сходстве конфигурации тонов обнаруживаются различия в интервале, более широком в белорусских фразах. Отсутствующие в английских общих вопросах скользящая и скандентная шкалы типичны для белорусских вопросов. Для шкал БВ характерен более низкий уровень реализации по сравнению с английскими.

Т. А. СИЛАЕВА

РОЛЬ ПЕРВЫХ ЧАСТОТНЫХ КОМПОНЕНТОВ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ГЛАГОЛЬНОЙ ПРЕФИКСАЦИИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Глагольные препозитивные элементы современного немецкого языка традиционно организуются в пределах четырех групп: неотделяемых префиксов, отделяемо-неотделяемых полупрефиксов, отделяемых полупрефиксов и первых частотных компонентов. Все эти элементы обладают семантико-функциональной общностью, что позволяет объединить их в системе глагольной префиксации в широком смысле, где структурно выделяются не только центр и периферия, но и промежуточные, переходные области, элементы которых сочетают в себе как характеристики служебных единиц языка, типичные для аффикса, так и признаки неслужебных морфем, свойственные корням¹. Такое представление синхронной системы глагольной префиксации отражает ее развитие, постоянное движение манифестирующих ее элементов. В зависимости от числа признаков, их четкости элементы системы устремляются либо к центру, либо к периферии, либо вообще покидают ее пределы. И это движение особенно очевидно в слое первых частотных компонентов, который является самым многочисленным, диффузным и неоднородным как в морфологическом, так и структурном плане. Именно это и привлекло наше внима-

ние к данной группе. Мы попытались проследить, каково же современное состояние глагольных препозитивных единиц, образующих периферийный слой системы.

Максимальное число первых компонентов, выделяемое в специальной литературе, составляет свыше 300 элементов различной продуктивности, т. е. в этот список включались все первые, даже не обладающие серийностью компоненты. При учете таких важных для аффиксальной морфемы характеристик, как серийность и продуктивность, число первых частотных компонентов сводится в одних источниках к 64, в других — к более чем 70 элементам². В настоящей статье в периферийный слой префиксальной системы были включены 56 элементов, образующих производные глаголы по продуктивным (от 10 до 100 единиц) и высокопродуктивным (свыше 100 единиц) моделям. Структурно здесь выделяются элементы типа *her* + предлог/наречие (13 единиц), *hin* + предлог/наречие (9 единиц), *da(r)* + предлог/наречие (7 единиц) и прочие компоненты, соотносящиеся с местоимениями, наречиями, прилагательными (*auseinander-*, *empor-*, *fest-*, *nieder-*, *zurück-*, *zusammen-* и т. д.) (27 единиц).

С точки зрения диахронии это самый молодой слой системы глагольной префиксации современного немецкого языка. Как известно, массовое объединение односложных наречий с глаголом наблюдается лишь в XVIII веке, а уже в XIX веке в процесс вовлекается и целый ряд двухкомпонентных наречий, что связано с особенностями немецкого языка, а именно: с порядком слов, требующим, чтобы всякое слово, вступающее в семантическую связь с глаголом, ставилось обязательно перед его инфинитивной формой. Последнее послужило благоприятным условием для вовлечения в категорию глагольных приставок все новых и новых слов³. Функционируя как компонент сложного слова, этот элемент постепенно развивает «способность к аналогичному воспроизводству, становится продуктивным»⁴. Иначе говоря, он приобретает **необходимое** для аффикса функциональное качество, которым в полной мере обладают рассматриваемые компоненты.

Следующим важным моментом является семантический признак: префикс должен обладать абстрактным, обобщенным значением. Как показало исследование, первые частотные компоненты в этом плане находятся еще в стадии развития. На примере этих элементов мы сегодня можем наблюдать, как у ранее самостоятельного слова возникает новое, более общее значение, как оно реализуется в серии однотипных производных. У компонентов *her-*, *hin-*, *da(r)-* + предлог/наречие, *fort-*, *weg-*, *empor-*, *hoch-*, *los-*, *entlang-*, *voran-*, *vorwärts-*, *zurück-*, *entgegen-*, *gegenüber-*, *vorbei-* ведущими являются пространственные значения. В группе доминируют элементы первых двух типов. Они образуют наиболее протяженные ряды производных глаголов. Семантически эти компоненты не являются монолитными образованиями. Их первая часть (*her-*, *hin-*) уточняет направление действия по отношению к говорящему, тогда как вторая часть (~ *auf-*, ~ *ein-*, ~ *zu-* и т. п.) является локативным указателем совершаемого действия или движения. Ср., напр.:

steigen *absteigen* = nach unten steigen;
 herabsteigen = von (dort) oben nach (hier) unten absteigen;
 hinabsteigen = nach dort unten steigen.

Влияние локативного значения так велико, что элементы этого типа сочетаются даже с пространственно неориентируемыми симплексами, напр.: *herausrufen* = etw. aus dem Inneren nach außen zum Sprechenden rufen; *hinausrufen* = nach draußen rufen. В этом значении первые компоненты активно конкурируют с семантически перегруженными полупрефиксами, вытесняя их из сферы локативных значений.

Большая группа первых частотных компонентов обладает темпоральными значениями, указывая на различные фазы протекания процесса, совершения действия: предшествование (*vorsehen*, *voraussagen*, *vorher-*

planen); начало (drauflosarbeiten, losreden); завершение (fertiglesen, vellspritzen); продолжение (fortexistieren, weitertönen, wiedertun); (неопределенной) длительности (dahinleben, herumtasten, hindämmern). Как видим, спектр темпоральных значений у этих элементов значительно шире, чем у префиксов, образующих центр системы. Что же касается максимально приближенных к центру полупрефиксов, то в реализации и этих значений первые частотные компоненты смело конкурируют с ними.

Важно отметить, что первые частотные компоненты участвуют также и в передаче обобщенно-лексических значений, как-то: связи-соединения (festmachen, zusammenfügen); разрушения, гибели (entzweibeißen, niederschließen); лишения, изъятия (fortfegen, wegwaschen) и некоторых других. Семантическая структура отдельных элементов обогащается за счет развития новых значений. Так, у элементов her- и hin- помимо локативных отмечено наличие некоторых качественных и временных значений, напр.: herleiern=einen Text ... schlecht, eintönig vortragen; hinleben=unberührt vom Ablauf der Zeit leben. В семантической структуре элемента zusammen- можно отметить явление энантиосемии, т. е. противопоставления компонентов значения, а именно: семы «связь, соединение» (zusammenkleben, zusammenflicken) и семы «разрушение» (zusammenhauen, zusammenschließen).

Отличие рассматриваемых элементов от других членов системы заключается в том, что они, обладая основными качествами префиксальной морфемы, не имеют семантического сдвига или же он у них весьма незначителен. Иначе говоря, они функционируют обычно с теми же значениями, что и их свободные корреляты. Кроме того, первые частотные компоненты не имеют еще столь развитой семантической структуры, как префиксы и полупрефиксы. Тем не менее эти элементы системы с успехом применяются для конкретизации значений производящих глаголов. Развитие значений от конкретных к более абстрактным, их обязательная реализация в сериях однотипных производных, а также случаи идиоматизации глагольных производных с некоторыми элементами данного слоя (напр.: hinrichten, hervorbeschwören)— все это способствует, с нашей точки зрения, семантическому обособлению первых частотных компонентов от соответствующих им свободных коррелятов и однозначно характеризует их как префиксальные элементы, а не как компоненты сложных слов. Однако некоторые первые частотные компоненты еще способны выступать и в роли производящих основ, т. е. не потеряли способность функционировать как корневые морфемы. Это прежде всего элементы, соотносящиеся с прилагательными и некоторыми наречиями. В роли префиксальных элементов подобные единицы образуют ряды производных незначительной протяженности, напр.:

fern die Ferne, entfernen
fernbedienen, fernhalten, fernsehen, fernsprechen...

fest die Festung, befestigen
festbacken, festbinden, festsaugen, festwachsen...

Именно такие случаи рассматриваются нами как самый край периферии системы, имеющий непосредственное соприкосновение с лексикой и со словосложением.

Таким образом, слой первых частотных компонентов представляет собой наглядное подтверждение развития синхронной системы глагольной префиксации, элементы которой приобретают новые качественные характеристики не сразу, а только в результате длительного процесса. Эти элементы подвергаются сильному воздействию системы и изменяют при этом свои первоначальные функции и свойства, что позволяет рассматривать даже их нонтерминальные периферийного слоя как аффиксы в потенции. Но какие из них реализуют эту потенцию, сольются формально и семантически с центром системы, а какие элементы покинут ее пре-

делы, как например, элемент *Aber-* в префиксальной системе существительных немецкого языка (*Aberglaube, Aberwille*), покажет только историческое развитее системы⁵. В целом же функционирование первых частотных компонентов, столь характерное для современного немецкого языка, рассматривается как словообразовательная тенденция, ведущая к расширению системы глагольной префиксации и к более тонкой дифференциации значений между элементами, манифестирующими данную систему.

¹ См.: Кубрякова Е. С. Что такое словообразование? М., 1965. С. 40.

² См.: Не дялков В. П. Обзор первых компонентов немецких непростых глаголов // Уч. зап. Пятигорского гос. пед. ин-та иностранных языков. 1961. Т. 23; Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. М., 1979; Руфьева А. И. Система глагольной префиксации в современном немецком языке. М., 1980.

³ См.: Погорельская К. С. Глагольные приставки // Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении. М.; Л., 1935. С. 73.

⁴ Григорьев В. П. О границах между словосложением и аффиксацией // Вопросы языкознания. 1956. № 4. С. 46.

⁵ См.: Naumann V. Wortbildung in der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen, 1972. S. 9.

Т. В. КАРАИЧЕВА

НОМИНАЦИОННЫЙ ДЕРИВАЦИОННЫЙ РЯД — ПОДСИСТЕМА СРЕДСТВ НОМИНАЦИИ

Среди семантически и функционально соотносимых номинативных единиц можно выделить различные подсистемы разноструктурных образований, например, такие, как предлагаемые В. М. Никитевичем деривационное поле и номинативный ряд¹. Номинативный ряд соотносится со словообразовательной моделью, а деривационное поле — со словообразовательной категорией. Наряду с данными подсистемами можно рассматривать также и подсистему разноуровневых разноструктурных средств для передачи такой понятийной категории, как агентивность.

Агентивность можно трактовать широко, как способность объекта служить источником и/или производителем действия². В этом случае объект характеризуется относительно производимого им (или приписываемого ему как производимое) действия. Такое понимание связей реальной действительности отражается в пропозиции, где субъект действия является первым актантом при глубинном (семантическом) глаголе. Наиболее изоморфно такая пропозиция соотносится с предложением, где агенс является подлежащим, а глубинный глагол представлен сказуемым. Ограничение в отношении семантического объекта может происходить уже на этой стадии: *Он испытывает* (самолеты); *Он — испытатель*. Предложения, отражающие типичные связи производителя действия и действия, лежат в основе понятийных номинативных деривационных рядов как мотивирующие суждения.

Е. С. Кубрякова предложила «различать непосредственно мотивирующее слово... и мотивирующее суждение, в котором непосредственно мотивирующее слово занимает ту или иную синтаксическую позицию», что позволит проследить зависимость степени мотивации и семантической связанности от синтаксической позиции мотивирующего слова³. Интересная картина наблюдается у имен деятеля в английском языке. Именно тип мотивирующего суждения, поскольку он объединяет семантическую и структурную мотивацию и в наиболее расчлененном виде представляет семантическую информацию единицы номинации, должен, на наш взгляд, являться исходной единицей деривационного ряда, составляющего ядро номинативной парадигмы. К семантической информации, которую мотивирующее слово и даже словосочетание может не выражать эксплицитно, относятся объекты, ограничивающие действие, обстоятельства, характеризующие тип и протекание действия (глубин-

ные сирконстанты могут включаться и непосредственно в грамматическое значение глагола-предиката через значение видо-временных форм). Синтаксическая позиция мотивирующего слова в таком суждении, а также тип грамматических и лексических уточнителей характера действия предопределяют дальнейший ход и средства моделирования: *Он подаст (письмо) — податель (письма)*; *Он подает (письма на почте) — подавальщик*.

Отражение некоторых этих характеристик в словообразовательном значении имен деятеля в английском языке (в узком понимании данной группы) систематизировано нами как несколько вариантов категориального значения⁴. Это значения: свойства — постоянной характеристики, функции — профессионального действия и актуальное и перфектное, т. е. маркированное по времени протекания, действие. Таким образом, эта информация представляется необходимой для понимания семантики всех единиц, соотносящихся с мотивированным суждением, единиц, где эта семантика будет представлена имплицитно. Именно поэтому обобщенные модели мотивирующих суждений могут использоваться для построения дефиниций в толковых, толково-словообразовательных и других словарях. Мотивирующее суждение имеет и речевую реальность. В некоторых типах текстов, где необходима частая и полная идентификация денотата, ведущей единицей номинации является как раз мотивирующее предложение, которое чередуется с другими единицами деривационного номинационного ряда. Это характерно для тех видов текстов, где ведущей коммуникативной задачей является сообщение информации: научные доказательства, газетные репортажи и, конечно, словарные статьи.

Мотивирующее суждение имеет соответствия на других уровнях языковой системы, будучи связано с ними трансформацией номинализации (универбации). Конечным этапом расчлененного представления семантической информации является производное слово. Таким образом, деривационный номинационный ряд фиксирует как механизм закрепления познавательной деятельности человека путем превращения типовых и стандартных суждений о предмете в однословные номинативные знаки, так и языковые единицы, образующиеся в результате каждого этапа трансформации, т. е. словосочетания и слова различной степени структурной и семантической сложности. На каждом уровне языковой системы единицы деривационного ряда могут иметь варианты и синонимы (могут входить и в другие лексические и структурные подсистемы). Деривационный ряд образует своего рода структурно-семантический стержень номинационной парадигмы и далее — деривационного поля, его моделируемую часть.

От номинативного ряда номинационный деривационный отличается: большим уровнем абстракции, так как основан на единстве понятийной категории (или подкатегорий), а не только на единстве денотата, как номинативный; представляет собой подсистему иерархически организованных разноструктурных единиц, принадлежащих к разным уровням языковой системы; в качестве базовой единицы включает тип мотивирующего суждения — синтаксическую структуру нескольких типовых вариаций; его семантическим инвариантом является пропозиция, лежащая в основе типа мотивирующего суждения; является структурно-семантическим стержнем номинационной парадигмы и деривационного поля, а не просто составляющей единицей поля.

Деривационные номинационные ряды как подсистема средств номинации принадлежат языку, его конкретные единицы функционируют в речи, а процесс трансформации (свертывания до определенного уровня эксплицитности) и/или выбора единицы или ее варианта из подсистемы средств номинации происходит в речепорождающей деятельности.

Структура деривационного ряда агентивности может варьироваться в различных языках. Так, она будет носить более регулярный вид в английском языке, где в настоящее время одна словообразовательная

модель выдвигается в качестве универсальной для выражения агентивности, объединяя и абстрагируя частные дифференцирующие значения. Это позволяет поставить ее в центр деривационного поля агентивности.

Построение деривационных полей и рядов, их типология в различных языках позволяют решить не только теоретические задачи: представить системность лексики в соотношении с синтаксической системностью, определить и прогнозировать семантику производных единиц, выявить коммуникативную обусловленность выбора варианта единицы номинации, но могут обеспечить и практические потребности унификации словарных дефиниций, выбора номинационного эквивалента при переводе.

¹ См.: Никитевич В. М. Основы номинативной деривации. Минск, 1985.

² См.: Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 38; Грамматика современного русского литературного языка. М., 1980. Т. 1. С. 143.

³ Кубрякова Е. С. Теория мотивации и определение степеней мотивированности производного слова // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1976. Вып. 2. Т. 174. С. 286.

⁴ См.: Караичева Т. В. Синтаксическая деривация конструкций с ядром — от глагольным именем деятеля // Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1977. Вып. 3.

А. К. КИКЛЕВИЧ

КАТЕГОРИЯ АБСТРАКТНОСТИ / КОНКРЕТНОСТИ И ОДУШЕВЛЕННОСТИ/НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ (на материале польского языка)

Одна из наиболее общих тенденций развития теории и практики современной лингвистической таксономии — переход от классификаций дискретного типа, базирующихся на дихотомическом критерии формальной логики «или — или», к «естественным» классификациям, генеральная стратегия которых осуществляется по принципу диалектической логики «и — и» и, в частности, находит проявление в преимущественном внимании «к пограничным случаям, которые не могут быть с уверенностью помещены по ту или иную сторону рассматриваемой границы»¹. Причины, лежащие в основе названного процесса, следует, видимо, искать в изменении общей парадигмы лингвистической науки, в частности, в широком распространении исследований функционального характера; «в настоящее время... мы столкнулись с необходимостью не только обратиться к характеристике функциональных аспектов грамматики языка, но и обогатить теорию языка за счет изучения речевой деятельности»².

Традиционное грамматическое описание регламентировало перечень грамматических категорий, значений, форм. Современные же лингвистические модели предполагают не только фиксацию иерархии классов грамматических явлений, но и описание их взаимодействия, взаимообусловленности для реализации главной функции языка — коммуникативной³.

Пионерскими в этом направлении были исследования лексико-грамматического характера, описывающие лексико-семантические ограничения на функционирование грамматических категорий, граммем и грамматических форм либо определяющие место грамматики в реализации систем лексических значений. Одним из наиболее общих результатов исследований этого типа был вывод о том, что грамматичность и лексичность выступают как градуальные свойства, а граница между классами грамматических и лексических явлений расплывчата: «грамматический строй языка имеет «полевую» структуру с максимально грамматикализованным ядром и лексико-грамматической периферией»⁴.

В данной работе предпринято подобного типа описание лексико-

грамматических категорий абстрактности/конкретности и одушевленности/неодушевленности современного польского языка. Определим предмет исследования. Категория одуш./неодуш. охватывает универсальное множество польских существительных, каждое из которых принадлежит либо к подмножеству имен, обладающих признаком одушевленности, либо к подмножеству имен, не обладающих данным признаком⁵. В оппозиции граммем одушевленности и неодушевленности первая является исходной, положительно определенной; соответствие между одушевленностью и значением синтаксического субъекта, на которое указывал Р. Якобсон⁶, сыграло решающую роль при зарождении категории одуш./неодуш., в основе которой лежало противопоставление класса имен со значением потенциального субъекта и класса имен без этого значения.

В рамках категории абстр./конкр. противопоставляются подкласс слов, содержащих признак абстрактности, и подкласс слов, не содержащих этого признака. Конкретные существительные, «денотация которых отлична от сигнификации»⁷, удовлетворяют условиям типичного наименования⁸ и в силу этого выступают как типичные, беспризнаковые имена. Абстрактные же существительные являются именами особого типа — пропозициональными (или, по О. Есперсену, нексусными) словами: они обозначают атрибуты, качества, свойства предметов и даже предикативные связи между ними⁹. Типичная схема представления картины номинации в виде семантического треугольника применительно к абстрактным именам «не работает»: денотат сливается с сигнификатом, а существительное становится именем понятия¹⁰.

По совокупности признаков одушевленности и абстрактности, которые в каждой из рассматриваемых категорий являются положительно определенными, установим три класса слов: 1) одушевленные неабстрактные (для удобства будем их называть одушевленными конкретными), 2) неодушевленные неабстрактные (неодушевленными конкретными), 3) неодушевленные абстрактные. Граммемы одушевленности и абстрактности исключают друг друга в пределах одной и той же лексемы, поэтому четвертый класс, который составили бы одушевленные абстрактные существительные, невозможен. Не подлежит сомнению, что категории абстр./конкр. и одуш./неодуш. каким-то образом взаимосвязаны, взаимосоотнесены. Учитывая, что значения одушевленности и неодушевленности выделяются в рамках значения конкретности, а значения абстрактности и конкретности — в рамках значения неодушевленности, можно предполагать, что указанная взаимосвязь рассматриваемых категорий имеет характер иерархии. Определение структуры этой иерархии — задача данного исследования.

Сделанные исходные замечания послужили основанием для психолингвистического описания категорий абстр./конкр. и одуш./неодуш. в аспекте их функционирования, а точнее, с точки зрения их дистрибуции. В качестве дистрибутивного полигона была выбрана сочинительная синтагма. Эксперимент носил направленный ассоциативный характер. Испытуемым (учащимся польских лицеев в возрасте 15—16 лет, общее количество — 200 человек) предлагались 12 сочетаний типа «*żołnierz i...*», «*okno i...*», «*wygoda i...*». В задании предлагалось: «Поставьте в данные сочетания вместо многоточия какое-либо слово». Полнозначный компонент словосочетания именовался стимулом, вписываемое испытуемым слово — реакцией (или ассоциацией). Список стимулов составили три группы случайно выбранных лексем трех различных классов: одушевленные конкретные (ОК) — *król, ksiądz, złodziej, żołnierz*; неодушевленные конкретные (НК) — *góra, młotek, nożyce, okno*; неодушевленные абстрактные (НА) — *kłopot, ramięc, sprawiedliwość, wygoda*. В результате эксперимента было получено около 2400 реакций.

В качестве одной из дистрибутивных характеристик использовалось понятие плотности (или веса, по терминологии других ученых¹¹) протокола, которое количественно определялось как отношение величины

словника (т. е. числа разных реакций на тот или иной стимул) к числу всех словоупотреблений в рамках данного протокола.

Другой дистрибутивной характеристикой явилось число реакций, удовлетворяющих принципу логической соподчиненности со стимулом. Логически соподчиненными со стимулом определялись реакции, выступающие по отношению к стимулу как единицы одного и того же уровня гиперонимической иерархии, т. е. как видовые понятия в пределах одного рода (реакции *kowadło*, *piła*, *szczupce* и т. п. на стимул *młotek*). Все остальные реакции, в том числе находящиеся к стимулу в отношении «часть — целое», «предмет — признак» и т. п., определялись как логически несоподчиненные со стимулом (реакции *kowal*, *żelazo*, *uderzenie* и т. п. на тот же стимул *młotek*).

Оба показателя сочетаемости являются важными параметрами протокола: первый из них свидетельствует о степени устойчивости направленной ассоциации, второй — о степени ее семантической однородности. Для того чтобы стало возможным установить связь между тем или иным дистрибутивным признаком (каждый из которых имеет количественное измерение) и типом (ОК, НК или НА) стимулирующей лексемы, необходимо придать показателям типов числовое значение.

Таблица 1

стимул	реакция		
	ОК	НК	НА
ОК	69	67	62
НК	9	150	39
НА	7	31	158

Для каждого типа стимула рассчитаем среднее количество ОК-, НК- и НА-реакций (см. таблицу 1).

Используя данные таблицы 1, количественно определим ОК-стимул. Средняя величина однородных стимулу реакций в данном случае является наименьшей по сравнению с аналогичными реакциями на НК- и НА-стимулы: 69 против 150 и 158. С помощью специального *t*-критерия определим, что данное различие статистически досто-

верно (так, различие $M_{ОК}=69$ и $M_{НК}=150$ значимо: $t=5,98$ при уровне значимости 0,995). Следовательно, принадлежность лексемы к типу ОК определяется вероятностно низким числом реакций того же типа, что и стимул.

Установим соответствие между рядом величин, представляющих число реакций того же класса, что и стимул, и рядом величин логически соподчиненных реакций. Коэффициент корреляции +0,66 свидетельствует о наличии между данными рядами статистически достоверного положительного соответствия. Из этого факта следует вывод: реакции на ОК-стимул носят вероятностно-статистический несоподчиненный характер (т. е. принадлежат к разным парадигматическим лексико-семантическим классам), реакции же на НК- и НА-стимулы преимущественно удовлетворяют требованию логической соподчиненности со стимулом.

Установим количественную специфику НК-стимула. Количество НК-реакций на НК-стимул значительно выше, чем число реакций этого же типа на ОК- и НА-стимулы (150 против 67 и 31). Данное различие средних статистически значимо (что определяется с использованием уже упоминавшегося *t*-критерия).

Вычислим степень корреляции между рядом величин НК-реакций для каждого типа стимула и рядом величин плотности каждого протокола. Высокий отрицательный коэффициент корреляции -0,91 позволяет трансформировать количественные данные обратно в качественные: лексемы типа НК вероятностно-статистически стимулируют протоколы с низкой плотностью, т. е. процесс ассоциирования носит в данном случае устойчивый характер. Лексемы типов ОК и НА стимулируют протоколы с высокой плотностью, а процесс ассоциирования в этом случае неустойчив.

Качественные дистрибутивные свойства, соответствующие каждому типу стимулирующей лексемы, представлены в таблице 2.

сти- мол	дистрибутивное свойство	
	устойчивость	однородность
ОК	—	—
НК	+	+
НА	—	+

Поскольку, как следует из таблицы 2, класс НА-лексем по своим дистрибутивным свойствам занимает промежуточное положение между классами ОК- и НК-лексем, а лексем типов ОК и НК, содержащие грамму конкретности, не имеют общих дистрибутивных признаков, то можно заключить, что грамма конкретности выступает как функционально нерелевантная. Аналогичный вывод вытекает из сопоставления каждой из четырех рассматриваемых граммем с дистрибутивными признаками устойчивости и однородности (характер этого соответствия устанавливается на основании данных таблицы 2): одушевленность — неустойчивость, неоднородность; неодушевленность — устойчивость, однородность; абстрактность — неустойчивость, однородность; конкретность — устойчивость, неоднородность. Как видим, конкретность предполагает такую комбинацию свойств устойчивости и однородности, которая, судя по таблице 2, не подтверждается фактами речевой реальности.

Наконец, то же сопоставление показывает, что для лексем ОК-типа доминирующей является грамма одушевленности, для лексем НК-типа — грамма неодушевленности, для лексем НА-типа — грамма абстрактности. Грамма же конкретности оказывается функционально избыточной.

Чтобы дать объяснение установленным фактам, необходимо признать, что категории абстр./конкр. и одуш./неодуш. в польском языке взаимосвязаны и в целом представляют иерархическую структуру, в которой категория одуш./неодуш. существует на фоне категории абстр./конкр., а грамма конкретности по отношению к граммам одушевленности и неодушевленности выступает как род по отношению к видам (см. схему 1):

Этим и объясняется то, что в условиях речевой актуализации видовых граммем происходит нейтрализация родовой граммы, которая как бы растворяется в видовых.

Учитывая, что грамма конкретности в речевой деятельности практически не актуализируется, можно утверждать, что с функциональной точки зрения существует единая интегральная категория, представленная классами абстрактных, одушевленных и неодушевленных имен (см. схему 2):

В пределах данной категории класс абстрактных имен противопоставляется классам одушевленных и неодушевленных имен по признаку абстрактности, а класс одушевленных имен противопоставляется классу неодушевленных имен по признаку одушевленности. Аналогичного типа трехчленные морфологические структуры приводятся в «Грамматике современного польского языка»¹².

Проведенное исследование позволяет утверждать, что механизмы речевой деятельности трансформируют, а в отдельных случаях редуцируют, базовые структуры языка. Языковые категории и классы выступают в речевой деятельности в деформированном, точнее, в интегрированном виде. Грамматическая категориальность, предполагающая строгую организацию группировок языковых единиц по грамматическим признакам и дискретность грамматической системы в целом, до некото-

рого порогового уровня нейтрализуется за счет взаимопроникновения, взаимовлияния различных категорий и классов.

Система языка, таким образом, характеризуется неразрывной диалектической связью устойчивости и изменчивости: с одной стороны, она программирует речевую деятельность или, как писал Соссюр, вносит в речевую деятельность единство; с другой стороны, как указывал один из оппонентов Соссюра В. Н. Волошинов, в процессах производства и восприятия текстов «языковая форма важна не как устойчивый и себе равный сигнал, а как всегда изменчивый и гибкий знак»¹³. Все это свидетельствует о том, что наиболее приемлемым может быть признан такой подход к описанию языка, в рамках которого статический и динамический аспекты сочетались бы по принципу дополнительности.

¹ Лабов У. Структура денотативных значений // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 14. С. 134.

² Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986. С. 7.

³ См.: Heinz A. Podstawowe zalozenia wspolczesnego jezykoznaostwa ogolnego // Biuletyn PTJ. 1968. Z. XXVI. S. 38.

⁴ Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983. С. 21.

⁵ См.: Klemensiewicz Z. Podstawowe wiadomosci z gramatyki jezyka polskiego. Warszawa, 1981. S. 49.

⁶ См.: Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 144—145, 160.

⁷ Льюис К. И. Виды значения // Семиотика. М., 1983. С. 214.

⁸ См.: Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка (семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). М., 1985. С. 14.

⁹ См.: Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958. С. 151—155.

¹⁰ См.: Льюис К. И. Указ. работа. С. 214; Степанов Ю. С. Указ. работа. С. 15—16.

¹¹ См.: Фрумкина Р. М., Миркин Б. Г. Семантика «конкретной» лексики: психолингвистический подход // ИАН ОЛЯ. 1986. Т. 45. № 1. С. 20.

¹² См.: Gramatyka wspolczesnego jezyka polskiego. Morfologia. 1984. S. 108.

¹³ Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Л., 1929. С. 6.

Ю. В. ПОПОВ

ТЕКСТ КАК ЭМПИРИЧЕСКИЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Текст, т. е. представленное в той или иной наблюдаемой форме речевое произведение, всегда служил и служит для языкознания эмпирическим объектом — той объективной данностью, с которой имеет дело лингвист. Однако различие подходов, целей, установок лингвистической работы приводит к принципиальным различиям в характере того теоретического знания, которое надстраивается над эмпирическим, базисным уровнем текста. Естественно, что действующая при этом методологическая рефлексия порождает и весьма различные представления о тексте как эмпирическом объекте, отражающие разные стороны объективной реальности. Иными словами, различным оказывается и содержание науки о языке в целом. Поэтому рассмотрение с указанной точки зрения лингвистических традиций и тенденций представляется плодотворным и особенно актуальным в наши дни, когда языкознание переживает период переоценки собственных приоритетов и поиска новых направлений развития. Попытка такого анализа предлагается в настоящей статье.

Для классического структурного языкознания, начиная с Ф. де Соссюра, эмпирический текст, несомненно, служил самым традиционным образом — в качестве текстового материала или, если угодно, репрезентации языкового материала в речевой деятельности. Такой подход не предполагает взгляд на текст как на самостоятельную сущность, «вещество» текста рассматривается не на молекулярном, а на атомарном уровне. Поэтому сам текст (в классической системоструктурной тради-

ции) не является ни эмпирическим, ни теоретическим объектом. Абстрагируемый из текстового материала теоретический объект, языковая система, соотносится не с текстом, а с отношениями наличествующих в нем языковых единиц при вынужденном отвлечении от того целого, внутри которого и для которого они существуют. Возникает инвентаризирующая таксономика языковых средств, хотя и более на дедуктивной, нежели на индуктивной (младограмматической) основе. Парадигматические и синтагматические, межуровневые иерархические отношения языковой системы, конечно, соотносятся с объективной реальностью, вопрос, однако, в том, с какой именно реальностью.

Ответ на этот вопрос в структурном языкознании оказывается двойственным. С одной стороны, глядя на тот или иной вариант модели языковой системы, мы получаем определенное знание о языковых средствах, причем знание преимущественно формальное. С этим знанием удобно логически оперировать, совершенствуя его, рассматривая различные возможные варианты и модификации модели. Но для того, чтобы превратить данный логический конструкт в теорию языка, необходимо прежде всего определить соответствующий ему эмпирический объект. То, что реально таким объектом является рассматриваемый под определенным углом зрения текстовый материал, не устраивает лингвистов, ибо изъятый из текста, он перестает существовать именно в этой реальности (речевой). Выход был подсказан самим Соссюром: «язык так же конкретен, как и речь». Возникает второй ответ на упомянутый вопрос. Языковая система — это уже не модель знания, а реально существующее «образование» в эмпирической области человеческого сознания, памяти.

Налицо фундаментальное внутреннее противоречие концепции, отчетливо проявившее себя в последний период развития структурного языкознания. Показательна здесь судьба теории Н. Хомского, которая вызвала чуть ли не всеобщий интерес вначале (как логико-математический конструкт) и столь же общую критику впоследствии, когда она стала претендовать на психологическую и даже генетическую реальность. Показательна и неэффективность попыток психолингвистики представить со своей стороны эмпирический коррелят структурной модели языковой системы.

Наиболее знаменательны, однако, те новые тенденции, которые родились как в русле самого системоструктурного языкознания, так и в сфере иных теоретических принципов подхода к языку. Прежде всего вспомним о возникновении и взрывообразном развитии лингвистики (грамматики) текста. Суть этого факта понятна — наконец-то текст как таковой стал именно объектом для языкознания. Но столь же понятен (и поучителен) характер эволюции этого направления. Первое время активное развитие исследований по грамматике текста объяснялось появлением в поле зрения лингвистов новой обширной области применения апробированных принципов и методов структурного языкознания. Однако текст как эмпирический объект плохо поддавался моделированию на теоретическом уровне. Не удивительно. Подход к тексту как к элементу языковой системы, как к единице уровня, надстроенного над уровнем предложения, т. е. фактически как к одному из языковых средств, не мог принести успеха, поскольку текст таким средством не является. Текст не укладывался в существующую теоретическую модель языковой системы. Поэтому результаты таких исследований в большинстве своем либо оказывались тривиальными, либо выводили за рамки модели системы языка: текст явно претендовал на статус самостоятельного теоретического объекта. Как следствие, грамматика текста недолго существовала в активной самостоятельной форме. Исследователи, сохраняющие взгляд на текст как на эмпирический объект, переходят в своей теоретической работе либо на более общие теоретические позиции коммуникативно-функциональной теории, либо включаются в русло «семантизированного» языкознания.

Под коммуникативно-функциональной теорией в данном случае понимается широкая область современных исследований языка, которую лишь отчасти или даже условно можно считать лингвистической. Различные подходы и стороны в этой области представлены психолингвистикой, социолингвистикой, прагмалингвистикой, теорией речевых актов и т. д. Объединяет их, с одной стороны, деятельностный коммуникативно-функциональный теоретический принцип, а с другой — подход к тексту как к текстовой деятельности, причем включенной в более широкий эмпирический и теоретический объект (речевая деятельность, речевая коммуникация, речевая интеракция и т. д.). «Язык» здесь представлен, вообще говоря, лишь языковыми средствами (как средствами текстовой деятельности), что, казалось бы, не стимулирует развитие собственно языкознания, поскольку его существующий системоструктурный вариант уже обладает моделью системы языковых средств. Действительно, создается впечатление, что для многих авторов прагмафункциональных концепций интерес представляет не язык, а использующие его субъекты с их речевыми интенциями, речевым поведением и т. п. Отнюдь не желая умалить безусловную теоретическую и практическую важность и актуальность такого рода исследований, хочется все же подчеркнуть, что они не могут быть эффективными, если не будут использовать в полной мере данные теории языка (языкознания), а полагать такие данные уже представленными на должном уровне явно преждевременно. На этих позициях, очевидно, и стоят те лингвисты, которые активно продолжают работу в области собственно языкознания.

Ведущее в наши дни направление в этой области мы условно назвали «семантизированным». Имеется в виду та менталистическая тенденция, которая в 60-е годы фактически вытеснила формально-структурный подход к языку, хотя и не отказывалась явно от языковой системы как теоретического объекта. В действительности же дело шло, пожалуй, не столько о системоструктурном теоретическом принципе (и соответствующем теоретическом объекте), сколько о системно-структурном методе, который в применении к различным пластам языковой семантики позволил наметить переход от статического, сугубо аналитического моделирования к динамическому, отражающему синтетическую природу языкового процесса. Внешними проявлениями этих важных событий были преодоление целого ряда внутрисистемных границ, например, между лексикой и синтаксисом, между синтаксисом и словообразованием, размывание традиционного противопоставления языка и речи, попытки постулировать «вторую» языковую систему как переходный объект между сосюринанской системой и текстом либо рассматривать закономерности языкового процесса «употребления» (языковых средств) в качестве речевой системности. По сути же, думается, происходило и происходит становление нового — хотя и известного со времени В. фон Гумбольдта — теоретического принципа, который можно назвать генеративно-функциональным.

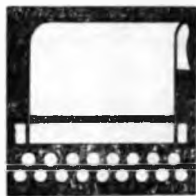
Теоретическим объектом языкознания в таком случае оказывается языковой текстопорождающий процесс, который моделируется в отвлечении от субъектов речевой деятельности, поскольку внимание концентрируется на том, что происходит с языковым материалом в этой деятельности, а не на психологических или социальных факторах происходящего. Представляется, что ошибка позднего Хомского, пытавшегося моделировать этот процесс, заключалась, с одной стороны, в том, что его модель осталась статичной (отражающей лишь корреляционные отношения между структурами), а с другой стороны, в том, что составляющими языкового процесса он считал трансформации (физикалистская аллюзия), а не гармонизированные операции выбора языковых средств.

Генеративно-функциональный принцип отводит тексту важное место внутри теоретического объекта языкознания, ибо он является органической частью (завершающей фазой) языкового процесса. Еще раз под-

черкнем, что речь здесь идет именно о процессе, а не о деятельности, включающей в себя этот процесс. Положительно уже то, что мы тем самым остаемся в рамках собственно лингвистической науки, а с другой стороны, можем ожидать действительно полезных данных для прагматической, социопсихологической интерпретации их в рамках теории речевой коммуникации (чего не приходится ожидать от канонических моделей языковой системы).

Особенно интересными в генеративно-функциональном языкознании оказываются возможности представления эмпирического и теоретического объектов. Эмпирически данным является текст, но не как продукт, что характерно для структурной грамматики текста и некоторых прямолинейных прагмалингвистических интерпретаций текста как коммуниката, а как развивающийся текст. Действительно, наблюдаемый на тексте процесс точнее квалифицировать как процесс развития, а не порождения. Если на теоретическом уровне представить модель системы правил, норм, регулирующей взаимодействие операций выбора языковых средств (и их создания) для осуществления развития текста, мы получим строго соответствующие друг другу эмпирический и теоретический объекты, динамический характер которых, отвечающий динамической природе языка, не вызывает сомнений.

Конечно, пока еще отсутствуют даже контуры названных объектов, однако генеративно-функциональная тенденция в лингвистической работе уже заявляет о себе с полной определенностью, и можно надеяться, что завоевание этих новых собственно лингвистических позиций не будет отложено под давлением семиосоциопсихологических интересов (в том числе и ради пользы для этих последних).

А. Ф. МЯСНІКОУ

САЦЫЯЛІСТЫЧНАЕ СПАБОРНІЦТВА ВА УМОВАХ ПЕРАБУДОВЫ І ДРУК БЕЛАРУСІ

Клопат аб развіцці і пастаянным удасканаленні спаборніцтва заўсёды знаходзіўся ў цэнтры практычнай дзейнасці Цэнтральнага Камітэта КПСС і Савецкага ўрада. У новай рэдакцыі Праграмы Камуністычнай партыі Савецкага Саюза адзначана: «Прадметам пастаяннай увагі партыі з'яўляецца развіццё **сацыялістычнага спаборніцтва**. Гэта — важнейшая сфера разгортвання творчасці працоўных, адзін з асноўных спосабаў самазацвярджэння і грамадскага прызнання асобы»¹.

У апошні час сацыялістычнае спаборніцтва, як і іншыя грамадскія з'явы, перажывала прылівы і адлівы. У сямідзесятыя гады, калі, як прызнана цяпер, краіна пачала губляць тэмпы руху, пачалі назапашвацца цяжкасці і нявырашаныя праблемы, натуральна, пайшло на спад і працоўнае саперніцтва, энтузіязм мас. І гэта нягледзячы на тое, што было прынята нямала каштоўных пастановаў і рашэнняў Цэнтральнага Камітэта КПСС, Цэнтральнага Камітэта Камуністычнай партыі Беларусі, у якіх дакладна ставіліся задачы і адзначаліся нявырашаныя праблемы. Справа заставалася за выкананнем, актывізацыяй творчасці мас. Аднак практычнае выкананне гэтых пастановаў, рашэнняў, дырэктыўных дакументаў кантралявалася павярхоўна. Пачатыя, а часам і задуманыя цікавыя мерапрыемствы да канца не даводзіліся, «забываліся». У выніку ж рэзервы, скрытыя ва ўскараенні навукова-тэхнічнага прагрэсу, развіцці актыўнасці працоўных у сацыялістычным спаборніцтве, у іншых крыніцах павышэння эфектыўнасці вытворчасці і паляпшэння якасці прадукцыі, так і заставаліся ў большасці выпадкаў нявыяўленымі. Нязначнай была роля многіх партыйных арганізацый у разгортванні і ўдасканаленні працоўнага саперніцтва. Тым не менш друк, і ў першую чаргу рэспубліканскія газеты «Звязда», «Советская Белоруссия», «Сельская газета» не заўсёды ўмелі параўнаць вынікі работы працоўных, паказаць магчымасці паўтарэння вопыту перадавікоў. Інакш кажучы, ленынскія прынцыпы арганізацыі сацыялістычнага спаборніцтва не заўсёды атрымлівалі канкрэтнае практычнае нападўненне, а роля і значэнне гэтых прынцыпаў прыніжаліся.

Тэндэнцыя адмаўлення ад рэалістычнага аналізу ўзнікаючых у жыцці праблем прасочвалася і ў тэорыі партыйна-савецкай журналістыкі. Вывучэнне жывой рэчаіснасці падмянялася механічным, часам бяздумным наборам лічбаў і фактаў, цытаваннем твораў кіраўнікоў самых розных рангаў. Датычыцца гэта і асвятлення праблем сацыялістычнага спаборніцтва. Спрошчана разумелася нават само вызначэнне спаборніцтва як адной з рухаючых сіл развіцця сацыялістычнага грамадства.

Але вось красавіцкі (1985) Пленум Цэнтральнага Камітэта КПСС, XXVII з'езд партыі заклікалі да перабудовы, актывізацыі ўсяго нашага жыцця. Зняты праслаўленыя бар'еры на шляху журналістыкі, ліквідуюцца забароненыя зоны... Вялікія перамены вызначаюцца і пачынаюцца ў народнагаспадарчым комплексе краіны. У сувязі з набліжэннем сямідзесяцігоддзя Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі Цэнтральны Камітэт Камуністычнай партыі Савецкага Саюза прымае Зварот «Да савецкага народа», у якім у цэнтр спаборніцтва за дастойную сустрэчу юбі-

лею ставіцца задача забяспечыць якасны зрух у эканоміцы, стварыць трывалыя задзелы на перспектыву.

Здавалася, перад журналістыкай адкрываецца вялізны прастор для дзейнасці — прастор для свежай думкі, нестандартнага выкладання з'яў, новых паваротаў тэм і праблем. Аднак, як гэта нярэдка здаралася і раней, вызначанае так і засталася на паперы.

Склалася парадаксальная, на першы погляд, сітуацыя: сёння пытанні сацыялістычнага саборніцтва асвятляюцца рэспубліканскімі газетамі нават горш, чым раней. А каб не выглядала гэта галаслоўным, звернемся да камплектаў «Звязды», «Советской Белоруссии», «Сельской газеты».

На агульным фоне «Сельская газета» прыкметна вызначаецца сярод іншых. Канкрэтнасць, акрэсленасць і ў той жа час нягучнасць, знешняя някідкасць — вось што ў першую чаргу характэрна для сённяшніх публікацый выдання.

Падборкі і мэтавыя старонкі аб сацыялістычным саборніцтве сельскіх працаўнікоў маюць на газетных палосах сваё пастаяннае месца. З нумара ў нумар — перадавыя і рэдакцыйныя каментарыі, аператыўныя агляды і рэйдавыя матэрыялы, інтэрв'ю і трывожныя сігналы, зводкі і невялікія інфармацыі. Думаецца, запомніліся чытачам урэзкі да гэтых палос і падборак: дзелавыя і мабілізуючыя. Вось некаторыя з іх: «Саборніцтва ў гонар 70-годдзя Вялікага Кастрычніка павінна быць накіравана на дасягненне прыкметных поспехаў у эканамічнай і сацыяльнай сферах», «Ключ да ажыццяўлення вызначаных партыяй планаў — у напружанай штодзённай рабоце ўсіх удзельнікаў саборніцтва», «Забяспечыць пры падрыхтоўцы да юбілею Вялікага Кастрычніка адзінства слова і справы — значыць умацаваць у кожным веру ў тое, што вызначанае партыяй стане рэальнасцю», «Сустрэкаючы юбілей Вялікага Кастрычніка, важна як мага шырэй распаўсюдзіць вопыт лепшых калектываў і працаўнікоў аграпрама», «Галоўнае, чым мы закліканы адзначыць кастрычніцкую гадавіну, заключаецца ва ўзмацненні працоўнага напружання, у максімальнай творчай аддачы кожнага ўдзельніка саборніцтва»². Пад даволі цікавай, на наш погляд, рубрыкай «Вам звоняць з рэдакцыі» «Сельская газета» апублікавала шэраг экспрэс-гутарак з пераможцамі сацыялістычнага саборніцтва — даяркамі, механізатарамі, даглядчыкамі жывёлы, паляводамі. Чыталіся і матэрыялы пераклічкі-паверкі абласцей аб ходзе працоўнага саборніцтва на нарыхтоўцы кармоў у 1987 годзе. На жаль, не заслужана не заўважаным у Дзяржааграпроме БССР, у партыйных і савецкіх органах аказаўся артыкул уласнага карэспандэнта газеты па Гомельскай вобласці М. Ермакова «Тысячнік па загаду, або аб фармалізме ў саборніцтве»³, прысвечаны штучнаму навязванню ўдзельнікам саборніцтва на жыве рэкордных рубяжоў. Тэма гэта, між іншым, раней і адносілася да забароненых зон, а гадоў пяць назад за спробу ўзяцца за яе, вывесці на чыстую ваду камбайнера, на асабісты рахунак якога працавалі... два камбайны, аднаго з карэспандэнтаў «Звязды» нават пакаралі⁴.

«Советская Белоруссия» ход сацыялістычнага саборніцтва ў працоўных калектывах рэспублікі ў асобны раздзел не выносіць, хоць публікацыі, вартыя ўвагі, былі. Пад рубрыкамі «Аб перабудове па сутнасці», «У новых умовах», «Як выконваюцца абавязацельствы» змяшчаюцца выступленні саміх удзельнікаў працоўнага саборніцтва, артыкулы журналістаў. Супрацоўнік газеты В. Брыль узяў радок з апублікаваных раней абавязацельстваў аб'яднання «Будмаш», прааналізаваў ход іх выканання ў публікацыі «Папяровыя тупікі, ці «круглы стол» на пляцоўцы для браку»; яго калега М. Комлеў у артыкуле «Густ да гасразліку» расказаў аб рабоце ў новых умовах калектыву Магілёўскай стужка-ткацкай фабрыкі. Павучальнымі і дзелавымі былі і артыкулы «Нарад на... падрад», «Хто ёсць хто», «Што пакінуць за парогам», «Каб і розуму, і сэрцу»⁵ і шэраг іншых.

Слабей за іншых выглядае ў асвятленні тэматыкі сацыялістычнага саборніцтва рэдакцыя газеты «Звязда». Толькі адзін факт: за жнівень — лістапад 1987 года (гэта значыць у перыяд масавага працоўнага саборніцтва за дастойную сустрэчу юбілею Вялікага Кастрычніка) газета ўсяго тройчы дала падборкі на гэту тэму: 15 і 27 верасня і 6 кастрычніка. Ды і што гэта былі за публікацыі: у першым выпадку — падборка ў дапамогу палітінфарматарам і агітатарам для правядзення гутарак на тэму «Умацоўваць слова справай, раўняцца на лепшых»; у другім — перадавы артыкул; у трэцім — трэцяя частка паласы з чатырох інфармацый і карэспандэнцый. У апошняй з падборак, дарэчы, ахапіў неабдымнае адзін з работ-

нікаў Гомельскага гаркома партыі: у карэспандэнцыі з 70 радкоў расказаў аб усім — ад спаборніцтва пад дэвізам «Заданні двух гадоў пяцігодкі — да 70-годдзя Вялікага Кастрычніка, пяцігодку — за чатыры гады» да дасягненняў гамяльчан у вырашэнні сацыяльных задач і... адкрыцця ў горадзе некалькіх відэа- і кінасалонаў... Спаборніцтву, як кажуць, няма мяжы.

Але ж нам сёння «спаборніцтва неабходна перш за ўсё для таго, каб развіваць рабочую творчасць, ініцыятыву, спаборнасць розуму, таленту, арганізацыйнага майстэрства, асваення перадавога вопыту, — адзначалася на XVIII з'ездзе прафесіянальных саюзаў. — Час усур'ез зрабіць тое, аб чым ужо гаворым не адзін год, — пераарыентаваць сістэму сацыялістычнага спаборніцтва на паказчыкі якасці, рэсурсазберажэння, строгага выканання паставак па дагаворах. Вось тры кіты, на якіх, перш за ўсё, павінна базіравацца сацыялістычнае спаборніцтва»⁶.

У працоўных калектывах — вытворчых аб'яднаннях, на фабрыках і заводах, у калгасах і саўгасах, на будоўлях і чыгуначным транспарце ёсць сотні прыкладаў шчырай і самаадданай працы ўдзельнікаў сацыялістычнага спаборніцтва, перадавікоў і наватараў. А вось на газетных старонках мы іх не бачым. «Звязда» і «Советская Белоруссия» не змяшчаюць ужо штомесячныя старонкі сацыялістычнага спаборніцтва, якія выходзілі на працягу многіх гадоў па ўказанню Цэнтральнага Камітэта Кампартыі Беларусаі.

Шмат павучальнага, карыснага для сябе знаходзілі чытачы ў матэрыялах рэйдаў-праверак, з падшэфных будоўляў і важнейшых народна-гаспадарчых аб'ектаў, у рэпартажах з пасяджэнняў выязных рэдакцый і за «круглым сталом», клубаў дзелавых сустрэч. Вялікі аб'ём работы выконвалі ў свой час грамадскія пасты і прыёмныя, няштатныя аддзелы і саветы рэдакцый. Зніклі са старонак рэспубліканскіх газет і справаздачы аб спаборніцтве працоўных калектываў на прызы «Звязды», «Советской Белоруссии», «Сельской газеты». Усе гэтыя формы і метады работы дапамагалі рэдакцыям у дасягненні пэўных зрухаў у павышэнні эфектыўнасці і дзейнасці газетных публікацый, далучэнні мас да вырашэння актуальных задач развіцця і ўдасканалення спаборніцтва.

Не халае сёння рэспубліканскім перыядычным выданням тэарэтычных артыкулаў па праблемах спаборніцтва, публікацый аб творчым развіцці ленінскіх прынцыпаў яго арганізацыі адносна новых умоў развіцця эканомікі. Зусім мала артыкулаў праблемна-аналітычнага характару. Не заўсёды аўтары кіруюцца навуковымі ацэнкамі вынікаў саперніцтва, не «заўважаюць» перамен у арганізацыі працы.

Сёння ў краіне ідзе гістарычны працэс абнаўлення нашага жыцця. Бачыць жа яго трэба шырока, усебакова. Журналісты павінны садзейнічаць гэтаму працэсу, актыўна ўдзельнічаць у ім. У эканоміцы журналістыка абавязана ствараць тое пажыўнае асяроддзе, у якім і будзе ажыццяўляцца перабудова, рэвалюцыйнае абнаўленне. І ролю сацыялістычнага спаборніцтва тут нельга недаацэньваць.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 36.

² Гл.: Сельская газета. 1987. 21 августа; 8, 9, 12, 16 сентября.

³ Гл.: Там жа. 18 августа.

⁴ Гл.: Бягучы архіў «Звязды» за 1982 год.

⁵ Гл.: Советская Белоруссия. 1987. 14 июля; 16 сентября; 15, 1 сентября; 24, 5 июля.

⁶ Правда. 1987. 26 февраля.

А. В. БАЛАШ

КРЫТЭРЫ І КАМПАЗІЦЫІ ГАЗЕТНАЙ ПАЛАСЫ

Ролю кампазіцыі ў эстэтычнай насычанасці і мастацкай выразнасці газетнай формы, як і любога іншага твору мастацтва, цяжка пераацаніць. Калі форма — адзіны спосаб рэалізацыі зместу, то праз кампазіцыю праўляюцца яе патэнцыяльныя магчымасці. Апошняя выступае як закон пабудовы формы ў адпаведнасці з логікай і патрабаваннямі прыгажосці і садзейнічае раскрыццю і даступнасці зместу, павышэнню эфектыўнасці яго ўздзеяння. К. Юон лічыў работу над кампазіцыяй «самай важнай творчай задачай»¹, а балгарскі даследчык Д. Георгіеў сцвярджаў, што «асноў-

ным мастацкім кампанентам паласы газеты з'яўляецца кампазіцыя», якая ўздзейнічае на чытача «праз свае прапорцыі, структуру, танальнасць, рытм»².

Савецкі тэарэтык кніжнага афармлення В. Ляхаў бачыў асноўную задачу кампазіцыі ў тым, каб авалодаць увагай чытача, арганізаваць глыбокае ўспрыманне найбольш актуальнай і разлічанай на самую шырокую аўдыторыю інфармацыі³.

У спецыфічных умовах мясцовых газет роля кампазіцыі як арганізуючай газетнай графікі яшчэ больш узраслае. Работа над ёй атрымлівае матэрыяльнае ўвасабленне ў макеце і з'яўляецца творчым актам, які базіруецца на сплыве эмацыянальнага і рацыянальнага, на дакладным разліку інжынера, на фантазіі і гусце мастака, на разуменні цэлага і асэнсаваным імкненні да яго. Макет павінен выявіць эстэтычныя заканамернасці ў арганізацыі сувязей паміж асобнымі элементамі цэлага, паміж кожным з гэтых элементаў і ўсім цэлым. Гэтыя сувязі адлюстроўваюць складаную іерархію паміж асобнымі элементамі, часткамі цэлага і ўсім цэлым, адлюстроўваюць супярэчнасці ўнутры цэлага, закліканы прыглушыць гэтыя супярэчнасці. Макет, сучляняючы элементы канструкцыі з улікам іх функцыянальнага прызначэння па законах знешняй і ўнутранай логікі, арганізуе іх у замкнутае мастацкае цэлае.

Дастаткова абгрунтаванай тэорыі кампазіцыі газетнай графікі пакуль не існуе. Многае залежыць ад інтуіцыі, асабістага густу афарміцеля. Самі «архітэктары» газетных палос — сакратары — часцей за ўсё спасылаюцца на інтуіцыю і не заўсёды ў стане адказаць, чаму яны менавіта так, а не інакш размясцілі матэрыялы. Але апірацца толькі на інтуіцыю — значыць адрываць майстэрства афармлення ад якога б там ні было акрэсленага тэарэтычнага фундаменту.

Тып кампазіцыі — прадукт працяглага гістарычнага развіцця. І ў розныя гістарычныя перыяды па-рознаму ацэньваліся эстэтычныя дасягненні таго ці іншага тыпу. Так, канула ў Лету ламаная вёрстка — прадмет павальнага захаплення газетных дызайнераў пачатку 60-х гадоў. Рэдка сустракаецца ў чыстым выглядзе і гарызантальная вёрстка, якую А. Шыцгал лічыў абавязковым атрыбутам больш дынамічнага афармлення⁴.

Няма і дастаткова абгрунтаванай класіфікацыі тыпаў або відаў кампазіцыі ні ў сусветнай, ні ў айчынай тэорыі газетнай графікі. Так, у ЗША адрозніваюць тры віды кампазіцыі: збалансаваную, кантрастную, расчлянёную. Я. Копшыва (ЧССР) дыферэнцыруе кампазіцыю на статычную, кантрастную, эксцэнтрычную. В. Франц (ПНР) налічвае ўжо 10 тыпаў кампазіцыі: сляпую, шэрую, стракатую, жывую, сіметрычную, кантрастную, плакатную, крыклівую, рэзаную, ілюстраваную (як бачым, некаторыя даследчыкі невыразна дэфініруюць від кампазіцыі і стыль афармлення ў цэлым).

Балгарскі даследчык Д. Георгіеў прапанаваў цікавую класіфікацыю, у якой ён выдзяліў: 1) вёрстку «сапажком», пры якой мантаж публікацый выконваецца з калонак рознай даўжыні; 2) прамавугольную з гарызантальнымі элементамі (першую ён лічыў больш зручнай для мантажу інфармацыйных паведамленняў, другую — артыкулярна-каменціруючых); 3) вертыкальную (выдзяляючы ў ёй два падвіды: англійскі, дзе дамнуюць вёрстка «сапажком» і лінейка, якая пачынаецца ўверсе паласы, але да нізу ніколі не даходзіць, і нямецкі, калі вертыкальныя структуры спалучаюцца з прамавугольнай вёрсткай); 4) гарызантальную; 5) перпендыкулярную (заснаваную на спалучэнні гарызантальных і вертыкальных ліній у якасці элементаў размежавання і ўваходжання публікацый у прасторы канструкцыі); 6) сіметрычную (або збалансаваную); 7) паласу з гадоўным матэрыялам.

У Савецкім Саюзе доўгі час разглядаліся толькі тры тыпы вёрсткі, якія атрымалі і ў журналісцкім ужытку, і ў навуковай спецыяльнай літаратуры назвы прамавугольнай, ламанай, змяшанай. Аднак практыка афармлення газеты нарадзіла столькі іх мадыфікацый, што спатрэбіліся новыя вызначэнні. Так, з прамавугольнай вёрсткі выдзелілася брусковая, асноўныя рысы якой акрэслены В. Жаравым⁵. Але і гэты від увесь час трансфармуецца. Пераважна гарызантальнае размяшчэнне матэрыялаў змяняецца вертыкальным, каб затым крыху вярнуцца назад, нарадзіўшы вертыкальна-гарызантальныя або гарызантальна-вертыкальныя кампазіцыі. Гэта і прымусла О. Цыганова дэфініраваць, акрамя прамавугольнай і ламанай вёрсткі, іншыя яе тыпы: гарызантальную, вертыкальную, гары-

зантальную з вертыкальнымі перасячэннямі, вертыкальную з гарызантальнымі перасячэннямі, а таксама сіметрычную.

Недахопы падобных спроб дэфініцый тыпаў класіфікацыі падмеціў А. П. Кісялёў, які прапанаваў сваю, больш паглыбленую. «Пытанне класіфікацыі вёрсткі, — піша ён, — гэта перш за ўсё пытанне аб яе вызначальных крытэрыях»⁶. Вучоны прапануе лічыць такімі крытэрыямі асаблівасці канфігурацыі матэрыялаў: размяшчэнне іх на паласе па вертыкалі і гарызанталі, размяшчэнне адносна цэнтра паласы (сіметрыя і асіметрыя).

Аднак гэта класіфікацыя, якая прадугледжвае 24 тыпы кампазіцыі, усё ж такі слабая па некаторых пазіцыях. Яна не ўлічвае адхіленняў ад базавага фармату набору, якія істотна ўплываюць на рытмічную арганізацыю паласы і, такім чынам, у цэлым на яе знешні выгляд. Газетная практыка паказвае, што змяненне фармату набору ў функцыянальных і эстэтычных мэтах ужываецца ва ўсё большай колькасці выданняў.

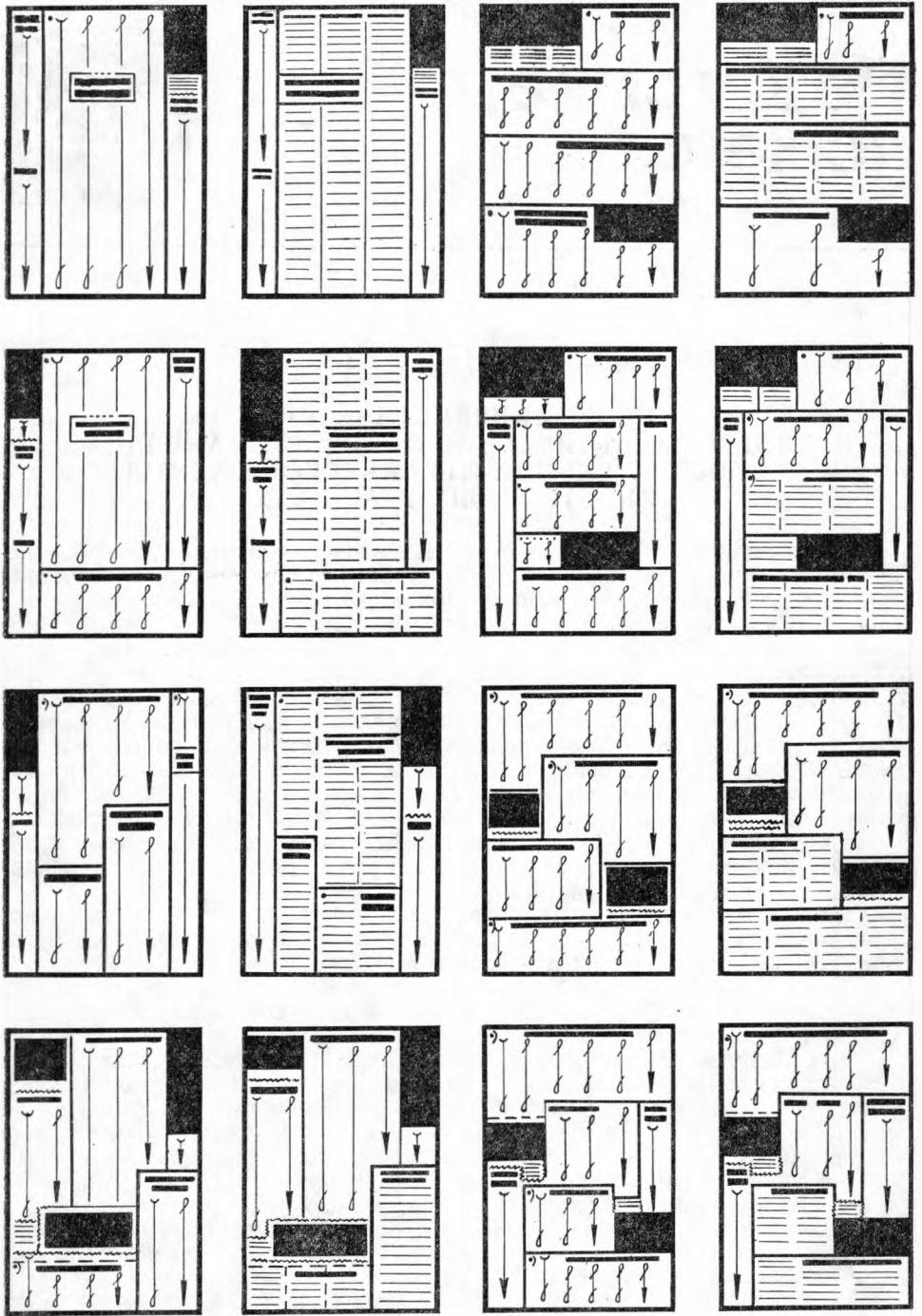
Звернемся да вопыту «Правды». Перад намі № 327 ад 23 лістапада 1987 года. На першай паласе базавым фарматам набрана 280 радкоў тэксту, дадатковымі — 500 (у пераліку на радкі петыту асноўнага фармату), гэта значыць, базавы набор займае ўсяго 23 % карыснай плошчы і менш 40 % тэкставага набору. Другая паласа трансфармавалася ў шасцікалонную, гэта значыць, выкарыстана 100 % набору на дадатковыя фарматы. І калі на трэцяй, пятай, восьмай палосах яўна пераважае асноўны фармат, то на чацвёртай, шостаў, сёмай — суадносіны паміж імі і дадатковымі фарматамі набору аказваюцца прыкладна аднолькавымі.

Спрэчным з'яўляецца арыентаванне на сіметрыю і асіметрыю ў якасці асноўнага крытэрыя вызначэння тыпу кампазіцыі. Тэарэтычна і асіметрыя, і сіметрыя здавалася б — раўнапраўныя метады пабудовы кампазіцыі. Аднак у штодзённай практыцы другі метада амаль не сустракаецца. Пры сіметрычных кампазіцыях палосы выглядаюць грувасткімі, пампезна-манументальнымі. У той жа час страчваецца акцэнт, канструкцыя становіцца візуальна-аморфнай і нярэдка няўстойлівай. Міраслаў Гладкі слухна заўважае, што сіметрычная вёрстка «ў значнай меры падпарадкоўвае змест форме»⁷. Дададзім, што пры гэтым метада макет ператвараецца ў пракрустава ложа для публікацый, калі адны, каб дагадзіць сіметрыі, бязлітасна скарачаюцца, а іншыя штучна расцягваюцца. Такім чынам, асіметрыя, валодаючы пераважнымі пазіцыямі ў афарміцельскай практыцы сённяшняга дня, і тэарэтычна павінна быць прызнана аптымальным метадам вырашэння кампазіцыйных задач.

Усё сказанае дазваляе прапанаваць у якасці асноўных крытэрыяў вызначэння тыпу кампазіцыі наступныя: канфігурацыю матэрыялаў, накіраванасць асноўных пластычных ліній, прымяненне аднаго або некалькіх фарматаў набору. Па першаму крытэрыю ўсе віды кампазіцыі можна падраздзяліць на прамавугольныя, змяшаныя (выкарыстанне як прамавугольных, так і дэфармаваных канфігурацый) і ламаныя. Па другому — на вертыкальныя, гарызантальныя і гарызантальна-вертыкальныя. Па трэцяму — на монафарматныя і поліфарматныя.

На малюнку да артыкула паказаны толькі прамавугольныя монафарматныя і поліфарматныя, а таксама змяшаныя монафарматныя і поліфарматныя тыпы кампазіцыі. Гэта абумоўлена тым, што ламаная кампазіцыя ў чыстым выглядзе ўжо не з'яўляецца прыналежнасцю знешняга выгляду сучасных газет. Апошняя з «вялікіх» выданняў ад яе адмовілася «Літэратурная газета». Усё шырэй выкарыстоўваюць прамыя пабудовы газеты прыбалтыйскіх рэспублік, у якіх ламаны тып у свой час быў даволі распаўсюджаным.

У газетах рэспублікі немагчыма знайсці ў чыстым выглядзе ні вертыкальнай, ні гарызантальнай вёрсткі, калі разглядаць яе як рысу афармлення ўсёй газеты (сукупнасці ўсіх нумароў), а не асобнай паласы ці нумара. Большасць газет усё больш энергічна асвойвае і выкарыстоўвае вертыкальна-гарызантальныя або гарызантальна-вертыкальныя пабудовы без відавочнага прымату аднаго тыпу над другім, калі на паласе, побач з выцягнутымі па гарызанталі або вертыкалі прамавугольнікамі, з'яўляюцца таксама амаль ідэальны правільныя квадраты. Гэта значыць паласа як бы ўтвараецца з асобных аўтаномных графічных адзнак, якія захоўваюць адна за другую і спалучаюцца паміж сабой такім чынам, што чля-

Типы кампазіцыі газетных старонак

ненне па вертыкалі, без разрыву якой-небудзь часткі цэлага немагчыма. Такія віды кампазіцыі аказваюцца найбольш гарманічнымі, здольнымі да больш эфектыўнага функцыяніравання.

¹ Юон К. Об искусстве. М., 1959. Т. 1. С. 226.

² Георгиев Д. Архитектура на вестника. София, 1971. С. 24.

³ Гл.: Ляхов В. Очерки теории искусства книги. М., 1971. С. 139.

⁴ Гл.: Шницгал А. Г. Русский типографский шрифт. М., 1974. С. 183.

⁵ Гл.: Жаров В. Идет брусковая верстка // Советская печать. 1966. № 1.

⁶ Киселев А. П. От содержания к форме. М., 1975. С. 21.

⁷ Цыт. па зб.: Оформление газет и журналов за рубежом. М., 1987. С. 92.

В. В. РЕВИЦКИЙ, И. П. БОНДАРЕНКО

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ

Активное и целенаправленное привлечение к учебному процессу реального языкового окружения и организация его обучающего воздействия на индивида соответствует главному принципу функциональной дидактики, в рамках которой ведется в настоящее время разработка практически всех новейших методов преподавания любого иностранного языка.

В методике преподавания русского языка иностранцам в последние годы одним из ведущих принципов стал принцип активной коммуникативности обучения. Суть его сводится к целому ряду методических положений, основные из которых следующие: практическая направленность целей обучения, функциональный подход к отбору и подаче языкового материала, его ситуативно-тематическая организация, изучение лексики и морфологии на синтаксической основе и др.¹. Если учесть многоаспектность обучающего воздействия среды на индивида, нетрудно убедиться в том, что она выполняет практически все положения, составляющие основу учебного принципа активной коммуникативности:

а) языковой материал поступает непосредственно из сферы реальной коммуникации, а усвоению и запоминанию способствует его незамедлительное применение индивидом в речевой практике;

б) поскольку языковой материал черпается из среды функционирования языка, это обуславливает его функциональную направленность и ситуативно-тематическую организацию;

в) семантизация новых лексических единиц осуществляется главным образом путем их словообразовательного анализа или же при помощи контекста, что соответственно способствует одновременному усвоению морфологических и синтаксических структур языка. Организованное вовлечение в учебный процесс реального языкового окружения не только полностью соответствует таким основным направлениям современного развития методики преподавания русского языка иностранцам, как упор на самостоятельную работу учащихся, индивидуализация обучения, повышение уровня мотивации, активное использование на занятиях средств наглядности и технических средств обучения, но и в значительной мере способствует их практической реализации. Кроме того, самостоятельная языковая работа в условиях среды резко повышает личную ответственность учащихся за уровень знаний языка и ориентирует их на сознательную творческую деятельность.

Рассмотрим более детально вопросы, связанные с индивидуализацией обучения и реализацией языковым окружением функций, характерных для средств зрительной наглядности, так как именно данные аспекты во многом определяют основные направления и структуру подготовки учащихся к самостоятельной лексической работе и обуславливают выбор конкретных форм ее организации.

Проблема индивидуализации обучения в начале 80-х годов стала рассматриваться как один из основных способов интенсификации учебного процесса². Индивидуализацию ученые и методисты понимают как обяза-

тельный учет в обучении личностных интересов индивида, выбор в соответствии с этими интересами форм учебной деятельности, их содержания, последовательности, темпа и т. п. Постановка этой проблемы в лингводидактике обусловлена объективным различием способностей индивидов. «Когда говорят, что опыт и разум свидетельствуют, что люди не равны, то под равенством разумеют равенство способностей или одинаковость физических сил и душевных способностей людей. Само собою разумеется, что в этом смысле люди не равны»³.

Это ленинское положение объясняет, почему очень важно последовательно осуществлять на практике личностный подход к любому педагогическому процессу при выборе конкретных форм организации самостоятельной работы учащихся. Индивидуализация процесса обучения должна помочь учащимся при выполнении задания сделать выбор: объема содержания, конкретных способов реализации, сроков выполнения⁴.

Зрительная наглядность применительно к учебному процессу определяется как «специально организованный показ языкового и экстралингвистического материала с целью помочь учащимся в его понимании, усвоении и использовании в процессе речевой коммуникации». Ее основное назначение с точки зрения психолингвистики заключается в том, чтобы в процессе овладения языковой системой служить для индивида «внешней опорой внутренних действий»⁵.

Учитывая характер и определенную специфику функций средств зрительной наглядности, нетрудно установить следующее их соотношение с функциями языковой среды, выступающей в качестве обучающего фактора:

Функции языковой среды	Функции средств наглядности
Информативная	Семантизация лексических единиц Расширение страноведческих знаний Ознакомление с паралингвистическим компонентом общения
Коммуникативная	Стандартизация языкового материала
Мотивационная	Стимулирование запоминания Стимулирование высказывания
Диагностирующая	Стандартизация языкового материала Расширение страноведческих знаний
Корректирующая	Стандартизация языкового материала
Элиминативная (устранение психологического барьера)	Стимулирование высказывания
Активизирующая	Стимулирование запоминания Стимулирование высказывания
Акселеративная	Использование всех функций средств наглядности

В принципе использование наглядности и технических средств обучения в процессе преподавания языка является своеобразным моделированием типизированных образцов речевого материала и коммуникативных ситуаций, характерных для реального языкового окружения. И если использование аудиовизуальных средств повышает запоминание лексики в среднем на 30—40%⁶, то целенаправленное и методически подготовленное вовлечение языковой среды в учебный процесс увеличивает этот показатель почти вдвое. Этот феномен психологически объясняется так: запечатляемость слова в памяти зависит от образования в коре головного мозга временных нервных связей, прочность которых тем выше, чем больше анализаторов участвует в процессе восприятия⁷.

По данным М. Миндера, при напряженном внимании учащиеся запоминают в среднем 10% прочитанного, 20% услышанного, 30% увиденного, 50% увиденного и услышанного одновременно, 80% сказанного непосредственно ими, 90% сказанного в процессе выполнения тематических действий⁸. Следовательно, среда позволяет обеспечивать максимальный коэффициент запоминания языкового материала.

Стимулирующее воздействие на семантизацию и запоминание новой лексики в условиях языкового окружения оказывает также незамедлительное удовлетворение и подкрепление коммуникативных потребностей

индивида. По мнению А. Н. Леонтьева, именно в этом «заключается «секрет» быстрого обогащения словаря в условиях, когда человек попадает в иноязычную среду и практически вступает в общение на данном языке: возникает большое напряжение потребности, необходимости в слове, оно приходит со стороны собеседника, невольно подсказывается, и «ловушка» захлопнулась: слово запечатлено»⁹.

Обусловливая и удовлетворяя коммуникативные потребности, среда в значительной мере способствует развитию и формированию у индивида механизмов семантической догадки. Однако приобретает догадка отнюдь не с помощью подражания говорящим и не является каким-то подсознательным умением. Она представляет собой результат познавательной аналитико-синтетической деятельности индивида, основанной на его лингвистическом багаже, который сформировался в процессе речевой практики на изучаемом языке. Один из ведущих советских психологов С. Л. Рубинштейн так разъяснял это явление: «Все зависит в первую очередь от того, как организовано и на что направлено действие субъекта, в ходе которого совершается запоминание. Поэтому и непреднамеренное, произвольное запоминание не может быть делом только случая»¹⁰. На сознательный характер процесса эвристической семантизации и усвоения лексических единиц указывают и многие зарубежные исследователи. Так, А. С. Картон считает, что механизм догадки основывается на сведениях воедино в одном направлении признаков формально содержательного плана¹¹.

Следовательно, если догадка представляет собой не чисто интуитивную и подверженную воле случая, а вполне осознаваемую аналитико-синтетическую мыслительную деятельность учащегося индивида, она может и должна формироваться в процессе изучения любого иностранного языка, в том числе и русского, целенаправленно. Однако не только формирование навыков семантической догадки должно быть в центре внимания педагога, привлекающего языковое окружение в свои союзники. Обучение догадке — это задача, которая является основной в подготовке учащихся к самостоятельной лексической работе в условиях русскоязычной среды. Помимо нее необходимо решить еще три важные педагогические проблемы: психологически подготовить учащихся к такого рода деятельности; разработать конкретные формы самостоятельной работы; организовать разумный и действенный контроль за результативностью работы и адекватностью усваиваемых лексических значений.

Все эти аспекты тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены, а максимальная реализация обучаемого потенциала среды зависит от их наиболее рационального взаимодействия.

¹ См.: Митрофанова О. Д. Учебный принцип активной коммуникативности на продвинутом этапе обучения студентов-нефилологов // Русский язык за рубежом. 1979. № 1. С. 58.

² См.: Шляхов В. И. Индивидуализация обучения русскому языку и коммуникативные потребности учащихся // Русский язык для студентов-иностранцев: Сб. метод. статей. М., 1983. Вып. 22. С. 8; Вятютнев М. Н. Теория учебника русского языка как иностранного. М., 1984. С. 84.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 361.

⁴ См.: Вятютнев М. Н. Указ. соч. С. 84.

⁵ Шуккин А. Н. Применение аудиовизуальных средств на занятиях по русскому языку со студентами-иностранцами. М., 1979. С. 9; Леонтьев А. Н. Психологические вопросы сознательности учения: Вопросы психологии понимания // Известия АПН РСФСР. 1967. Вып. 7. С. 16.

⁶ См.: Вопросы использования учебного кино и телевидения в преподавании иностранных языков: сб. лекции лексике средствами наглядности. Л., 1984. Вып. 3. С. 93.

⁷ См.: Зимняя И. А. О слуховой и зрительной наглядности в обучении иностранному языку // Проблемы зрительной и слуховой наглядности. М., 1970. С. 11.

⁸ См.: M i n d e r M. Didactique fonctionnelle. Liege, 1979. P. 183.

⁹ Психоллингвистика и обучение русскому языку нерусских. М., 1977. С. 11.

¹⁰ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946. С. 300.

¹¹ Методика преподавания иностранных языков за рубежом. М., 1976. Вып. 2. С. 178—179.

О РАЗВИТИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ КАЧЕСТВ У БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ

Одна из важнейших задач педагогических отделений университетов — создание сбалансированной и целеустремленной учебно-воспитательной системы формирования профессионально значимых и социально желаемых свойств, черт, качеств будущего учителя. Реализация этой задачи предполагает ориентацию учебно-воспитательного процесса на два типа ценностей: перспективные и реальные, которые должны выступать как взаимосвязанные, при ведущей роли перспективной системы ценностей. Формирование мотивов учебной, познавательной деятельности, а также навыков и умений самообучения (самостоятельная работа с учебной и научной литературой, поиск новой информации, ее переработка, осмысление и фиксация, совершенствование своей памяти, внимания, мышления) — важная часть системы реальных ценностей. Овладение знаниями, умениями и навыками затрагивает не только интеллектуальную, сенсорную и эмоционально-волевую сферы личности, но и при целенаправленных воздействиях, многократных повторениях в разных ситуациях способствует в определенной мере становлению профессионально значимых качеств будущего педагога. Развитие профессиональной направленности, педагогического мышления, профессионально значимых качеств, стремление к самообразованию и самосовершенствованию входят в систему перспективных ценностей, формировать которые должна вся деятельность вуза и, прежде всего, учебная. По целям, содержанию и принципам организации учебной деятельности студентов должна обеспечивать взаимосвязь, реализацию ценностных систем, что сопровождается превращением ее мотивов в профессиональные.

Для определения содержания учебного процесса ключевой является модель педагога, основу которой составляет структура его деятельности. В известной концепции Н. В. Кузьминой выделяются конструктивный, организаторский, коммуникативный и гностический компоненты. Своеобразным отражением структуры педагогической деятельности Н. В. Кузьмина считает педагогические способности. Она подразделяет их на проектировочные, организаторские, гностические и коммуникативные¹. Педагогические способности, по мнению автора концепции, валентны, тесно связаны с общими способностями (особенности ума, речи, воображения), с чертами характера, эмоциональностью учителя и другими специальными способностями (наблюдательностью, творчеством, убедительностью и т. д.).

Обсуждение в ряде работ вопроса о личностных качествах, которыми должен обладать педагог для успешного выполнения педагогической деятельности, как отмечает А. А. Леонтьев², свелось скорее к рассуждениям о комплексе профессиональных умений учителя, которым можно обучить.

Некоторые исследователи утверждают, что самооценка учителя, отрицательные или положительные установки, уровень тревожности, интро/экстротипированности, рефлексивности отражаются на стиле педагогической деятельности и педагогическом мастерстве. При этом отмечается особая значимость таких личностных качеств, как высокий идейный и моральный облик, жизнерадостность, уверенность в себе, сензитивность к потребностям учащихся, эмоциональная уравновешенность, гибкость. Очевидно, для разработки перечня качеств педагога функциональная структура деятельности является необходимым, но недостаточным основанием. В. Н. Панферов и Э. С. Чугунова³ считают, что в основу определения перечня качеств личности специалиста могут быть положены три основания: функциональная структура деятельности, общепсихологическая структура личности, эмпирические представления о личности самих специалистов, которые взаимовыгодно дополняют друг друга. Таким образом, выявление профессионально значимых качеств педагога представляет собой самостоятельную научную проблему, в которой следует выделить исследование качеств личности, делающих человека непригодным к профессии педагога или негативно влияющих на его деятельность (высокий уровень тревожности, агрессивность, злопамятность, мстительность и т. д.), с целью их коррекции, компенсации и формирования новых качеств.

На основании целей исследования, теоретического анализа проблемы

и эмпирических данных, полученных с помощью методов анкетирования и беседы, нами вычленены качества, которые, являясь социально желаемыми для любого человека, профессионально значимы для педагога. Эти качества проявляются в отношениях человека к деятельности, к другим людям, к себе и жизни. Наряду с педагогическими умениями (гностическими, коммуникативными, организаторскими и конструктивными) и педагогической направленностью эти качества должны быть в центре целенаправленных воздействий на личность будущего педагога, задача которого — не только обучать учащихся, организовывать, регулировать и контролировать их деятельность, но и оценивать их, воспитывать, регулировать взаимоотношения в коллективе, развивать активность, инициативность школьников, заражать их оптимизмом, увлеченностью своим предметом. Эти качества профессионально значимы и потому, что наряду со знаниями педагога формируют его авторитет, который усиливает эффективность воспитательных воздействий на учащихся и способствует формированию у них аналогичных качеств.

Темп, уровень развития качеств педагога зависят от целенаправленных и нецеленаправленных воздействий на личность студента в вузе. К целенаправленным воздействиям можно отнести: педагогическую направленность лекционных курсов, практических и семинарских занятий; непрерывную педагогическую практику в школе; научно-исследовательскую работу студентов по психолого-педагогическим дисциплинам; студенческие психолого-педагогические конференции, ориентированные на развитие учебных, познавательных мотивов с их постепенной трансформацией в профессионально значимые качества. Перспективным в этом плане, на наш взгляд, является контекстное обучение⁴, в сменяющихся формах которого постепенно воссоздается содержание будущей профессиональной деятельности. Содержанием контекстного обучения выступает не только предметная сторона будущей профессиональной деятельности, заданная с помощью системы учебных задач, моделей и ситуаций, но и ее социальная сторона, воспроизводимая совместной деятельностью и общением. Включенность в общение, деятельность, проигрывание профессиональной роли способствуют формированию профессионального мышления и развитию профессионально значимых качеств.

Таким образом, педагогизация учебного процесса является одним из основных факторов формирования личности учителя, его профессионально значимых качеств. В этом процессе наряду с целенаправленными факторами следует учитывать нецеленаправленные воздействия, которые могут стимулировать (ускорять или сдерживать) развитие личности педагога. Среди них можно выделить три группы факторов.

Первая группа связана с осознанностью мотивов выбора профессии, степенью развития педагогической направленности. При внешней или случайной мотивации наблюдаются пассивное и поверхностное отношение к приобретению знаний, нежелание работать педагогом. При изучении педагогической направленности студентов педпотоков ВГУ мы установили, что почти каждый третий выпускник (32 % из 286 опрошенных) не хочет работать в школе. На выбор многими опрошенными профессии педагога оказали влияние не любовь к ней, а желание иметь высшее образование, любовь к специальному предмету (например, математика), меньший, чем на производственные потоки, конкурс при поступлении учиться. Все это подтверждает необходимость проведения профориентационной работы с абитуриентами и профессионального отбора на педагогические потоки с учетом осознанности профессионального выбора и профессиональной направленности.

Вторая группа факторов связана с ценностными ориентациями, престижностью профессии педагога, установками к учебной и профессиональной деятельности в академической группе вуза, которые отражаются на мотивах учебной и профессиональной деятельности будущего педагога.

Третья группа факторов связана с индивидуально-психологическими, профессиональными и личностными качествами педагогов вуза (глубина и основательность знаний, увлеченность своим предметом, методика и стиль преподавания, позволяющие показать научно-педагогическую значимость своего предмета, жизненная позиция педагога, его нравственный уровень и стиль общения), которые воздействуют на мотивационную сферу личности студента и становление его как учителя путем «заражения» (например, увлеченность своим предметом), подражания (стиль общения).

Эффективность целенаправленных и нецеленаправленных воздействий

определяется эмоциональным состоянием, на фоне которого протекает процесс обучения, не только личности, но и группы. Поэтому преподавателю следует блокировать отрицательные эмоции, чтобы общий фон занятий ускорял позитивное воздействие на личность студента и становление молодого специалиста.

Особая роль в формировании профессионально значимых качеств личности будущего учителя принадлежит дисциплинам психолого-педагогического цикла: методике преподавания, педагогике, психологии. Психологическая подготовка на педагогических потоках университета ограничена курсом общей психологии в объеме 60—70 часов. Возрастная, педагогическая и социальная психология, необходимые в профессиональной деятельности, не предусмотрены учебными планами. Поэтому в идеале педагогу нужно наряду с целями и задачами общего курса психологии находить резервы для: 1) введения элементов возрастной, педагогической и социальной психологии, раскрытия значения этих дисциплин в деятельности учителя, формирования к ним интереса и потребности в самообразовании; 2) раскрытия психологических основ рациональной деятельности, установления и самоуправления познавательной деятельностью; 3) формирования навыков собственной деятельности и деятельности других как элементов профессионального мышления; 4) обучения некоторым методам изучения личности учащихся и коллектива класса; 5) оказания помощи студентам в познании себя, своих личностных качеств и, в первую очередь, — профессионально значимых в деятельности педагога, определения уровня своей самооценки с целью их формирования, развития и коррекции. Как отмечает Р. Бернс, «задачи самопознания и понимания других в программах педагогических учебных заведений трудно переоценить, ибо учитель учит прежде всего кого-то, и только во вторую очередь чему-то. Поэтому характер личностного развития имеет не меньшую важность, чем академические успехи»⁵.

Конечно, мы понимаем, что полностью сформировать педагогическое мышление, коммуникативную компетентность в одном курсе психологии невозможно, но необходимо акцентировать на них внимание, дать направление развитию психологического анализа, психологической культуры. В какой-то степени это возможно за счет активизации самостоятельной работы студентов, применения активных методов обучения и педагогизации курса общей психологии. Целесообразно применять специализированные методики («педагогические игры», «пробные уроки», миникурсы) и методические приемы, направленные на профессиональную подготовку будущих учителей⁶, не только в курсе педагогики и педагогической психологии, но и общей психологии, объединяя учебные задачи курса общей психологии с формированием педагогического мышления, умений, навыков деятельности, развития профессионально значимых качеств личности будущего педагога. В частности, целесообразно применять ролевые игры на некоторых семинарских занятиях для формирования педагогического мышления, наблюдательности, умения анализировать свою деятельность и деятельность других, для познания своих личностных и деловых качеств. Методика проведения игры заключается в том, что занятие проводится в форме урока по плановой теме семинара одним из студентов. Группа, выполняя роль учащихся, параллельно анализирует урок по заданным критериям, оценивая как деятельность учителя, так и учащихся. Один из студентов выполняет роль эксперта, в задачу которого входит ведение протокола урока и его оценка. После занятия эксперт с группой проводит анализ урока. Обсуждается каждый критерий оценочного листа, и на основании мнения группы выставляется коллективная оценка. Затем уточняются вопросы темы, которые были недостаточно раскрыты. Применение ролевых игр, как показывает практика, способствует повышению активности студентов на занятии, развивает у них эмпатию, способствует формированию профессионального мышления, диалогического общения, формирует качества ответственности, требовательности к себе и другим. Оценочные листы, заполненные каждым студентом, также дают представление о личности «судьи» (его положительных или отрицательных установках по отношению к другим людям, объективности, требовательности).

К сожалению, ограниченное количество учебных часов и многочисленность академических групп не позволяют каждому студенту сыграть роль учителя на уроке. В какой-то мере это можно восполнить проведением микроуроков. Эффективность ролевых игр можно значительно увеличить, если использовать на занятиях видеоманитофоны, чтобы студенты могли

анализировать, осмысливать свое поведение, выявляя сильные и слабые моменты, посмотреть на себя со стороны.

Формированию профессионального мышления, навыков психологического анализа в деятельности педагога способствуют и применение на занятиях ситуативных игр, решение психологических задач, взаимосвязанных с темой семинарских занятий, изучение методов исследования личности, сочетающихся с самопознанием. Профессионально-педагогическому становлению личности студента способствуют и другие методические приемы (защита рефератов, микроконференции и т. д.).

Опыт работы вузов страны показывает, что для эффективной подготовки педагога необходима педагогизация всей учебно-воспитательной работы на факультетах, готовящих учителей, взаимодействие психолого-педагогических курсов с другими университетскими дисциплинами в педагогическом контексте.

¹ См.: Кузьмина Н. В. Основы вузовской педагогической психологии. Л., 1972. С. 95—98.

² См.: Леонтьев А. А. Педагогическое общение. М., 1979.

³ См.: Методы социальной психологии. Л., 1977. С. 115—116.

⁴ См.: Вербцкий А. А. Концепция знаково-контекстного обучения в вузе // Вопросы психологии. 1987. № 5. С. 35.

⁵ Бернс Р. Развитие «Я» концепции и воспитание. М., 1986. С. 335.

⁶ См.: Леонтьев А. А. Указ. соч. С. 35.

У БЕЛАРУСКА-БАЛГАРСКІ СІМПОЗИУМ МОВАЗНАЎЦАУ

У маі 1976 года ў Мінску адбыўся Першы беларуска-балгарскі сімпозіум па тыпалагічных і генетычных моўных сувязях, асноўнымі ўдзельнікамі якога былі мовазнаўцы БДУ імя У. І. Леніна і Сафійскага ўніверсітэта імя К. Охрыдскага. З тае пары такія сустрэчы праводзяцца рэгулярна ў Сафіі і Мінску. У сімпозіум праходзіў у Мінску з 22 па 27 верасня 1987 года. У ім прынялі ўдзел і вучоныя Інстытута мовазнаўства імя Я. Коласа АН БССР.

На пасяджэннях праслухана і абмеркавана 29 дакладаў. Дзейнасці выдатнага беларускага першадрукара і асветніка Ф. Скарыны было прысвечана 6 дакладаў.

У дакладзе прафесара А. Я. Супруна «Да праблемы стараславянізмаў у беларускай мове. Рэфлексы спалучэнняў *dj, *tj у Скарыны» вызначана дыягнастычнае значэнне рэфлексаў названых спалучэнняў для выяўлення стараславянізмаў, якія адлюстроўваюць беларуска-балгарскія моўныя кантакты. Прафесар Л. М. Шакун разгледзеў праблему суадносін сродкаў народна-гутарковага паходжання з элементамі паўднёваславянскімі (старабалгарскімі) ў мове Скарыны. У дакладзе доктара філалагічных навук Г. А. Цыхуна «Паўднёваславянскі кампанент у мове Скарыны» ставіцца задача выяўлення такога кампанента з улікам магчымых прамых кантактаў Скарыны з паўднёвымі славянамі. Вядучая роля філалагічнага падыходу да біблейскіх тэкстаў адзначана ў дакладзе доктара філалагічных навук Н. Б. Мячкоўскай «Філалагічная праблематыка прадмоў у выданнях Францыска Скарыны». «Семантыка-стылістычны аналіз мовы кніг К. Охрыдскага і Ф. Скарыны» — тэма даклада дацэнта М. А. Муталімавай, якая, у прыватнасці, адзначыла стылістычнае і жанравае падабенства твораў двух славянскіх асветнікаў. У дакладзе М. Младэнавай (Сафія) «Роля Ф. Скарыны ў міжславянскіх моўных сувязях» падкрэслівалася значэнне дзейнасці Скарыны для ўсяго славянскага свету.

Палеаславістычная праблематыка была адлюстравана ў дакладах мінчан А. А. Кожынавай «Сэнсавая арганізацыя двух старажытных славянскіх тэкстаў», дзе аналізаваліся пропаведзі на вербную нядзелю К. Охрыдскага і К. Тураўскага, а таксама А. Сурковай і кандыдата філалагічных навук Я. Л. Трэмбавольскага «Аб нетрадыцыйных падыходах да аналізу тэкстаў старажытнаславянскіх помнікаў», дзе зыходным матэрыялам з'явіліся зробленыя аўтарамі частотныя слоўнікі «Жыцця Кірыла» і «Жыцця Мэфодыя».

Гісторыка-тыпалагічная лінія сімпозіума назіраецца ў дакладах балгарскіх лінгвістаў Н. Івановай «Тыпалагічная характарыстыка моўных сітуацый у эпоху Асветы ва ўсходніх і паўднёвых славян», прафесара Д. Станішавай «Семантыка прыназоўнікаў у перспектыве гістарычнага развіцця і іх тыпалагічная характарыстыка ў балгарскай, беларускай і рускай мовах» і С. Стойчава «Некаторыя моманты развіцця -nt-асноў у балгарскай і беларускай мовах». Прафесар Б. Ю. Норман у сваім дакладзе разгледзеў прычыны, якія, на яго думку, выклікалі страту клічнай формы ў адных славянскіх мовах і садзейнічалі яе захаванню ў іншых мовах. Кандыдат філалагічных навук М. П. Антропаў спыніўся на беларуска-палеска-балгарскіх этналінгвістычных адпаведнасцях і прапанаваў даследаваць сістэму такіх адпаведнасцей, якая абмежавана абрадавымі комплексамі.

У дакладзе дацэнта У. А. Карлава «Агульнасць і спецыфіка канструкцый з інфінітывам у рускай і беларускай мовах пры іх перакладзе на балгарскую мову» гаварылася аб аналітычным спосабе перадачы інфінітыва і канструкцый з інфінітывам. Я. Бычвараў (Сафія) прысвяціў свой даклад «Канектары «давыказвання» у балгарскай і беларускай мовах» граматычнаму аспекту функцыянавання такіх слоў, як *мога быць, вядома, нарэшце* і інш. і іх аналогаў у балгарскай мове. У дакладзе кандыдата філалагічных навук А. М. Калюты «Структурна-семантычныя асаблівасці да-канструкцый у асацыятыўных эксперыментах» пададзены псіхалінгвістычны аналіз да-рэакцый на матэрыяле балгар-

скай мовы ў параўнанні з дадзенымі беларускай мовы. М. Віларава (Сафія) разгледзела функцыі прыслоўя з тэмпаральным значэннем ў беларускай і балгарскай мовах.

Лексіка-семантычная накіраванасць сімпозіума выявілася ў васьмі дакладах мінскіх мовазнаўцаў. Прафесар В. У. Мартынаў прапанаваў этымалагічную версію роднасці балгарскага «як» і беларускага «нягеглы». Кандыдат філалагічных навук Н. В. Івашына прааналізавала цэлы шэраг назваў Пляяд у беларускай і балгарскай мовах на агульнаславянскім фоне. Л. Р. Супрун прапанавала ўвазе слухачоў доклад «Беларускія і балгарскія назвы хмар на агульнаславянскім фоне». Параўнанне балгарскіх і беларускіх дзеясловаў уяўлення (тыпу «уяўляць», «здавацца») — тэма выступлення А. М. Рудэнкі. Прафесар Б. А. Плотнікаў для даследаванняў па тыпалогіі лексікі славянскіх моў прапанаваў выкарыстаць паняцце слова-эталону, г. зн. свайго роду абстрактнага словамадэлі, якое здольнае ўключыць у сябе мноства рэальных слоў розных славянскіх моў. Кандыдат філалагічных навук Г. І. Шаўчэнка закранула ў докладе пытанне пра спосабы, час і шляхі перадачы уласных антычных імёнаў ў славянскіх (балгарскіх і беларускіх) паўкальках. Грунтуючыся на дадзеных псіхалінгвістычнага эксперымента, Л. Б. Адуцкевіч раскрыла ўзаемаадносіны паміж семантыкай і будовай рускіх слоў ва ўспрыманні балгар. Культурны фон семантыкі слоў (назвы кветак, дрэў) паказаны ў докладе прафесара У. В. Макарава.

На сімпозіуме былі прачытаны два «фанетычныя» даклады: дацэнта І. Гугуланавай (Сафія) «Аўтаматычнае чаргаванне націскных і ненаціскных галосных у балгарскай і беларускай мовах» і У. Б. Жураўля «Аб рэдукцыі галосных у беларускай і балгарскай мовах», а таксама два даклады метадычнага характару: дацэнта І. М. Шчарбакавай «Аб супастаўленых асновах выкладання беларускай фанетыкі балгарам» і кандыдата філалагічных навук І. М. Шкрабы «Метадычныя асновы выкладання беларускай лексікі балгарскім студэнтам».

Пры падвядзенні вынікаў сімпозіума беларускія і балгарскія вучоныя намецілі канкрэтныя перспектывы і вызначылі новыя кірункі свайго плённага супрацоўніцтва.

А. М. Калюта

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВУК КАРАДЖИЧ И СЛАВЯНСКАЯ КУЛЬТУРА»

24—25 ноября 1987 года на филологическом факультете Белгосунiversитета имени В. И. Ленина проходила научная конференция, посвященная выдающемуся деятелю мировой и славянской культуры, крупнейшему филологу и этнографу, основоположнику сербскохорватского литературного языка, реформатору его графики и орфографии, автору первой грамматики и первого словаря сербскохорватского языка Вуку Стефановичу Караджичу (1787—1864), двухсотлетний юбилей которого по решению ЮНЕСКО широко отмечался во всем мире.

Инициатором и организатором конференции «Вук Караджич и славянская культура» выступила кафедра общего и славянского языкознания. Кроме университетских филологов, в работе конференции приняли участие сотрудники Института языкознания имени Я. Коласа и Института искусствovedения, этнографии и фольклора АН БССР, а также украинские специалисты по истории сербской литературы и культуры.

На конференции заслушано десять докладов, посвященных жизни и деятельности выдающегося ученого. В докладе А. Е. Супруна «Вук Караджич и славянская филология» высоко оценено значение практической и теоретической деятельности сербскохорватского реформатора для истории языка, развития литературы и культуры его собственного народа, а также для развития филологической мысли и культуры во всем славянском мире.

В докладе «Караджич и его современники в белорусской фольклористике» К. П. Кабашников (Минск), говоря о связях Вука Караджича с русской наукой и влиянии на него русской филологической мысли, констатировал несомненность взаимовлияния. В докладе показана роль деятельности Вука Караджича в становлении русской и белорусской фольклористики, отмечено его влияние на отдельных представителей белорусской фольклористики, в частности на Зориана Доленгу-Ходаковского.

Исследованию фольклорного и этнографического наследия Вука Караджича были посвящены выступления Л. М. Соловей и Н. П. Антропова (Минск). В докладе «Наследие Вука Караджича как источник изучения межславянских фольклорных связей» Л. М. Соловей подчеркнула важность сопоставительного изучения фольклорных произведений для определения этногенеза славян. Родство некоторых древних славянских сюжетов и символов Л. М. Соловей выявила путем сравнения некоторых сербских и белорусских обрядовых песен. Доклад Н. П. Антропова «Этнографическое наследие Вука Караджича в восточнославянской этнолингвистике» был посвящен богатейшему и все еще мало изученному этнографическому наследию Караджича. На примерах некоторых общих обычаев, записанных белорусскими этнографами и найденных в описаниях Караджича, автор доклада обосновал необходимость их глубокого сопоставительного изучения для дальнейшего развития этнолингвистики.

О культуре сербов до Вука Караджича, в частности об истории украинско-сербских связей эпохи барокко и украинском влиянии на развитие культуры сербов этого периода, говорилось в докладе Е. Н. Пашенко (Киев) «Культура сербов до Вука Караджича».

Близость Караджича к славянскому романтизму исследована в докладе М. Я. Гольберга (Дрогобыч) «Вук Караджич и проблемы типологии славянского романтизма».

Анализу отдельных сторон деятельности Вука Караджича — реформатора графики и орфографии, создателя первой грамматики и словаря народного языка — были посвящены выступления языковедов. В частности, в докладе Г. А. Цыхуна (Минск) «Отзвуки реформы Вука в Белоруссии и Македонии» освещено влияние осуществленной Караджичем реформы орфографии на формирование белорусского и македонского литературных языков. А в докладе Н. Б. Мечковской (Минск) «Вуковица в аспектах фонологии и социальной семиотики» — роль предшественников Караджича и самого Вука в создании сербской кириллицы (вуковицы) и суть произведенной им реформы, а также факторы, определявшие принятие или неприятие графической реформы Караджича. Доклад Л. В. Леоновой (Минск) «Прилагательные со значением морально-этической оценки и эмоционального состояния человека в Словаре Вука Караджича» посвящен группе прилагательных, не внесенных Караджичем в словарь по причинам несвойственности их народному языку или ради его очищения от книжных иноязычных заимствований. Анализу сходства и отличий Сербского словаря Вука Караджича и Словаря белорусского наречия Носовича был посвящен доклад С. Н. Запрудского.

Л. В. Леонова

Н. А. Павленко. **История письма.**
Минск: Вышэйшая школа, 1987. 236 с.

Рецензируемая работа написана опытным исследователем и педагогом, профессором кафедры общего и славянского языкознания Белорусского государственного университета, который многие годы успешно читал спецкурсы по проблемам письма. Педагогическое мастерство, умение выделить из бесконечного моря фактов и деталей наиболее существенные ключевые моменты, заинтересовать и увлечь аудиторию — наиболее характерная черта данной работы. Прекрасно построенная и полиграфически безукоризненно выполненная книга Н. А. Павленко в увлекательной форме описывает процесс возникновения и развития письма у различных народов, вскрывает взаимоотношения и общие типичные черты в построении различных систем письма, равно как и их существенные различия.

История создания и развития различных типов письма разворачивается на историко-культурном фоне. Описываемые автором письменности сопоставляются с конкретными историческими условиями их создания, даются краткие сведения по истории и культуре народа, создавшего или перенявшего и приспособившего тот или иной алфавит. Рассказывая о исторических судьбах алфавитов, автор приводит сведения о государственности, религии, условиях жизни народов. Достоинством работы является последовательно проводимое соположение между типом письма и типом языка, применительно к которому это письмо было создано и исторически удерживалось (ср., например, соположение китайского письма и языка, рассуждения по поводу консонантно-звукового письма). Деление письма на типы проводится Н. А. Павленко по способу представления самих графических знаков (что принципиально важно), а не по репрезентации тех или иных единиц звукового языка (как, например, у Е. И. Гельба).

Монография Н. А. Павленко состоит из разделов: предыстория письма, основные

этапы его развития, пиктографическое, идеографическое, слоговое (силлабическое) и смешанное слоговое письмо, буквенно-звуковое (фонемографическое) письмо; литература, именной и предметный указатели, перечень иллюстраций. По методике представления материала удачным является то, что каждому историческому типу письма предшествует, во-первых, разъяснение термина, предопределившего его классификационное наименование, и, во-вторых, выделяются основные черты рассматриваемого типа. Так, в качестве наиболее существенных черт пиктографического письма выделяются коммуникативная преднамеренность изображения, нерасчлененность пиктограммы на части, соответствующие отдельным словам, т. е. отсутствие отражения графикой особенностей внутренней членимости и передаваемого сообщения, установка на понимание элементов пиктограмм как частей единого целого. Интересно и мнение автора о том, что синтетический характер пиктографического письма отвечал полисинтетическому строю языков, и поэтому не случайно этот тип письма получил наибольшее развитие у народов Крайнего Севера и американских индейцев. Основными чертами идеографического письма автором называются: его способность передавать отвлеченные понятия, воплощенные в словах, фиксация сообщения дословно, наличие строго установленных и устойчивых начертаний графических знаков. Специально отмечается, что слоговые системы письма, в которых графический знак обозначает слог, характеризуются уже относительно небольшим количеством графических знаков и позволяют точнее передавать фонетическую и грамматическую стороны письма. Теоретически значимым представляется мнение автора о том, что при чтении психологически легче выделить слог, чем отдельный звук (фонему). Не случайно, по его словам, даже в языках, использующих звуко-буквенное письмо, обучение детей грамоте начинается с чтения по слогам. Действительно, не исключено, что относительно позднее

создание и далеко не повсеместное распространение так называемого подлинного (звуко-буквенного) алфавита имеет соответствующее психолингвистическое основание. Различные слоговые системы письменности и до сих пор широко используются во многих странах мира, особенно в Индии и других регионах Юго-Восточной Азии. Возможным, с точки зрения дальнейшего членения типов письма на более частные подтипы, является проводимое автором подразделение всех слоговых систем на четыре группы по гнетическому признаку. К первой относятся слоговые системы, возникшие в результате внутреннего преобразования идеографических систем. Вторую группу составляют слоговые системы, появившиеся на основе консонантно-звукового письма путем вокализации. Третью — слоговые системы, возникшие как дополнение к идеографическим для обозначения грамматических показателей, четвертую — новоизобретенные в XIX — начале XX века слоговые системы, предназначенные для некоторых народностей Америки, Африки и Азии. Буквенно-звуковое фонемографическое письмо, в котором каждый графический знак обозначает фонему, Н. А. Павленко традиционно подразделяет на две разновидности: «консонантно-фонемографическую и вокализованно-звуковую» (в отличие от И. Е. Гельба, который рассматривает консонантно-звуковое письмо как разновидность слогового).

По сравнению с работами Д. Дириингера, И. Фридриха, И. Е. Гельба в книге Н. А. Павленко детально и увлекательно описано славянское и собственно русское письмо, их возникновение, типы, проводившиеся реформы, историческая судьба. Особый интерес представляет отсутствующий в других изданиях такого рода материал, посвященный белорусской письменности, в частности особенностям написания букв в старобелорусской графике, специфике западнорусского устава и полуустава, западнорусской скорописи, современной белорусской графике.

Исследование написано с учетом новейших достижений науки, увлекательно, легким и доступным языком. Оно, безусловно, представляет значительный интерес для всех, кто занимается вопросами языкознания, истории, теории письма, археологии, истории культуры.

Т. А. Амирова

Слова пра паход Ігаравы. Мінск: Мастацкая літаратура, 1986. 159 с.

Выданне зборніка «Слова пра паход Ігаравы» — адна з важных з’яў культурнага жыцця. У кнігу ўвайшлі старажытнарускі тэкст помніка «Слова о полку Игореве, Игоря, сына Святослава, внука Олегова» і пяць перакладаў на сучасную ўсходнеславянскую мову. Гэта навуковы пераклад на рускую мову Д. С. Ліхачова і паэтычныя — Мікалая Забалотцага «Слова о полку Игореве», Максіма Рыльскага «Слова про Игорів похід», Янкі Купалы «Песня аб паходзе Ігара», Ры-

гора Барадудзіна «Слова пра паход Ігаравы». Укладальнікам зборніка, а таксама аўтарам прадмовы і каментарыяў з’яўляецца В. А. Чамярыцкі.

Матэрыял для кнігі падобраны так, што дае чытачу ўяўленне не толькі пра найбольш яркія пераклады савецкага часу, але дазваляе таксама больш поўна прадставіць дзейнасць беларускіх перакладчыкаў. У выданні змешчаны пераклад Купалы, агульнапрызнаны як адзін з лепшых на мовы народаў СССР, новая праца вядомага беларускага паэта Р. Барадудзіна. Шэраг выдатных перакладаў дазваляе шматгранна разгледзець ідэі і мастацкія якасці старажытнага помніка. А калі ўлічыць, што апублікаваны старажытны тэкст падрыхтаваны В. Чамярыцкім на аснове прац вядучых даследчыкаў сектара старажытнаруускай літаратуры АН СССР (Пушкінскі Дом), то можна сцвярджаць, што ажыццёўлена такое выданне помніка, якое стане асновай для далейшага яго вывучэння на Беларусі.

Уступны артыкул «Неўміручая песня старажытнай Русі» выдатна спалучае навуковы падыход да тлумачэння гістарычных падзей з папулярнасцю выкладання. Апошняя, аднак, не спрощвала задачу, а наадварот, ускладняла яе. Бо В. Чамярыцкі не абмежаваўся традыцыйным перакладам агульнавядомых медзевістам рэчаў. Ён паглядзеў на праблематыку, мастацкія вобразы, эстэтычныя ўласцівасці твора вачыма чалавека, для якога «Слова...» каштоўнае не толькі як частка гісторыі нашай вялікай Радзімы, але адначасова і сарэтай цеплынёй сэрца, бязмежна дарагой Беларусі. Таму аўтар, апісваючы грамадскае жыццё сярэднявечча, асаблівую ўвагу звярнуў на феадальныя паходы супроць Полацка, Друцка, Мінска і іншых беларускіх гарадоў. У артыкуле выразна прагучалі ваяўнічыя ўрыўкі са старажытнарускіх летапісаў разам з каментарыям, які поўны стрыманага дакору: «Так, бы геройскія ўчынкi, апісваў свае былыя паходы з агнём і мечам на сваіх адзінаверных суайчыннікаў кіеўскі князь Уладзімір Маанамах». Калі ж размова ідзе пра кампазіцыю «Слова...», то дарэчы ўспамінаецца, што менавіта яе нагадвае лабудова «Песні пра зубра» Міколы Гусоўскага. А сярод дзеючых асоб князёў найбольш падрабязна разгледжаны полацкі Усяслаў. Зусім слушна гаворыцца, што старажытны паэт намалываў яго ў духу вуснапаэтычных традыцый, як авяянага ўсенароднай славай. Аднак здаецца недастаткова абгрунтаваным сцвярджэнне, быццам ён прадстаўлены аўтарам «Слова...» па маральных якасцях як дадатны герой, варты захаплення, у процілегласць Алегу Гарыславічу.

Завяршаецца прадмова кароткім аглядам літаратурнага жыцця «Слова аб полку Ігаравым» ва ўсходнеславянскіх землях пасля яго адкрыцця ў канцы 18 стагоддзя. Тут успамінаюцца побач з імёнамі А. Пушкіна, В. Бялінскага, Т. Шаўчэнкі беларус З. Даленга-Халадоўскай, А. Міцкевіч, У. Сыракомля. Больш падрабязна аўтар спыняецца на перакладах

М. Багдановіча, Я. Купалы, Р. Барадуліна.

У такім жа ключы, гарманічна з уступным артыкулам падрыхтаваны і каментарый да старажытнага помніка. Пасля кароткага паведамлення пра гісторыю тэкста укладальнік тлумачыць незразумелыя выразы. І трэба сказаць, што робіць гэта з разлікам на шырокага чытача, дастаткова падрабязна, з прыцягненнем для супастаўлення беларускіх рэалій. Вось які, напрыклад, каментарый даецца словам «тогда, при Олзе Гориславичи»: «г. зн. у другой палове XI ст., у часы Алега Святаслававіча, празванага Гарыславічам. Гарыславай, як вядома, называлі летапісцы Рагнеду Полацкую, якой давялося нямат перажыць, пагараваць за свае нялёгкае жыццё. Таму ў гэтым прозвінчы больш спачування, чым асуджэння».

Увогуле трэба сказаць, што такое выданне тэксту помніка са шматлікімі перакладамі, уводным артыкулам і каментарыямі на Беларусі ажыццёўлена ўпершыню. Яно істотна становіцца адрэзнівацца ад панярэдняга, таксама юбілейнага зборніка 1938 года. А выразная ідэйная скіраванасць укладальніка, насычанасць яго матэрыялаў фактамі з гісторыі і мастацтва нашай рэспублікі сведчаць пра добра распрацаваную літаратурна-разнаўствам аснову для вывучэння «Слова...» ў кантэксце беларускай культуры разам з рускай і ўкраінскай.

Л. І. Зарэмба

М. П о п о в а. **Кратък валентен речник на глаголите в съвременния български книжовен език.** София: Издателство на Българската академия на науките, 1987. 544 с.

«Краткий словарь валентности глаголов в современном болгарском литературном языке» М. Поповой представляет собой для болгарской науки новый тип лексикографических пособий. Лингвистам известны словари глагольной дистрибуции, построенные на материале немецкого (Г. Хельбиг и В. Шенкель), польского (М. Кавка) и других языков; рецензируемое издание продолжает и развивает эти традиции.

Словарь содержит информацию о сочетаемости примерно 1000 болгарских глаголов, отобранных преимущественно по частотному и прагматическому принципам. Собственно словарным статьям в книге предшествует обширное теоретическое введение (с. 9—89), в котором, кроме изложения методологических принципов, автор делает попытку систематизировать основные валентностные типы в болгарском языке: группы глаголов с одним актантом, с двумя, тремя и т. д. Вслед за своими предшественниками М. Попова различает обязательную и

факультативную валентность. Это существенно, в частности, потому, что глагол, в его наиболее естественной функции сказуемого, играет в высказывании организующую роль: вместе со своим обязательным окружением он образует костяк высказывания, его структурную основу.

Словарь представляет интерес и для изучения особенностей присловной связи — в частности, его материал позволяет анализировать совместимость или несовместимость конкретных объектных и обстоятельственных распространителей, активность различных предлогов в подчинительных конструкциях и т. п.

Наконец, рецензируемое издание окажет действительную помощь лексикографам: в нем воплощаются современные идеи о связи лексического значения с синтаксическими признаками.

Словарные статьи включают в себя следующие части: грамматическую характеристику — вид, переходность и некоторые личные показатели (сразу отметим: данная информация кажется нам для этого типа словаря необязательной, избыточной), семантическую дефиницию (она берется в готовом виде из надежных лексикографических источников) и многоступенчатый валентностный «портрет» лексики. Сюда входят: а) синтаксическая характеристика слова (окружение глагола, описанное в терминах членов предложения), б) лексико-морфологическая характеристика (то же самое, но в терминах частей речи), в) семантическая характеристика (то же самое, но в терминах «категориальных понятий» — таких, как: лицо, предмет, состояние, качество, место и т. п.) и, наконец, г) конкретные лексико-грамматические контексты (примеры употребления данного глагола, взятые главным образом из художественной литературы).

Упреки, которые можно адресовать этому изданию, в большинстве своем те же, что делаются всем словарям подобного рода. Во-первых, ощутимым недостатком словаря является его неполнота. Ясно, что автор был ограничен определенным объемом издания, и все-таки отбор глаголов в ряде случаев кажется уж слишком субъективным. Вызывает сомнения и применение критерия обязательности по отношению к той или иной подчиненной форме. Встречаются в книге и необъяснимые отступления от алфавитного принципа расположения лексики.

В целом же «Словарь валентности глаголов» М. Поповой — несомненно ценное издание для всех, кто изучает болгарский язык. Он может найти применение и в контрастных исследованиях, в частности, при сопоставлении глагольного управления и синтаксических моделей болгарского языка с соответствующим материалом русского или белорусского языков.

Б. Ю. Норман